С 91(98)
Г 874

Б. ГРОМОВ

ПОХОД СИБИРЯКОВА

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1 9 3 4

М570344

Громов — Поход Сибирякова

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗ

12

1787к

С 91(98)
Г 874

Б. ГРОМОВ

ПОХОД „СИБИРЯКОВА“

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1966 г.

1787к

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1934

91(98) + 91(09с)

М 570344

1995

2002

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

2010

1966 г.

Нейтрализация
20 10 г.

СОВЕТСКАЯ АРКТИКА

Арктика с давних времен привлекает к себе внимание человека. Сотни отважных путешественников, исследователей, опытных капитанов из года в год пытались приоткрыть завесу таинственности, окружавшую эту громадную неизвестную науке область.

Безграничные ледяные пустыни, холод, мрачная темнота полярной ночи не останавливали упорных исследователей. Человек смело ринулся в бой со льдами, продолжая свой путь завоевателя.

Что заставляло людей подвергать свою жизнь опасности и лишениям?

В первую очередь — спортивный интерес, голое рекордсменство для достижения полюса, богатейшие коммерческие перспективы, жажда легкой наживы при торговле с малыми народностями, а уже затем — в более поздние времена — научные исследования и открытие новых транспортных путей на Восток.

Что такое Арктика? — на этот вопрос пытались ответить лучшие мировые ученые, рисковавшие своей жизнью во имя науки. Фритьоф Нансен, Роальд Амундсен, Эрик Норденшельд, Виллем Баренц, Георгий Седов — вот те славные исследователи-энтузиасты, связавшие свою жизнь со страной ледяного безмолвия, вписавшие свои имена в историю завоевания Арктики.

Для Советского Союза, имеющего огромную арктическую границу, длиной до 30 тыс. километров, изучение полярных областей естественно является одной из первых задач.

— Простой взгляд на карту России, — писал в свое время инициатор постройки крупнейшего ледокола «Ермак» С. О. Макаров, — показывает, что она своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан. В него впадают гигантские и многоводные реки Сибири.

В период бурного развития промышленности, всего народного хозяйства республики — нет никакого основания считать огромные приполярные области Союза навсегда оторванными от социалистического строительства. Жестокие зимы, вечная мерзлость почвы, полярные ночи при бурно прогрессирующей науке и технике уже не становятся непреодолимыми препятствиями. Новые виды транспорта, как ледоколы, сверхмощные самолеты и дирижабли, в корне меняют понятие об отдаленности этих областей от культурных центров.

15 мая 1926 г. был опубликован декрет Совнаркома СССР, заставивший обратить внимание масс на далекий Север республики, фактически положивший начало огромной исследовательской работе, которая теперь из года в год проводится советскими научными организациями.

— Территорией СССР, — гласил декрет, — объявляются все, как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования этого постановления признанной правительством СССР территорией каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья СССР до Северного полюса, в пределах между зоной СССР, т. е. между меридианом 32 град. 04 мин. 35 сек. восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы, и меридианом 168 град. 49 мин. 30 сек. западной долготы от Гринвича.

Таким образом декрет советского правительства оградил советский сектор Арктики от посягательств и империалистических вожделений иностранных государств, имевших тенденцию в связи с проблемами установления трансарктических воздушных сообщений завладеть нашими островами, расположенными в непосредственной близости от Азиатского материка (Земля Франца Иосифа, остров Врангеля и т. д.).

— Мы не собираемся еще раз открывать полюса, — заявлял известный полярный исследователь Нансен, — но

здесь, в крайних областях Севера, где рождается погода Европы и Северной Америки, мы соберем метеорологический материал, для того, чтобы превратить метеорологию из искусства в науку.

И действительно, еще недостаточно освоенная метеорология заставляет нас обратить особое внимание на неисследованный, неизученный район земного шара, район, где зарождаются циклоны, антициклоны, создаются осадки, повышенное и пониженное давления,—словом, все то, что делает нашу погоду. Сейчас уже совершенно ясна та огромная роль, которую играет полярная область в общей циркуляции атмосферы. Поэтому только постоянные и регулярные наблюдения за воздушными течениями, за движением циклонов и антициклонов дадут возможность предугадывать погоду, и чем лучше мы будем знать метеорологию Арктики, тем удачнее сможем делать научные предсказания, прогнозы на определенный период времени.

СССР находится неподалеку от огромных резервуаров холодного воздуха и морских пространств, постоянно покрытых ледяными полями. Поэтому для того, чтобы наши предсказания погоды были точны и верны, необходимо в первую очередь изучить всю ту сложную систему, которая управляет атмосферой в арктических областях.

— Погода делается на севере, — заявляет крупнейший советский полярный ученый проф. В. Ю. Визе.

А это значит, что от состояния погоды на Севере в значительной степени зависит состояние погоды не только у нас в СССР, но и в центральной Европе.

Другими словами, изучив погоду в Арктике, можно будет более точно предсказывать погоду для всего Советского Союза, предсказывать например, будет ли год дождливым, холодным и т. д., что чрезвычайно важно для бурно развивающегося социалистического земледелия. Уже сейчас удалось установить прямую связь между состоянием атмосферы в приатлантической части Арктики зимой и количеством выпадающих осадков в следующую весну в центральном и юго-восточном районах европейской части республики, при чем эта зависимость дает возможность непосредственно предвидеть столь часто наблюдающиеся в практике весенние засухи, нередко уничтожающие посевы. Вместе с тем изучение положения и колебания южной гра-

ницы полярных льдов привело к выводам, что температура воздуха зимой в Ленинграде в некоторой степени зависит от состояния льдов в Гренландском море в предыдущую весну.

Советское мореплавание, авиация, сельское хозяйство, здравоохранение, охотничья и рыболовная промышленность в сильной степени заинтересованы в планомерном и постоянном изучении атмосферы. Правильные предсказания погоды должны сберегать государству огромные средства. Известно, что американцы, благодаря широкой сети постоянно-действующих метеостанций, съэкономили Соединенным Штатам около 200 тыс. долларов.

Поэтому-то советское правительство во главу всей исследовательской работы поставило — строительство мощной сети радио-метеостанций по всему побережью, островам и землям крайнего Севера. В настоящее время такая сеть научных радиостанций уже создана на всех северных форпостах советского сектора Арктики — на Мурманском побережьи, Новой Земле, Земле Франца Иосифа, Северной Земле, острове Вайгач, Югорском Шаре, Мысе Челюскина (самая северная оконечность Азии) в устье реки Лены (бухта Тикси), на острове Диксон (близ устья р. Енисея), Ново-Сибирских островах, острове Врангеля, мысе Уэллена (восточная оконечность азиатского материка) и т. д.

Словом, впервые в истории научных исследований Севера советское правительство приступило к действительному завоеванию гигантских арктических областей.

В послереволюционные годы работа по освоению советского сектора Арктики достигла блестящего своего расцвета.

Под непосредственным руководством Всесоюзного арктического института и его шефа — проф. О. Ю. Шмидта — советские ледоколы буквально избороздили всю западную часть Полярного моря.

Пятилетний план освоения Арктики выполнен институтом в $3^1/_2$ года. За это время морскими экспедициями было пройдено 96.300 клм., сухопутными—78.800 клм., воздушными — 29.200 клм. Всего 204.300 клм.

Помимо этого, исследовательскими экспедициями передано Советскому Союзу 40 тыс. кв. километров вновь открытых земель и впервые положено на карту свыше

100 тыс. кв. километров территории. В настоящее время сданы в эксплоатацию апатиты Кольского полуострова, каменноугольный бассейн р. Печоры, слюды Карелии, рыбные богатства Новой Земли, звериные промысла Земли Франца Иосифа. В ближайшее время передаются в эксплоатацию периты Новой Земли и звериные промысла Северной Земли.

Таким образом научно-исследовательские экспедиции и разведки идут нога-в-ногу с экономическим развитием отдаленных областей Союза.

Ледокол в комбинированной работе с самолетом и радио доказал свои неоценимые преимущества в деле завоевания Арктики, имея возможность проникать туда, куда, казалось, нет доступа человеку.

Полные права гражданства ледокол получил после знаменитого полярного рейса «Красина» на поиски экспедиции Умберто Нобиле в 1928 г., окончившегося, как известно, триумфом советского мореплавания.

С 1929 г. под руководством проф. О. Ю. Шмидта начинается планомерное и систематическое освоение полярных областей. Ледокол «Седов» с капитаном В. И. Ворониным во главе совершает ряд блестящих экспедиций на Землю Франца Иосифа и Землю Северную. В Карское море, устье р. Енисея ежегодно пробираются флотилии торговых судов. Там, где всего 10 лет тому назад едва вывозили несколько тысяч тонн груза, главным образом сибирского сырья, в 1930 г. уже было вывезено 158.505 тонн лесоматериала, пушнины и т. д. Западную часть Арктики удалось сделать доступной для постоянной навигации. Эта огромная победа, имеющая большой практический смысл, в значительной степени была добыта, благодаря прекрасной работе научных радио-метеостанций, опоясавших эти районы.

Теперь уже ни у одного моряка нет представления об Арктике как о стране, имеющей с определенных градусов сплошной непреодолимый ледяной барьер. Тяжелые поля, гигантские торосы, огромная ледяная пустыня медленно, но сдается под напором стального форштевня советского ледокола.

В нынешнее время полярные исследователи имеют еще одно весьма мощное оружие в борьбе с вековыми льдами Арктики. Это — самолеты и дирижабли.

— Настал момент, — говорил Нансен, — когда техника дала нам в руки средства для планомерного, систематического и продолжительного изучения полярного бассейна.

Эти слова он произнес в момент открытия первого международного Общества изучения Арктики с помощью воздушных кораблей в 1927 г.

И действительно, перспективы работы самолета и дирижабля в Арктике — колоссальны. Известен, например, случай удачного освоения северных границ при помощи самолетов, произведенный канадским правительством, где 250 самолетов применялись для регулярных почтово-пассажирских рейсов, доходивших до берегов Полярного моря, аэрофотосъемки лесов, для разведок полезных ископаемых, санитарной службы и т. д. По словам проф. В. Ю. Визе, самолет в Канаде произвел настоящую революцию как в деле горных разведок, так и вообще эксплоатации естественных богатств арктической Канады, в силу чего огромная область стала развиваться с исключительной быстротой

Советский Союз прекрасно оценил громадное значение воздушного транспорта в деле освоения его северных границ. Это подтверждается тем фактом, что развитие северной авиации нашло свое отражение во втором пятилетнем плане народного хозяйства республики.

Блестящая работа наших выдающихся северных летчиков — М. С. Бабушкина, Б. Г. Чухновского, Кальвица, Слепнева, Алексеева, Страубе, Козлова, Иванова, Дедущенко и др. служит залогом новых побед, новых завоеваний на далеком фронте северных окраин Союза.

Как известно, первую попытку перелететь через полюс на воздушном шаре совершил шведский инженер Соломон-Август Андрэ в 1897 г. Но этот опыт окончился тяжелой трагедией: Андрэ со своими спутниками, физиком Стриндбергом и техником Френкель, погибли на острове Белом, и их тела были найдены лишь в 1930 г. норвежской научно-промысловой экспедицией под начальством геолога Хорна.

Первый же аппарат, управляемый в воздухе и применен-ный в Арктике, вел русский летчик Нагурский. В 1914 г. он сделал 5 полетов на самолете «Фарман» вдоль западных берегов Новой Земли с целью розыска пропавшей полярной экспедиции Георгия Седова.

По окончании империалистической и гражданской войны

опять возобновились попытки завоевания Арктики с воздуха. В 1923 г. на гидросамолете «Юнкерс» в районе острова Шпицбергена летал швейцарский летчик Миттельгольцер, в 1925 г. на самолете «Дорнье-Валь»—Роальд Амундсен достигает 87 град. 43 мин. северной широты, в 1926 г. американец Бэрд на самолете «Фоккер» перелетает со Шпицбергена до полюса и обратно и наконец в том же году неутомимый Амундсен на дирижабле «Норге» перелетает через полюс в Аляску. В 1931 г. над ледяной пустыней Арктики появляется первый полужесткий дирижабль «ZZ-127» под начальством доктора Эккенера.

После блестящих северных полетов летчиков Бабушкина и Чухновского на поиски группы Нобиле, начиная с 1929 г. советские самолеты приступают к регулярному обслуживанию карских экспедиций, производя разведку льдов. Почин был сделан Б. Г. Чухновским, летавшим в южной части Карского моря на самолете системы «Дорнье-Валь». Но уже в 1930 г. карскую экспедицию обслуживали 3 самолета «Дорнье-Валь» под командой Б. Г. Чухновского, А. Д. Алексеева и И. К. Иванова, при чем последний облетал 10.600 клм., осветив площадь в 1.200 тыс. кв. клм.

Помимо обслуживания различного рода экспедиций воздушными средствами, уже сейчас запроектировано открытие целого ряда авиамагистралей, как-то: Свердловск—Обдорск, Архангельск—о. Колгуев—Новая Земля—Земля Франца Иосифа, вдоль северной границы Советского Союза от Архангельска до Берингова пролива и т. д.

Из вышеизложенного совершенно очевидно, что Советский Союз придает огромное значение воздушному транспорту, как наиболее эфективному средству завоевания Арктики. Между тем на повестке дня стоит проблема интернационального значения, проблема трансарктического сообщения между Атлантическим и Тихим океанами. Политическое и экономическое значение этой линии, являющейся кратчайшим путем между Европой, Америкой и Японией—огромно. Вполне понятно, что СССР особо заинтересован в том, чтобы эта трасса находилась под непосредственным влиянием республики и проходила бы через ее территорию. В связи с этим значение научных форпостов на Земле Франца Иосифа, о. Врангеля и Северной Земле, как будущих авиабаз и бензинных хранилищ, чрезвычайно повы-

шается. Словом, трудящиеся Советского Союза, вооруженные новейшими достижениями науки и техники, приступили к планомерному освоению своих далеких и богатых окраин.

Но метеорология, вопросы изучения полярной атмосферы и воздушной связи — это только одни из причин необходимости изучения советского сектора Арктики.

Грандиозные лесные массивы, рыбные, пушные богатства, перспективы развития добывающей промышленности, наличие богатейших, в большинстве своем еще нетронутых запасов недр — заставляют форсировать вопрос о постоянной транспортной связи с далекими окраинами республики.

Самые поверхностные исследования недр Севера дают богатейшие практические результаты. Всем известны обнаруженные на Кольском полуострове мировые запасы апатитов, неффелина, серного колчедана, каменного угля на р. Печоре, Норильске и Таймырском полуострове. На Северной Земле блестящей работой первых колонистов Г. А. Ушакова и Н. Н. Урванцева открыты залежи полиметаллических руд и олова. На о. Вайгаче производится добыча свинца, на рр. Пинеге и Северной Двине — гипс и алебастр, на р. Ухте — нефть. Помимо уже известных золотоносных районов на Алдане, Вилюйске, Олекминске, в Лено-Витимском районе, богатейшие месторождения золота обнаружены на р. Колыме, алмазы и золото с примесью платины — в Тунгусском бассейне, медь, молибден, серебро, вольфрам, графит и т. д.

На смену первенцу индустриализации Советского Севера г. Игарке идет новый социалистический город на 15 тыс. жителей в устье р. Лены, к постройке которого приступлено в этом году. Все это в связи с постановлением XVI партсъезда об индустриализации Советского Востока приобретает еще большее значение.

Колоссальные рыбные и пушные богатства, блестящие возможности массового разведения оленеводства приковывают внимание трудящихся к далеким окраинам Союза. Наконец наши бесконечные лесные массивы, нетронутые рукой лесоруба, в полную противоположность заграницe, где происходит хищническое истребление древесины, где уже реальна угроза ближайшей гибели обширных лесных пространств — это неисчерпаемый источник народного дохода. В Соединенных Штатах вычислено, что при существующем

темпе истребления лесных богатств запаса древесины хватит лишь на 25 лет. Отсюда ясно, что через короткий промежуток времени САСШ придется вести значительные закупки в Европе, которые в полтора раза превысят потребность всех стран, вместе взятых. Но и европейские поставщики—Финляндия, Швеция и Западная часть СССР не смогут полностью удовлетворить всего спроса. Естественно, что взоры обращаются на Советскую Сибирь с ее нетронутыми лесными богатствами, запасы которых гарантированы на многие столетия. Но сибирские леса чрезвычайно отдалены от центральных европейских рынков, и разработка их становится экономически невыгодной. Между тем у Советского Союза есть все основания для того, чтобы стать монополистом на мировой лесной бирже.

В этом отношении так наз. Северо-Восточный Морской Путь, проходящий вдоль берегов Сибири и соединяющий Атлантический океан с Тихим, является наиболее удобным и естественным путем в Арктике, полностью разрешающим транспортную проблему.

Вместе с тем он чрезвычайно важен и в стратегическом отношении, ибо расположен в наших территориальных водах, являясь кратчайшим путем между двумя океанами.

Вполне понятно, что только наличие надежных транспортных путей и самого флота дадут возможность приступить к реализации тех огромных богатств, которые таит в себе Советский Север, край неисчерпаемых богатств, не знающий еще детальных и глубоких разведок.

Наши естественные транспортные артерии — многоводные сибирские реки текут с юга на север, как бы указывая путь к наиболее дешевому, рентабельному вывозу сырья и снабжению далеких окраин теми продуктами промышленности и сельского хозяйства, которые по климатическим условиям не могут вырабатывать сами. Отсюда вывод, что проблема мореплавания вдоль северных границ Союза есть проблема социалистической реконструкции всего хозяйства далеких окраин.

Найти и установить постоянно действующий морской путь к устьям великих сибирских рек — это значит поднять на невиданную доселе высоту экономику наших далеких окраин, и в первую очередь Якутской республики, задыхающейся от бездорожья, отсутствия транспортных магистралей, это

значит вдохнуть новую жизнь в пока еще безлюдные, пустынные, но с богатейшими перспективами области.

Поэтому как ни велики будут затраты на детальное исследование Северо-Восточного Прохода, они с лихвой оправдаются тем громадным значением, которое будет иметь этот путь для хозяйственного развития всего азиатского побережья Союза.

Так рассуждало правительство, санкционируя арктический поход ледокола «Сибиряков» из Архангельска во Владивосток.

Перед этим походом, давшим исключительной ценности результаты, Всесоюзный арктический институт провел огромную подготовительную работу по освоению Арктики. Поход «Сибирякова» как бы увенчивает целую полосу советской работы порвоначального освоения Арктики.

Проф. О. Ю. Шмидт заявлял, что основное отличие советской работы в Арктике от работы других стран состоит в том, что мы не довольствуемся отдельными, как бы случайными вылазками в Арктику или спортивными рекордами, как достижение полюса, но ставим в основу — продвижение на Север опорных пунктов в виде постоянно действующих полярных научных станций. И действительно, советский сектор Арктики, в полную противоположность буржуазным странам, усеян точками форпостов науки. За сравнительно короткий срок мы открываем, оборудуем новейшими приборами целый ряд станций. Вместе с тем наши ледокольные экспедиции за это время избороздили всю западную часть полярного бассейна, впервые проведя большие работы по выяснению ледового режима, течений, направления ветров и т. д. В результате за первыми пионерскими рейсами, основываясь на их достижениях, уже идут зверобойные суда и даже целые флотилии.

Поход «Сибирякова» впервые в истории доказал, что Северо-Восточный Морской Путь можно пройти в одну навигацию. Больше того, тот факт, что ледокол, на котором шла экспедиция Шмидта, был старым, изношенным, требующим длительного ремонта, еще с большей убедительностью говорит о том, что при современной технике, соответствующем и специальном подборе судна Северо-Восточный Проход открыт для постоянной навигации.

И недаром после удачного рейса «Сибирякова» работники

Карской экспедиции поставили на повестку дня вопрос о расширении их операций на Севере, вплоть до устья р. Лены. А это значит, что для Якутской республики найден выход в море.

Понятно, что блестящим рейсом «Сибирякова» далеко еще не разрешен вопрос безопасности навигации Северо-Восточным Морским Путем. Здесь еще предстоит огромная и кропотливая работа, проведение которой целиком возложено на новую молодую организацию — Главное управление Северного морского пути—под общим руководством проф. О. Ю. Шмидта.

Ввод в эксплоатацию этого пути всецело зависит от организации широкой сети станций, наблюдающей за движением льдов и ветров, от организации специальных экспедиций по производству детальных промеров глубин, описи берегов, устройства угольных баз, организации воздушных разведок, лоцманской службы и т. д.

Но первый и решительный шаг сделан. Гигантские, еще мало исследованные области, с таящими в своих недрах богатствами, многочисленные их населяющие национальности — накануне огромного политического, культурного и хозяйственного возрождения.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

Открытие Северо-Восточного Морского Пути является старинней шей проблемой географии. Еще в XVI веке высказывались мысли о том, что существует такой морской путь, который связывает Атлантический океан с Тихим.

В 1527 г., за 12 лет до того, как швед Магнус впервые отделил на карте Гренландию от Скандинавского полуострова, и за 35 лет до того, как Гастальди отметил на картах Аннианский пролив (приблизительно на месте существующего ныне Берингова пролива), англичанин Роберт Торн предложил французскому королю Генриху XIV снарядить экспедицию, которая бы поднялась до больших широт Севера, повернула на восток и обошла кругом света.

Свое предложение Торн основывал на вышедшей в Риме книге «О посольстве Василия к Клименту VII», в которой говорилось, что, по словам русского посла Дмитрия Гера-

симова, «Россия окружена огромным океаном, по которому, держась все время правого берега, можно доехать до Китая».

Вполне понятно, что жители северного побережья Европы имели более ранние и точные сведения об арктических странах. Еще в XIII веке архангельские поморы и новгородские выходцы посещали Новую Землю, плавали на Шпицберген (тогда Грумант) и даже в устья рр. Оби и Енисея. Хорошо знали об этом и в Москве, которая собирала на севере дани, подати, пошлины и даже строила города, например Мангазея. Но это обстоятельство тщательно скрывалось московским правительством и за «разглашение путей» виновникам грозило жестокое наказание.

О путешествиях русских на север в Европе узнали из сочинения Сигизмунда Герберштейна, вышедшего в 1549 г., где автор повествовал о поездках некоего Григория Истомы и датского посланника Давида из Белого моря в Тронгейм в 1496 г. Герберштейн сообщал, что Иртыш, впадая в Обь, вытекает из Средне-Азиатского озера Китайска. Отсюда европейцы вывели заключение, что если бы удалось попасть из Европы морем в Обь, то вверх по Иртышу можно было бы проникнуть вглубь Китая.

Надо сказать, что это предположение было чрезвычайно верно. Дело в том, что Иртыш, как известно, протекает через большое озеро Зайсан, по западной границе Китая. Так как эта страна в те времена была известна как Хатай, по-русски Китай, то озеро Китайск, следовательно, «Китайское озеро», т. е. Зайсан.

Морское могущество Испании и Португалии, фактически державших в XVI веке в своих руках пути в Индию и Китай, заставило молодую, но уже окрепшую английскую буржуазию искать новых возможностей проникновения на Восток, новых кратчайших морских путей, связывающих Европу с Индией и Китаем. В те времена Суэцкий канал еще не существовал и для того, чтобы на судне пройти в Индию, нужно было огибать южную оконечность Африки или же южную часть Америки.

Уже в те далекие времена ученые и географы заявляли, что наиболее краткий путь из Европы в восточные страны лежит через полярное море, при чем можно предполагать два варианта: первый — вдоль северных берегов Азии

с запада на восток и второй — вдоль северных берегов Америки с востока на запад.

Первый вариант получил наименование Северо-Восточного Прохода, а второй — Северо-Западного.

В XIII веке известный итальянский путешественник Марко Поло так заманчиво писал о сказочных богатствах, обилии золота, драгоценных камней, мехов и прянностей на Востоке, что хищная жажда наживы, блестящие выгоды и коммерческие перспективы толкнули англичан на ряд весьма дорого стоящих экспедиций с целью открытия пути в Индию и Китай вдоль берегов Сибири.

Надо сказать, что ни одна из этих экспедиций не достигла своей цели. Никто не смог открыть Северо-Восточного Морского Пути. Но они все же внесли ценный вклад в сведения о полярных морях, землях и островах. Затраченные на них солидные средства вскоре же с лихвой вернулись зародившейся весьма выгодной торговлей Англии с Россией и китобойным промыслом. Помимо того, своими полярными путешествиями Англия положила начало британскому морскому владычеству.

Теперь, когда ежегодно десятки советских судов бороздят пенные волны Карского моря, совершают постоянные рейсы на Землю Франца Иосифа и Землю Северную, теперь как-то странно вспомнить первую неудачную и трагически окончившуюся попытку открыть Северо-Восточный Проход.

Автором проекта был «великий штурман Англии» Себастьян Кабот. 20 мая 1553 г. из Ратклифа вышли три богато оснащенных корабля под начальством Гуго Виллуоби. Один из кораблей под руководством Ричарда Ченслера во время бури оторвался от остальной флотилии; прозимовав в Вардэ, прошел на юго-восток и проник в устье Северной Двины (Белое море), где в то время на месте г. Архангельска стоял монастырь. Два же остальные корабля под непосредственным руководством самого Виллуоби не только не открыли нового пути на восток, но зазимовали на Мурманском берегу в устье р. Варсины, т. е. там, где сейчас сотни судов различных национальностей проходят без всякого риска, в большинстве случаев даже не встречая льда. На следующий год русские промышленники-зверобои обнаружили два богато груженных корабля, с трупами замерзших людей.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Сам Виллуоби лежал в каюте с журналом в руках, в который не переставал писать, пока не потерял сознания.

Так закончилась первая попытка открытия Северо-Восточного Прохода.

О страшной находке донесли царю Иоанну Грозному, который приказал холмогорскому воеводе сделать подробную опись всего найденного и доставить в Москву. К этому времени Ричард Ченслер, добравшийся до Архангельска и гостеприимно принятый монастырем, по приглашению Грозного прибыл в Москву, выдал себя за английского посла и жил, окруженный почетом, но с «доглядкой».

В результате неудачной экспедиции, но удачного стечения обстоятельств между Англией и Московским правительством завязались весьма оживленные торговые отношения. Был заключен весьма выгодный для англичан договор и организована «английская торговая компания для открытия неизвестных земель, стран, островов, государств и владений». „Merchants adventures of England for the discoverie of landes, territories, isles, dominions and seigniories unknowen").

С этого момента начались буквально «налеты» на Арктику. Десятки лучших путешественников, исследователей и капитанов, подвергая свою жизнь опасности и лишениям, пытались открыть Северо-Восточный Проход. Но все эти попытки не достигали цели, зачастую оканчиваясь гибелью судна и всего экипажа.

Установление тесных торговых связей с Московией не повлияло на попытки отыскать новые морские пути на Восток. В Англии, где путешествие Ченслера имело большой успех, стали смотреть на этот рейс, как на первый шаг к открытию Северо-Восточного Прохода.

И уже в 1556 году под командой Стефана Бурро, до этого времени плававшего с Ченслером в качестве старшего штурмана, вышло судно «Искатель». Бурро так же, как и его предшественник, не открыл Северо-Восточного Прохода, но оказался первым иностранцем, побывавшим на Новой Земле. Из дневника Бурро стало известным, что русские эту землю знали давно, здесь шла оживленная меновая торговля и что беломорские поморы пробирались на парусниках даже до устья р. Оби.

Вслед за этой экспедицией, в 1580 г. отправилась экспедиция Артура Пита, которому удалось только пробраться

в Карское море, где непроходимые льды заставили его небольшие суда повернуть обратно. Артур Пит Северо-Восточный Проход не открыл, но он был первым иностранцем, пробравшимся в Карское море.

Все эти неудачи быстро охладили пыл английского купечества, вначале очень щедро, в расчете на крупные прибыли, субсидировавшего экспедиции. С этого момента в английской мореходной деятельности, направленной к открытию Северо-Восточного Прохода, наступает продолжительный перерыв. Но зато инициатива быстро переходит к Голландии, освободившейся к тому времени от испанцев и ставшей первоклассной морской державой. Хотя все попытки голландцев открыть Северо-Восточный Проход окончились так же неудачно, как и англичан, но им несомненно принадлежит почетное место в истории географических открытий.

Первая попытка была произведена Оливером Брюнель, который уже до этого неоднократно плавал на севере, работал в качестве приказчика у известных по тому времени купцов Строгановых, вел бойкую торговлю с самоедами в устье р. Оби. В 1584 г. он снарядил свою собственную экспедицию, но дальше о. Вайгач и Новой Земли ему пройти так и не удалось, при чем на обратном пути его судно, груженное слюдой, горным хрусталем и пушниной, потерпело аварию у берегов р. Печоры. Но первая неудача не остановила голландских купцов. Заманчивые перспективы выгодной торговли, фактически же наглого обкрадывания туземцев, толкали на организацию новых экспедиций для отыскания Северо-Восточного Прохода.

И ровно через 10 лет была отправлена уже целая флотилия в составе 4-х судов, одним из которых командовал, впоследствии прославившийся как храбрейший полярный исследователь, окончивший свою бурную жизнь на мрачном отрезке материка — Новой Земле — Виллем Баренц. В Кильдине флотилия разделилась на две партии. Баренц пошел по направлению к Новой Земле и вскоре достиг ее под 73 град. 25 мин. северной широты. На берегу Сухого Носа он обнаружил остатки человеческого поселения, свидетельствовавшие о том, что русские поморы уже давно промышляли на Новой Земле. Встретившись со второй частью экспедиции, которая пробралась к о. Вайгач и через

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Югорский Шар в Карское море, вся флотилия повернула обратно.

Известие о том, что экспедиция побывала в Карском море, создала в Голландии впечатление, что задача пройти Северо-Восточным Проходом уже разрешена. Немедленно были собраны средства, и в 1595 г. отправилась новая флотилия из 6 судов, под общим руководством адмирала Ная, при участии и Виллема Баренца. Все суда были прекрасно оборудованы и загружены меновыми товарами. Даже шлифовальщики бриллиантов и золотых дел мастера принимали участие в экспедиции, чтобы тут же на месте, не дожидаясь прихода в Голландию, обрабатывать сырье, которое удастся найти или выменять у туземного населения.

Пробравшись в Карское море и встретив чрезвычайно тяжелые льды, совещание командования решило возвращаться обратно и отказаться от попыток открыть Северо-Восточный Проход.

Чтобы быть вне всегда возможных подозрений и обвинений в трусости, это решение было зафиксировано в протоколе.

«Мы, нижеподписавшиеся, объявляем перед богом и перед миром, что мы сделали все, что от нас зависело, чтобы проникнуть через Северное море в Китай и Японию, как нам приказано в наших инструкциях. Наконец мы увидели, что богу неугодно, чтобы мы продолжали наш путь и что надобно отказаться от этого предприятия. А посему мы решили возможно скорее вернуться в Голландию».

Протокол был безоговорочно подписан всем командованием, за исключением Виллема Баренца, который наотрез отказался, предложив экспедицию продолжать, пойти к западным берегам Новой Земли, зазимовать и в следующую навигацию отправиться дальше — на восток. Но выполнить предложенный Баренцом вариант командование не решилось, и все суда вернулись на родину.

Эта и ряд прошлых неудач сильно охладили коммерческий пыл голландских предпринимателей, и потребовалось всенародное объявление правительственной премии в размере 25 тыс. гульденов тому из исследователей, кто откроет Северо-Восточный Проход (премия имела цель — поощрить частные капиталы на организацию экспедиций), чтобы в 1596 г. снова вышли в море два судна под начальством

Яна Рийпа и Якова Ван-Гемскерк. В решительность и смелость Баренца голландские купцы все-таки не поверили, и блестящему полярному исследователю пришлось итти главным штурманом на корабле Гемскерка. Между тем настоящим вдохновителем всего предприятия, фактическим руководителем экспедиции были все же не оба начальника, а неутомимый Виллем Баренц, положивший много сил, знания и опыта при снаряжении судов.

Достигнув северных берегов Шпицбергена, голландцы встретили здесь непроходимый лед и должны были повернуть к югу. У Медвежьего острова между Рийпом и Баренцом возникло большое разногласие на почве определения дальнейшего маршрута. Рийп высказывал мнение, что путь на восток следует искать в направлении от северных берегов Шпицбергена, а Баренц утверждал, что наиболее правильным маршрутом будет рейс к Новой Земле, обход ее с севера и далее на восток. В результате большого спора, упорных аргументаций каждый остался при своем мнении, и корабли разошлись в разные стороны.

Баренц вскоре благополучно достиг Новой Земли, в районе Крестовой Губы, и, двигаясь вдоль западных берегов, дошел до крайнего северо-восточного мыса, названного им мысом Желания. Огромные ледяные поля, напиравшие на судно, заставили Баренца укрыться в ледяной гавани, где корабль был окончательно затерт льдами.

С этого момента начались тяжелые испытания первых европейцев, которым пришлось зазимовать на такой высокой широте (76 град.).

«При страшной мятели, — повествует дневник, — льдины стали громоздиться одна на другую, напирая на корабль. Судно приподняло и кругом все трещало и скрипело. Казалось, что корабль должен развалиться на сотни кусков. Ужасно было видеть и слышать это, и волосы у нас вставали дыбом».

Вскоре напирающие громады льда обломали корабельный руль, а затем и раздавили судно. Немедленно из плавника (леса, принесенного к берегам течением) экипаж соорудил избу, в центре которой поставили очаг, в потолке сделали отверстие для выхода дыма. Морозы стояли жестокие. Все время дули сильные ветры, хлопьями валил снег, так что избу завалило сугробами, и для того, чтобы выйти наружу,

приходилось прорывать туннель. Даже в комнате у очага люди стыли от холода, а нары все время были покрыты толстым слоем льда. На 81 день наступила полярная ночь. Пришлось сократить паек хлеба до 200 граммов в сутки. Несмотря на охоту на медведей и песцов, во время зимовки появилась цынга.

В начале мая под действием ветров льды отжало от берегов, и голландцы очутились перед дилеммой найти способ, чтобы добраться до родины, ибо корабль был сломан. С большим трудом и усилиями, ибо весь персонал был до крайности истощен, в снегу откопали большую шлюпку, отремонтировали ее и в июне 1597 г. навсегда простились с землей, на которой провели 8 долгих и тяжелых месяцев. У мыса Ледяного голландцы понесли тяжелую утрату. Здесь умер Виллем Баренц, который был уже настолько слаб, что не мог самостоятельно передвигаться и его приходилось везти на санях.

Один из участников экспедиции — Геррит де-Веер так описывал это событие:

«30 июля погода стояла ровная, ветер — западный. Когда солнце было на юго-востоке, Класс Андриссон (один из матросов, который был болен уже давно), стал себя чувствовать очень плохо, и мы видели, что он скоро умрет. Старший боцман пришел об этом сообщить, прибавив, что Классу уже немного остается жить. Тогда заговорил Баренц:

«Я думаю, что я его переживу не надолго».

Мы вовсе не предполагали, что Баренц так сильно болен, поэтому и болтали с ним о разных пустяках. Он сам рассматривал карту нашего плавания, которую я составил, и у нас при этом был небольшой спор. Наконец он отложил карту в сторону и сказал мне: «Геррит, дай мне пить». Едва он успел напиться, как впал в отчаянную слабость. Глаза стали закатываться, и Баренц внезапно скончался. Смерть его поставила нас в большое затруднение, ибо он, собственно говоря, был нашим фактическим начальником и единственным нашим путеводителем».

В непрерывной борьбе с тяжелыми льдами голландцы наконец достигли Мыса Утешения и в Строгановской будке встретили русских поморов, которые снабдили несчастных хлебом, копченой дичью и доставили в город Колу. Здесь

они неожиданно встретили корабль Яна Рийпа, с которым год назад расстались у Медвежьего острова, и узнали, что Рийп безуспешно пытался продвинуться на север и, потеряв всякую надежду, вернулся в Голландию. На следующий год он отправился на север с грузом товаров и теперь предполагал возвращаться обратно.

Эта экспедиция, хотя и не имела желанных результатов, все же была чрезвычайно ценной. Впервые в северной части Новой Земли были произведены метеонаблюдения, которые и по настоящее время имеют большое научное значение. Виллем Баренц вполне заслуженно стяжал себе славу неустрашимого полярного исследователя и прекрасного навигатора. Море, на дне которого Баренц нашел себе вечную могилу, впоследствии было названо Баренцовым.

В тот год, когда неудачная голландская экспедиция вернулась на родину, в мировом мореплавании произошло весьма крупное событие, имевшее большое экономическое значение. Голландец Корнелий Гутман совершил блестящее плавание вокруг Мыса Доброй Надежды (южная оконечность Африки) и таким образом открыл морской путь в Индию и Китай. Вслед за этим, несмотря на попытки Португалии повести решительную борьбу со все возрастающим морским могуществом Голландии, вся торговля с Востоком целиком оказалась в руках голландцев.

Вполне понятно, что, имея чрезвычайно удобный и безопасный морской путь и убедившись в трудностях отыскания Северо-Восточного Прохода, голландцы надолго бросили мысль о Полярном море. Правда, были сделаны еще несколько незначительных попыток, но все они также окончились полной неудачей. Отметим лишь любопытную экспедицию, вышедшую из Голландии в 1666 году в количестве нескольких судов. Ввиду того, что среди судовладельцев были евреи, мореплавателей снабдили письмами на древне-еврейском языке «на случай отыскания одного из десяти потерянных колен Израиля». Но, к сожалению, никаких сведений об этой высоко-научной экспедиции до нас не дошло. Наконец, последняя и неудачная попытка капитана английского флота Джона Вуда, пробравшегося всего лишь до полуострова Адмиралтейства на Новой Земле и разбившегося там на рифах, на целых 200 лет прекратила всякие экспедиции европейцев с целью отыскания Северо-

Восточного Морского Пути. Вся энергия и настойчивость голландцев, англичан и датчан была перенесена на чрезвычайно рентабельный китовый промысел в Баренцовом море, который в настоящее время привел к почти полному истреблению этого ценного зверя в Полярном море. Китовый промысел в те времена давал бешеные доходы промышленникам. Об этом говорит тот факт, что еще в начале XIX века отец и сын Скорезби в течение 20 лет заработали на ките более 1.500.000 рублей.

ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ РУССКИХ НА СЕВЕР.

В то время как у иностранных мореплавателей неудача следовала за неудачей, при чем даже при наличии лучших мореходных средств того времени лишь одному из них, Брюннелю, и то при содействии русского кормщика, удалось достигнуть устья р. Оби, северные поморы ходили в Полярное море еще в начале XVI века.

Основная причина успеха русских промышленников была в великолепном знании Арктики, ее льдов, условий кораблевождения, умении приспосабливаться к создавшейся тяжелой обстановке, т. е. то, чего как-раз не было у иностранных полярных исследователей, большинство которых с Арктикой знакомилось уже в период самой экспедиции.

Писцовые книги дьяка Василия (1608—1609 г.) перечисляют целый ряд промысловых становищ и селений, расположенных вдоль западного и восточного берегов Мурмана. Кое-где и по сие время сохранились развалины старых строений, жилых домов, амбаров и т. д. Известно, что г. Кола был построен еще в X веке, а Печенгский монастырь в XV веке вел весьма бойкую меновую торговлю. Там строились даже морские суда, которые совершали рейсы в Данию.

«Трудно объяснить себе выбор подобных мест, — писал известный полярный исследователь проф. Норденшельд, — для постоянного пребывания, особенно в Сибири, столь богатой хорошими местами. Развалины свидетельствуют, что здесь когда-то существовали оседлость и достаток. Возможно, что здесь жили покойнее и лучше, не-

жели может казаться с первого взгляда. Теперь эти места необитаемы».

Проф. Норденшельд совершенно был прав. В те далекие времена на крайнем и пустынном севере человеку было куда спокойнее жить, нежели к югу, под плетьми царской опричнины. Тысячи людей из-за политических разногласий и религиозных убеждений покидали центральные области России, скрываясь на берегах Ледовитого океана. А старообрядец Строганов с семьей так и погиб на Новой Земле, куда он пробрался, спасаясь от царской немилости. Но уже к 1619 г. правительство и на Север наложило свою тяжелую руку, запретив торговое мореплавание из Поморья в устье р. Оби, опасаясь, что вслед за русскими по этому пути начнут плавать иностранные суда, минуя Архангельск и тем самым избегнув уплаты обязательных пошлин. Это распоряжение вызвало бурю негодования у приморского населения, у которого правительство фактически отняло средства к существованию. Но из Москвы прибыл строгий наказ, при чем виновникам в непослушании грозило «быть казненными злыми смертьми и домы разорити до основания».

Но, несмотря на строгости, среди поморов были и такие люди, как Старостин Антон, происходивший из новгородских выходцев, неоднократно плававший на Грумант и имевший еще в 1435 г. на западном берегу даже свои избы. Известно, что русский кормщик Павел Нищец ежегодно посещал Гренландию. Промышленник-зверобой Федот Рахманин с Мезени 26 раз зимовал на Новой Земле, а Савва Лошкин впервые объехал кругом Новой Земли и провел две зимовки на восточном ее берегу. В 1832 г. экспедиция Пахтусова на берегу р. Савиной нашла развалины избы и крест с надписью: «Поставлен сей животворящий крест на поклонение православным христианам, зимовщики 12 человек, кормщик Савва Ф...анов на Новой Земле, по правую сторону Кусова Носа. 1742 г. июля 9 дня».

Да и из писаний двинского летописца ясно видно, что поморы совершали постоянные плавания на о. Колгуев, Новую Землю и до Обской губы. А в Тазовской губе русскими был основан весьма крупный для того времени торговый город Мангазея. Но обо всех этих замечательных плаваниях на маленьких деревянных ботах, о всех приклю-

чениях, связанных с борьбой с ледяной пустыней, истории мало известно, тем более, что царское правительство ставило всяческие препятствия, посылало стражу на Матвеев остров и Югорский Шар для сбора пошлин с промыслов. Эти поборы, постоянно сопровождаясь насилиями, притеснениями, отбили охоту даже у самых предприимчивых зверобоев.

Первыми людьми, положившими начало исследованию восточной части Полярного моря, были искавшие вольницы и легкой наживы — казаки, а вслед за ними — и купцы, привлеченные дешевой пушниной и сырьем. Так, казак Постников в 1640 г. открыл р. Индигирку, казак Стадухин в 1644 г.—реку Колыму, в устье которой основал небольшой городок, получивший впоследствии название Нижне-Колымск.

В 1648 г. на семи деревянных ботах из устья р. Колымы отправился вдоль побережья океана казак Семен Дежнев, обогнувший Мыс Шелагского и давший ему название Святого Носа. Во время плавания при попытке сделать высадку на берег им пришлось выдержать бой с местными аборигенами земли, чукчами, и «тогда торгового человека Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили». Пройдя вдоль берегов Чукотского полуострова, Дежнев неожиданно сделал огромное географическое открытие, обнаружив пролив, разделяющий азиатский материк от Америки. Вот как он пишет об этом в своем донесении:

«А с Колымы-реки итти морем на Онадырь-реку, есть Нос, вышел в море далеко, а супротив того носу есть два острова, а на тех островах живут Чухчы, а лежит нос промеж Сивер на полуношник (между севером и северо-востоком), а с русскую сторону (запад) носа признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано и нос поворотит, кругом к Онадыре-реке подлегло, а доброю побегу от носа до Онадыри-реки трое суток, а боле нет».

Выйдя в Тихий океан, Дежнев поплыл вдоль берегов Азии на юго-запад, но здесь поднялась буря «и того Федота со мной Семейкою на море разнесло без вести и носило меня Семейку по морю после Петрова богородицы (11 октября) всюду не волею и выбросило на берег во передний конец (к югу) за Онадырь-реку». Отсюда несчастные пошли «все в гору, сами пути себе не знаем, голодны и хо-

лодны, наги и босы, а шел я бедный Семейко со товарищи до Онадырь-реку, внизу близко море».

Во время странствования у Дежнева погибло 12 спутников, а оставшимся в живых пришлось зимовать в наскоро сооруженных землянках. Летом 1649 г. Дежнев соорудил две шлюпки и поднялся вверх по реке, где построил селение, названное потом Анадырским острогом, в котором прозимовал второй раз. С большим трудом добравшись до Камчатки, он в 1656 г. прибыл в Якутск.

Дежнев, не понимая огромного значения сделанного им географического открытия, все же счел своею обязанностью доложить об этом якутскому воеводе. Но сей мудрый начальник не нашел ничего лучшего, как направить это историческое донесение в недра архива. О блестящем открытии казака Дежнева стало известно лишь много позднее, ко времени второго открытия этого пролива датчанином, находившимся на русской службе—Берингом.

В 1649 г. на реку Колыму был послан служилый человек Тимофей Булгаков, который прошел всю Лену и достиг реки Омолоя, где встретил «8 галиотов с царскими слугами, спекулянтами и купцами». Пройдя вместе с ними Святой Нос, они встретили в море еще 4 кочи, идущие из р. Колымы.

Этот факт достаточно красноречиво говорит о том, что уже в те времена все побережье Азии было для русских вполне мореходным, доказательством чему является оживленное движение судов.

Надо сказать, что все эти экспедиции носили лишь чисто практический характер и снаряжались с целями промысла зверя или торговли с националами. Первой же научной экспедицией было путешествие геодезистов Евреинова и Лужина на Камчатку в 1725 г. с заданием Петра I выяснить, «не сошлась ли Азия с Америкой». Выполнить царский приказ геодезисты не сумели, но зато нанесли на карту пять северных Курильских островов.

В том же году под начальством Витуса Беринга была снаряжена экспедиция по Северо-Восточному Проходу. Передавая адмиралу Апраксину собственноручно-написанную для Беринга инструкцию, Петр заявил:

«Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие

дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Анниан (на многих картах того времени Аннианский пролив был нанесен на месте теперешнего Берингова пролива), назначен не напрасно. В последнем путешествии моем, в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских. О сем-то писал инструкцию. Распоряжение же сего поручаю за болезнью моею твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было».

«Первая Камчатская экспедиция» — ей было присвоено такое наименование—на боте «Гавриил» прошла вдоль восточного побережья азиатского материка, миновала Мыс Дежнева и, убедившись, что берег Азии заворачивает на запад, вторично после казака Дежнева открыла пролив, разделяющий Америку от Евразии. Таким образом, задания экспедицией были выполнены полностью, и Беринг счел для себя возможным возвратиться обратно. Надо сказать, что сам Беринг из скромности не назвал своим именем этот пролив, и лишь позднее исследователь Кук наименовал его Беринговым.

С 1733 г. начинаются грандиозные по своему масштабу работы «Великой Северной Экспедиции», снаряженной на средства правительства Анны Иоановны. Эта экспедиция, состоявшая из целого ряда отдельных научных и рекогносцировочных рейсов, продолжалась более 10 лет. Участие в ней приняли 580 человек и стоила она по тем временам огромных денег—360.659 руб. золотом, не считая множества бесплатных трудовых повинностей крестьян, обслуживавших лошадьми, подводами, проводниками, фуражом и т. д.

Эта экспедиция выполнила колоссальной важности задачу, впервые нанеся на карту все гигантское по расстоянию северное побережье Европы и Азии от Белого моря до Тихого океана, исследовав Камчатский полуостров и Охотское море.

Первый отряд под руководством лейтенанта Малыгина и Скуратова с большими трудностями пробирался из Архангельска в устье р. Оби. Через 4 года им удалось дойти до Обской губы и, хотя весьма поверхностно, но нанести на карту берега и острова, встретившиеся на пути.

Второй отряд под руководством лейтенанта Овцина получил задание обследовать побережье от устья р. Оби до Енисея. В течение трех лет, на двухмачтовом боте Овцин при отчаянных трудностях и лишениях пробирался к намеченной цели. 37 человек команды переболели цынгой, из коих четверо умерли. В 1736 г. им удалось впервые пройти морем из Обской губы в Енисейский залив, обогнув мыс Маре-Сале. Чрезвычайно характерно, как оценило правительство его тяжелое плавание. Перед выездом в Петербург для доклада о походе Овцин был по распоряжению «тайной разыскных дел канцелярии» арестован, разжалован в матросы за «дружеское обхождение» с князем И. Долгоруковым, находившимся тогда в ссылке в Березове и казненным в 1739 г.

Третий отряд под начальством капитана Прончищева спустился вниз по реке Лене, пошел на северо-запад и немного не достиг мыса Челюскина — самой северной оконечности Азии, которую в 1741 г. открыл подштурман Семен Челюскин, во время своего сухопутного путешествия вдоль берегов Таймырского полуострова до Хатангской губы. Интересно отметить, что на старинных картах, где довольно правильно изображался Таймырский полуостров, считалось, что именно на этой земле должны находиться 10 затерявшихся колен Израиля.

Четвертый отряд под начальством лейтенанта Лассиниуса работал между р. Леной и мысом Дежнева и наконец пятый отряд — под командованием Беринга описал берега Охотского моря и восточный берег Камчатки до Берингова пролива.

Таким образом в результате 10-летней работы грандиозного предприятия «Великой Северной Экспедиции» на карту был нанесен весь северный берег Евразии, что являлось событием мирового значения, не имевшим прецедентов в истории географических открытий. Вопрос о Северо-Восточном Проходе с тех пор надо считать теоретически решенным.

Во второй половине XVIII века, по инициативе Ломоносова, была снаряжена правительственная экспедиция с целью отыскания прохода к Берингову проливу. Ломоносов, как ученый и помор по происхождению, прекрасно понимал всегромадное значение Северо-Восточного Прохода для русского мореходства и постоянно делал попытки склонить правительство к отправлению экспедиции в Полярное море.

В 1763 г. он представил великому князю Павлу Петровичу—адмиралу русского морского флота—свой труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Этому труду сам автор сделал весьма строгую оценку, заявив, что он «больше усердием к отечеству, нежели знанием наполнен».

Ломоносов доказывал, что на широте около 80 град. Полярное море летом бывает свободно от льда, и поэтому необходимо снарядить экспедицию для того, чтобы воспользоваться этим морем как кратчайшим путем к Берингову проливу. Все это предприятие держалось «в глубочайшей тайне даже от сената до времени» и официально было названо «Экспедицией о возобновлении китовых и других звериных и рыбных промыслов». Начальником главной части экспедиции был назначен капитан Чичагов, которому было предложено начинать плавание от Шпицбергена на восток к американским берегам.

Сам Ломоносов принял живейшее участие в подготовке к экспедиции, в успехах которой был лично заинтересован. Он хлопотал, чтобы все корабли были снабжены научными инструментами и приборами, провел обучение штурманского состава умению обращаться с ними и вести наблюдения.

В специальной инструкции Чичагову Ломоносов поставил условие наблюдать: «1) состояние воздуха по метеорологическим инструментам, 2) во время помрачнения луны и солнца, 3) глубину и течение моря, 4) склонения и наклонения компаса, 5) вид берегов и островов, 6) со знатных мест брать морскую воду в бутылках и оную сохранять до Санкт-Петербурга с надписью, где взята, 7) записывать какие где примечены будут птицы, звери, рыбы, раковины и что можно собрать и, если в дороге не будет помешательно, то привести с собою, 8) камни и минералы отличные

также брать для показания здесь, 9) все, что примечания достойно, сверх сего случится или примечено будет, прилежно записывать, 10) паче же всего описывать, где найдутся, жителей вид, нравы, поступки, платье, жилища и пищу».

Таким образом по замыслам Ломоносова проект представлял собою настоящую научную экспедицию, со строго разработанной исследовательской программой. Но до отхода экспедиции Ломоносов умер, изменив перед этим план похода, по которому предлагалось итти от Шпицбергена не на восток, а на запад.

В мае 1765 г. экспедиция Чичагова на трех судах вышла в море, но, встретив в районе Шпицбергена непроходимые льды, вернулась в Архангельск. Несмотря на то, что эта неудача произвела весьма удручающее впечатление на адмиралтейство, обвинившее участников в трусости, в том, что «мореплаватели рано вздумали о возвратном пути, и что чрезмерный страх понудил их возвратиться», все же на следующий год экспедиция Чичагова была вторично отправлена к Шпицбергену. Но и эта попытка, равно как и предыдущая, была безуспешной.

В дальнейшем был проведен целый ряд полярных экспедиций. В частности после трагического плавания англичанина Джемса Кука (убитого туземцами на Сандвичевых островах), общественное мнение было таково, что проход через Ледовитый океан, как в западном, так и в восточном направлении — дело безрассудное, а один из издателей книги, в которой описывались эти путешествия, вынес даже неожиданные заключения, что «экспедиция Джемса Кука оказала всему свету то благодеяние, что она навсегда вылечила от сумасбродной мысли о том, что подобные открытия когда-либо возможны». Но к счастью мнения маститого издателя оказались ошибочными. Лучшие полярные ученые и исследователи никогда не оставляли мысли о возможности открытия Северо-Восточного прохода.

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА

Первым человеком, которому удалось пройти целиком весь Северо-Восточный Морской Путь, был шведский ученый проф. Эрик Норденшельд. До этого плавания, вошед-

шего блестящей страницей в историю завоевания Арктики, Норденшельд провел две удачных экспедиции в 1875 и 76 гг., когда он, пройдя Карское море, достиг полуострова Ялмал, залива Диксон и на лодке дошел до Енисейска, а затем по реке Енисею до деревни Яковлевой.

Успех этих путешествий навел его на мысль отправиться в сквозное плавание Полярным морем из Атлантического в Тихий океан, вдоль побережья Евразии, т. е. открыть так тщетно и настойчиво разыскиваемый в течение трех столетий Северо-Восточный Проход.

Возможность выполнения этого проекта, а также навигации неподалеку от сибирских берегов Норденшельд основывал на следующих соображениях.

Вследствие огромного количества теплой воды, выносимой реками Обью, Иртышом и Енисеем в Полярное море, можно рассчитывать, что в сентябре, а может быть и уже во второй половине августа, воды в этой части океана свободны от льдов, по крайней мере на значительное расстояние вдоль берегов. В этих высоких широтах влияние вращения земли на реки, текущие вдоль меридиана, очень значительно и сообщает им, как текущим с юга на север, отклонение к востоку. Поэтому вода, приносимая Обью и Енисеем, держится вначале как бы запертою Таймыром, а за мысом Челюскина направляется на северо-восток или на восток. Чтобы судить о том расстоянии, на какое поток воды, идущий от Оби и Енисея, способен удалять льды, не следует забывать, что даже слабый ток обнаруживает влияние на положение льдов и что, например, течение Ла-Платы, которая своей многоводностью не может соперничать с Обью и Енисеем, ясно замечается на 1.500 километров от устья этой реки, т. е. на расстоянии, почти втрое большем того, какое отделяет гавань Диксона от мыса Челюскина. Ветры, которые дуют в осенние месяцы в этих местах с северо-востока, должны со своей стороны также содействовать поддержанию вдоль берегов широкой полосы, почти свободной от ледяных полей.

Купец Александр Сибиряков, принимавший деятельное участие в организации и финансировании этой экспедиции, предварительно собрал для Норденшельда сведения из северных окраин Сибири о состоянии льдов, ветрах и погоде.

Согласно этим данным, с июля по сентябрь вдоль побережья Азии широкая полоса моря обычно бывает свободной от льдов. Если северный ветер и пригоняет льды с моря, то они все же немногочисленны.

Из этих сведений Норденшельд вывел заключение, что летом лед южными ветрами отбрасывается от берега, но все же не настолько далеко, чтобы при северных ветрах не появиться вновь у тех же мест, и что вероятнее всего Сибирское море отгорожено от Полярного океана своеобразным барьером из ряда островов, из коих на западе известны Новосибирские, а на востоке—остров Врангеля. По мнению Норденшельда, этот основной барьер, с одной стороны, должен не допускать полного удаления льда с частей моря, находящихся между этими островами и материком, и даже способствовать зимой образованию льда, а с другой стороны — защищает берег от тех настоящих полярных льдов, которые образуются к северу за этими островами.

В этих обстоятельствах Норденшельд находил чрезвычайно удобные условия для плавания вдоль берегов Сибири. Неудачи же всех прошлых экспедиций, пытавшихся открыть Северо-Восточный Проход, он объяснял исключительно плохим снаряжением, негодными для далекого и трудного плавания судами, а также и неподготовленностью самого экипажа.

В этом отношении Норденшельд был прав. Нередко храбрые исследователи, за недостатком средств на снаряжение, шли на старых проконопаченных мхом и тряпками ботах, дававших течи даже при небольших штормах. Для этих судов итти в бурливом море куда было опаснее, чем в море, покрытом льдом, ибо в случае аварии здесь экипаж мог бы спастись, высадившись на ледяные поля. О том, как безобразно и безответственно со стороны начальства снаряжались русские экспедиции на север, с достаточной убедительностью говорит тот факт, что исследователь Прончищев с женой умерли от цынги не зимой, а в конце лета.

«Принимая все это во внимание, — резюмировал Норденшельд, — мне кажется, что хорошо снаряженный пароход должен быть в состоянии, не встречая слишком много трудностей, особенно осенью от льдов, в несколько дней пройти этим путем и тем не только разрешить уже давно решаемую географическую задачу, но исследовать и геогра-

фическом, гидрографическом, геологическом, метеорологическом и естественно-историческом отношениях огромные водные пространства. Даже если бы географическая цель не была достигнута, то во всяком случае будут собраны важнейшие и богатые материалы для географии, гидрографии, фауны и флоры Ледовитого моря Сибири.

Прекрасно продуманная экспедиция была субсидирована шведским королем Оскаром II, капиталистом Диксоном и энергичным русским купцом — миллионером, вложившим все свои средства на исследование Севера и изыскание торговых путей — А.Сибиряковым. Для похода было куплено небольшое, но удобное зверобойное судно «Вега» с машиной в 60 л. с. и водоизмещением в 357 тонн. Помимо этого, в экспедиции приняли участие специально построенный из шведской бессемеровской стали на судоверфи в Мотале речной пароход «Лена», которого Норденшельд по договоренности с Сибиряковым должен был доставить в устье реки того же названия, а также два судна Сибирякова «Фрезер» и «Экспресс», с грузом угля и товаров для Сибири.

4 июля 1878 г. из Гетеборга вышла в море целая флотилия, в составе 4 кораблей, имея на борту, помимо команды — научных работников разных специальностей.

Надо отметить, что в ледовом отношении год плавания Норденшельда был исключительно благоприятным, ибо флотилия, почти не видя льда, прошла Карское море и 6 августа благополучно достигла острова Диксон. Здесь «Фрезер» и «Экспресс» покинули экспедицию, направились с грузом товаров вверх по р. Енисею, а «Вега» и «Лена» двинулись в путь на восток. 19 августа оба парохода, не встречая тяжелого льда, подошли к мысу Челюскина.

«Мы достигли великой цели, к которой стремились в течение столетий, — писал Норденшельд, — впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света».

В течение дня участники экспедиции производили астрономические наблюдения, при чем обратили внимание на большую стаю гусей, которая, по словам Норденшельда, «летела на юг, повидимому, с Полярной земли, расположенной к северу от мыса Челюскина». В 1913 г., уже после смерти Норденшельда, это предположение целиком подтвердилось. К северу от мыса Челюскина русский гидрограф

Вилькицкий открыл огромную Северную Землю, которую из-за туманов храбрый полярник не смог увидеть.

24 августа экспедиция достигла устья р. Лены, рассталась со своим спутником — пароходом «Лена», который отправился в г. Якутск. Это маленькое судно в то время в своем лице олицетворяло весь паровой флот громадной сибирской реки, обслуживая до 1932 г. нужды гигантского края.

Оставшись в одиночестве, «Вега» упорно продолжала свой победный путь на восток, время от времени попадая в широкие и толстые ледяные поля, изобиловавшие разводьями, которые удачно обходила. Но достигнув Чукотского полуострова, пройдя остров Колючин, навдалеке от селения Питлекай, «Вега» была окончательно затерта льдами, и Норденшельду ничего не оставалось делать, как встать на вынужденную зимовку. Это было тем более печально, что «Вега» не дошла до чистой воды Берингова пролива всего каких-нибудь 220 километров и застряла у самого финиша блестящего похода. Вместе с тем Норденшельд абсолютно не имел представления о том, что рядом с ним, буквально в нескольких километрах, у мыса Сердце-Камень промышляли американские зверобойные шхуны, которые всегда могли бы оказать ему помощь.

В течение долгой зимы регулярно велись научные работы. Был собран богатейший материал района, никогда еще не посещавшегося человеком науки. В разгар полярной ночи Норденшельд посредством чукчей отправил почту в селение Марково, откуда ее доставили русским властям в г. Иркутск, и дальше по телеграфу — в Швецию, где судьба пропавшей экспедиции внушала большую тревогу и уже обсуждался вопрос о посылке специального судна на розыски. В свою очередь А. Сибиряков отправил на помощь пароход «Норденшельд», который, попав в смерч, пошел ко дну у берегов Японии.

18 июля следующего года ледовая обстановка дала возможность продолжать рейс, и через два дня Норденшельд был уже в чистой воде Берингова пролива, оттуда через Японию, вокруг Азии и Европы вернулся в Швецию.

Таким образом плаванием «Веги» впервые была разрешена многовековая задача открытия Северо-Восточного Прохода. Целых 326 лет отделяли первую и неудачную попытку

англичанина Виллоуби от блестящего, исключительного в истории завоевания Арктики плавания Норденшельда.

Но сам командир результаты своей экспедиции не переоценивал.

«Морской путь из Атлантического океана в Тихий, вдоль северных берегов Сибири, часто может быть пройден в течение немногих недель на приспособленном для этого пароходе, с экипажем из опытных моряков. Но в целом этот путь, насколько нам известен режим льдов у берегов Сибири, едва ли будет иметь действительное значение для торговли.

Вот здесь-то Норденшельд оказался плохим пророком. Но об этом в дальнейшем будет иметь слово советская арктическая экспедиция проф. О. Ю. Шмидта.

С открытием Суэцкого канала, значительно сократившего морской путь из Европы в Индию, вопрос о пригодности Северо-Восточного Прохода, как постоянно действующей морской трассы, для большинства крупнейших европейских государств потерял всякую практическую ценность, а если и интересовал, то исключительно лишь как географическая проблема. Но уже к концу XIX и началу XX века вопрос этот снова всплыл во всем объеме и возбудил к себе исключительное внимание заитересованных кругов.

В конце прошлого столетия производилась постройка грандиозной сибирской железнодорожной магистрали, для сооружения которой понадобилось доставить кратчайшим путем огромное количество материалов, оборудования и машин к устьям сибирских рек. Естественно, что мысли снова вернулись к Полярному морю. Немедленно была организована гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана, которая работала с 1898 по 1905 г. в западной части Северо-Восточного Прохода. Оборудование знаками морского пути из Европы в устье р. Енисея дало возможность целым караванам судов (до 22 единиц) совершенно беспрепятственно проходить путь с грузами министерства путей сообщения.

Таким образом строительство Сибирской железной дороги явилось первой причиной, заставившей вспомнить о Северо-Восточном Проходе. Вторым фактором, помогшим оценить все преимущества этого пути, была русско-японская война.

Вся русская и иностранная печать подняли шумиху вокруг этого вопроса, когда создалась необходимость возможно быстро перебросить русскую военную эскадру из Балтийского моря на Дальний Восток. Авторитетные лица и организации поставили вопрос о том, не представляется ли возможным и необходимым произвести эту переброску не тропиками, вокруг Мыса Доброй Надежды, где нужно было пройти расстояние в 20 тыс. клм. и преодолеть ряд колоссальных трудностей политического и стратегического порядка, а Северо-Восточным Проходом, вдоль берегов Сибири.

Но плохая осведомленность об этом пути, малая его изученность, а также неуверенность в успехе всего предприятия оказались теми вескими аргументами, которые заставили эскадру адмирала Рождественского итти южными морями и принять гибельный для себя бой под Цусимой.

Известный ученый Д. И. Менделеев по этому поводу позже так высказался:

«Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша вероятно прошла бы во Владивосток, минуя Немецкое море и Цусиму...»

Тяжелая трагедия под Цусимой заставила царское правительство оценить стратегическое значение Северо-Восточного Прохода, как пути, проходящего в наших территориальных водах, принять срочные меры к освоению всего маршрута и в первую очередь — участка от Берингова пролива до мыса Челюскина.

С этой целью в 1909 г. невским судостроительным заводом были выпущены два парохода ледокольного типа «Таймыр» и «Вайгач», водоизмещением каждый до 1.200 тонн и машинами тройного расширения по 1.200 индикаторных сил. В том же году они отшвартовались из Петербурга и тропиками прошли во Владивосток.

Первые два года оба ледокола производили большие гидрографические работы в Полярном море, к востоку от р. Колымы, а в 1912 г., при задании пройти на запад и пополнить запасы угля в Александровске на Мурмане — т. е. фактически пройти весь Северо-Восточный Проход с востока на запад, оба судна застряли в тяжелых льдах восточного берега Таймырского полуострова, в 150 милях от

мыса Челюскина и вынуждены были повернуть обратно во Владивосток.

В 1913 г. командование экспедицией принял гидрограф Б. А. Вилькицкий, которому было дано задание произвести исследовательские работы в районе между устьем р. Лены и Таймырским полуостровом, а в случае, если состояние льдов будет благоприятным, то повторить прошлогоднюю попытку и пройти в Атлантический океан.

10 июля 1913 г. оба ледокола вышли из Владивостока, прошли Берингов пролив и вдоль берегов Сибири двинулись на запад. Состояние льдов благоприятствовало ходу экспедиции. Лишь в море Лаптевых они попали в первые ледяные поля. Здесь встретили они норвежский промысловый бот

«Невольно поднималось в душе чувство досады, — вспоминает участник экспедиции д-р Старокадомский, — на прямо непозволительную инертность и отсутствие предприимчивости у наших соотечественников, суда которых нечего и думать встретить в Ледовитом море, подле Берингова пролива, где американцы и норвежцы собирают обильную дань».

1 сентября показался долгожданный мыс Челюскин, от которого суда были на расстоянии каких-нибудь 40 миль. Но подойти к самой северной оконечности Азии ледоколы так и не смогли, ибо на пути встретили тяжелый сплошной и невзломанный лед. Поэтому было решено итти вдоль края льда на север, обогнуть его с тем, чтобы при первой же возможности спуститься к берегам Таймырского полуострова.

2 сентября участники обнаружили низкую, полузанесенную снегом полосу земли, расположенную от мыса Челюскина всего на 20—25 миль, оказавшуюся островом, который теперь именуется — Малый Таймыр. Вскоре навстречу ледоколам начали попадаться огромные айсберги количеством до 20 штук. Вначале предполагалось, что эти ледяные крепости закинуло сюда течениями с Новой Земли или Земли Франца Иосифа, но уже к утру стало очевидным, что айсберги имели совсем иное происхождение.

«3 сентября рано утром, — писал д-р Старокадомский, — справа были замечены очертания берега, на этот раз высокого. Вскоре туман начал подниматься, и шедшие

к новым, неизвестным берегам ледоколы увидели широко раскинувшуюся, покрытую изрядно высокими горами землю».

На мысе, впоследствии названном мысом Берга, высадились участники экспедиции для водружения национального флага и производства астрономических наблюдений.

Вновь открытая земля была названа «Землей императора Николая II», а при советской власти переименована в Землю Северную.

На этом, собственно, и окончились достижения экспедиции Вилькицкого, обогатившие науку солидным географическим открытием, ибо все попытки пробраться на запад безуспешно разбивались о сплоченные ледяные поля, несмотря на работу обоих ледоколов, продвигавшихся рядом. Так за 20 часов беспрерывной и упорной борьбы судам удалось пройти вперед лишь на 4—5 миль. Поэтому Вилькицкий отдал приказ повернуть обратно, и 25 ноября экспедиция возвратилась во Владивосток.

В 1914 г. оба ледокола под начальством Вилькицкого снова вышли на север, получив на сей раз основное задание пройти Северо-Восточным Проходом из Тихого океана в Атлантический.

1 сентября был благополучно достигнут мыс Челюскин, где «Таймыр», попав в сильнейшую сдвижку ледяных полей, едва не был выброшен на берег и получил тяжелую пробоину в корме.

Произведя засъемку южного берега Северной Земли, оба ледокола отправились проливом Вилькицкого (между Таймырским полуостровом и Северной Землей) в Карское море, но у самого входа встретили большие скопления льда. Два гигантских поля сжали злополучный «Таймыр» — его приподняло, накренило и стало давить. Несмотря на то, что ледяные поля вскоре разошлись и дело не дошло до катастрофы, ледокол все же оказался сильно потрепанным. У него были сломаны 13 шпангоутов, появились течи в четырех водонепроницаемых переборках и т. д.

Все попытки форсировать льды неизменно оканчивались неудачей, тем более, что командование уже не рисковало слишком энергично действовать раненым «Таймыром». В результате — в сентябре — оба ледокола, не успев зайти в какую-нибудь тихую бухту, были затерты льдами и встали

на зимовку, дрейфуя в течение зимы в различных направлениях под действиями льда и ветров.

Зимовка не была благополучной. Команду плохо кормили, матросы жили в грязных, не приспособленных для долгого пребывания каютах, при температуре 7 град. тепла и то под самым потолком. В итоге к средине зимовки появились первые заболевания цынгой, от которой погибли два участника экспедиции — лейтенант Жохов и кочегар Ладоничев.

С наступлением весны возобновились научные работы и рекогносцировочные рейсы на берег. В одну из экскурсий, между прочим, были применены даже аэросани, впервые испытанные в условиях Арктики.

2 августа окружавший суда лед взломало, и они получили возможность двигаться вперед. Во время пути у северо-восточной оконечности острова Таймыра ледокол «Таймыр» сел на камни и получил большую пробоину, но благодаря своевременной помощи подоспевшего «Вайгача», его удалось быстро снять с мели и снова начать упорное продвижение на запад.

20 августа, идя в широких ледяных полях и густых туманах, оба ледокола с севера обогнули о. Таймыр, 30 августа достигли о. Диксон и 16 сентября прибыли в Архангельск.

Таким образом Вилькицкий оказался вторым человеком, прошедшим по пути Норденшельда Северо-Восточный Проход, но на сей раз в обратном направлении.

Экспедиции Вилькицкого внесли ценный вклад в науку об Арктике, дав ряд новых сведений о водах, омывающих сибирское побережье. Но вместе с тем они весьма пагубно отразились на оценке значения Северо-Восточного Прохода, как морского транспортного пути. Целый ряд выдающихся ученых, основываясь на плаваниях «Таймыра» и «Вайгача», категорически утверждали, что Северо-Восточный Проход не может быть практически используем. А известный полярный ученый Брейтфус даже писал:

«Открытием о. Малый Таймыр и Северной Земли поставлена решительная преграда плаваниям по морскому сибирскому пути, в районе между устьем Енисея и Лены».

Но советский полярный ученый проф. В. Ю. Визе утверждает, что тот факт, что судам приходится итти к северу от Таймырского полуострова проливом, а не открытым морем,

как полагали раньше, еще не является непреодолимым препятствием. Помимо этого, в 1931 г. к северу от пролива Вилькицкого открыт другой пролив—Шокальского, который может оказаться удобным для мореходства. Но и сам пролив Вилькицкого не всегда представляет собою неприступную для плавания ледяную крепость. В 1932 г. ледокол «Русанов» под начальством профессора Р. Л. Самойловича не только не встретил там льда, но в течение долгого времени спокойно стоял на якоре у мыса Челюскина, занимаясь строительством новой научной радиостанции.

Во всяком случае вопрос о возможности постоянной навигации в этом районе — это вопрос научно-исследовательских работ и практического плавания советских ледоколов.

Империалистическая, а затем и гражданская войны надолго задержали организацию полярных экспедиций для освоения уже открытого Северо-Восточного Прохода. Лишь в 1918 г. известный полярный исследователь Роальд Амундсен, до этого открывший в 1911 г. Южный полюс, вернувшись из трехгодичного плавания Северо-Западным Проходом, решил повторить историческую попытку Фритьофа Нансена — продрейфовать вместе со льдом через весь полярный бассейн. Для этого интересного предприятия было сооружено небольшое судно «Мод». Согласно разработанному плану, «Мод» должна была вмерзнуть в лед к северу от Берингова пролива, откуда судно, теоретически предполагая, должно было бы пронести где-то недалеко от Северного полюса.

18 июля экспедиция покинула Вардэ, но уже у входа в Югорский Шар попала в тяжелые ледяные поля, через которые с трудом пробралась в Карское море, лишь через 22 дня. Такая же напряженная обстановка ждала Амундсена и в самом море. Многолетние сплоченные поля сильно задерживали судно, которое только к 31 августа сумело добраться до о. Диксон, где приняло запас нефти и 10 сибирских ездовых лаек.

Благополучно обогнув мыс Челюскина, в 20 милях от него экспедиция попала в совершенно непроходимые льды. После долгих и бесплодных попыток выбраться из ледяной петли Амундсен был принужден поставить судно на зимовку в небольшой бухточке, названной им Гаванью Мод.

С осени на берегу были построены будки для производ-

ства научных наблюдений в районе, где еще не зимовала ни одна экспедиция. Полярная ночь, благодаря правильному режиму и питанию, прошла весьма благополучно, исключая самого начальника, который сломал себе ключицу и долгое время принужден был отлеживаться в каюте.

Но и после болезни, едва оправившись, Амундсен попал в историю, которая едва не стоила жизни величайшему полярному исследователю: на него напал медведь. Вот как описывает это происшествие сам Амундсен.

«Увидев меня, медведь остановился, присел на задние лапы, поднял передние вверх и стал разглядывать. Ходившая со мной собака воспользовалась удобным случаем, чтобы ускользнуть, точь-в-точь как сделал бы я, если бы был на ее месте. С криком «медведь, медведь» я бросился к судну. Но зверь оказался опытным спортсменом. В тот миг, когда я бросился на утек, он развил такую скорость, которая без сомнения вызвала бы бурные одобрения на гонках. Нужно хорошо бегать, чтобы успевать за медведем, а еще лучше — чтобы удирать от него. Если бы мне удалось вбежать по сходням и оказаться на палубе раньше медведя, то наверное бы я избежал близкого с ним знакомства. Я развил феноменальную скорость, добежал до сходней, схватился за борт и уже собрался перемахнуть через него, как вдруг в это время услышал у самого уха торжествующее рычание и в следующий момент хорошим ударом я был уложен на сходню.

— Что ты думал, дедушка, когда лежал под медведем?— по всей вероятности меня спросят мои внучата.

— Я не сомневался, дети мои, — отвечу я,—что через секунду или две в мой затылок вонзится медвежий клык.

Лежа под медведем я ожидал своей участи, но тут собака отвлекла его внимание. Молнией я вскочил на ноги и прыгнул на палубу. В это время подоспели Вистинг и Свердруп (его спутники), раздался выстрел, медведь выкинул задним ходом сальтомортале и грохнулся на лед. Я же отделался четырьмя ранами в бедре, сделанными когтями медведя».

С весны особенно энергично развернулись научные работы. Участники экспедиции совершали многочисленные пешие экскурсии, производили засъемку побережья и определяли элементы земного магнетизма.

В конце зимовки судно покинули два участника экспеди-

ции—Тессем и Кнудсен, отправившиеся на лыжах по заданию Амундсена к радиостанции о. Диксон для доставки писем на родину. Дело в том, что, согласно замыслу, ледяной дрейф «Мод» должен был продолжаться не менее трех лет, и поэтому было важно доставить в Норвегию те научные результаты, которые были добыты за зимовку.

Летом 1922 г. на р. Пясине геолог Н. И. Урванцев — позднее первый колонист Земли Северной — случайно оказался на месте когда-то разыгравшейся тяжелой трагедии. Вот как он описывает виденное:

«Вначале мы увидели большое количество разбросанных по земле писем и карт, смокшихся от талой воды и разорванных. Повидимому большая часть писем была разграблена медведями, но все же три больших пакета из водонепроницаемой материи, адресованных институту магнетизма Карнеджи (Вашингтон) и брату Амундсена—хорошо сохранились. В 50 клм. от этой находки мы обнаружили брошенное спальное меховое одеяло, лыжи и палки, свидетельствовавшие о том, что человек шел из последних сил, бросая все лишнее. Наконец на крутом, сглаженном каменистом склоне, всего только в $1^1/_2$ клм. от радиостанции Диксон, мы нашли скелет норвежца Кнудсена. Повидимому он поскользнулся, получил временное сотрясение мозга, от которого потерял сознание, и, будучи совершенно истощенным, вскоре замерз. Что же касается Тессема, то он погиб где-нибудь раньше».

19 августа вдали показалась чистая вода. Взрывая ледяной барьер, отгораживавший «Мод» от большой полыньи, а также самостоятельно активно форсируя, судно к 12 сентября получило возможность плыть на восток, затратив на преодоление 2-километрового ледяного барьера целых 24 суток.

Но и в этом году заветная мечта Амундсена дрейфовать вместе со льдом в Полярном море не сбылась. В конце сентября «Мод», встретив гигантские льды к востоку от устья р. Колымы, зазимовала вторично, на сей раз у о. Айона (Чукотский полуостров). И лишь 21 июля 1930 г. Амундсен добрался до чистой воды Берингова пролива— т. е. прошел Северо-Восточный Проход, не имея на это никакого желания, ибо основной его целью являлся дрейф во льдах.

Несмотря на то, что Северо-Восточный Проход был пройден третьим человеком, все же и на этот раз при преодолении его Амундсену пришлось зимовать два раза, в то время как его предшественники, Норденшельд и Вилькицкий, затрачивали на это только год. Таким образом Северо-Восточный Проход географически был открыт. Но вполне понятно, что все эти достижения никакого экономического значения иметь не могли. Северо-Восточный Проход, как постоянно действующий транспортный путь все же не был открыт, ибо плавание кораблей, с обязательной зимовкой во льдах — было бы нерентабельным, не оправдывавшим огромных организационных расходов.

Пройти без зимовки в одну навигацию, доказать возможность регулярного плавания Северо-Восточным Морским Путем — вот то задание партии и правительства, с которым сибиряковцы вышли в поход 28 июля 1932 г.

БОЛЬШЕВИКИ ОТПРАВИЛИСЬ В АРКТИКУ

Произошло это очень просто, как все гениальное. В 1932 г. в мыслях известных профессоров и полярников зародилась блестящая по замыслу идея — повторить исторические рейсы Норденшельда, Вилькицкого и Амундсена, пройти Северо-Восточный Проход, но на сей раз без зимовки, сделать этот путь мореходным, доступным для постоянных торговых рейсов. Другими словами, совершить то, что не удавалось человечеству в течение трех столетий. Обладателями этих прекрасных идей были популярнейшие не только в Советском Союзе, но и за-границей, полярники, известные своими походами в Арктику, проф. О. Ю. Шмидт и проф. В. Ю. Визе.

Мысль была смелой и дерзкой. Но оба профессора прекрасно отдавали себе отчет в том, что они предлагали. Ведь Советский Союз обладает огромными шансами, каких не было ни у одного из храбрых предшественников. За нашей спиной был солидный многовековый опыт полярного кораблевождения, мы обладаем специальными судами-ледоколами, приспособленными для борьбы со льдом. На нашей стороне огромные достижения науки и техники — самолет, радиоаппарат, аэросани и т. д. И наконец только в нашей

стране и нигде больше — народные массы — пролетариат, обладающий огромным упорством, волей победы, строящий свое государство на новых началах.

В Советском Союзе вырос новый человек. И с этим человеком, с его колоссальной неисчерпаемой энергией при активной поддержке всей страны можно и нужно сделать то, что не удавалось никому из полярных исследователей.

Произошло все это очень просто. Не было даже газетной шумихи, кампании в печати, бурных дебатов и прений.

Большевики твердо решили овладеть Арктикой, освоить свои необъятные полярные границы, и разве хватило бы у очень, правда, немногих маловеров, пугавших трудностями и многозначительно кивавших на историю, силы, чтобы остановить завертевшееся колесо.

А колесо завертелось быстро и размашисто, вовлекая в водоворот все новые и новые события.

От стадии долгих обсуждений, анализов, прогнозов, вопрос об экспедиции смело перешел к подготовке.

«Я всегда предвидел по крайней мере в пять раз больше, чем впоследствии осуществлялось, — заявлял Фритьоф Нансен,—в этом и заключается весь секрет руководителя».

И начальнику правительственной экспедиции, проф. О. Ю. Шмидту, пришлось продумать все, вплоть до мелочей, не забыть ничего, взять с запасом на всегда возможные случаи зимовки.

Вот здесь-то в первый раз и всплыл страшный по существу, нетерпимый в нашей действительности вопрос, — а вдруг зимовка?

Для советской арктической экспедиции зимовать — это значит не выполнить основного задания партии и правительства, свести к нулю главную цель, из-за которой снаряжался ледокол и тратились народные средства. Зазимовать — это позор, это расписка в полной беспомощности перед силами Арктики упорного большевика, привыкшего точно выполнять распоряжения партии.

Но вдруг? — ведь может же случиться, что ледокол застрянет в гигантских ледяных полях, несмотря на все героические усилия команды. Ведь так бывало же почти с каждым полярным исследователем. Но и в этом участники экспедиции отдавали себе твердый отчет. Да, так бывало в старые годы, но не должно быть и не будет в советской

полярной экспедиции. «Сибиряков» впервые пройдет без зимовки.

Вот с этой основной мыслью, ставшей победным лозунгом для всего состава ледокола, от кочегара до научного работника, «Сибиряков» готовился к выходу в море в Архангельске.

28 июля 1932 г. Остановите любого вихрастого мальчишку, стрелой летящего по пыльным улицам Архангельска, и спросите:

— В чем дело, куда идут толпы народа?

Он с удивлением вытаращит на вас глаза и недружелюбно бросит:

— Сам не знаешь, что ли? Известно, «Сибиряков» в море уходит...

«Сибиряков» — его славный, всеми любимый капитан Владимир Иванович Воронин и команда—это гордость всего города. Имя «Сибирякова» — на языке всех архангельцев. О нем и перспективах похода говорят дома, в трамваях, на улице, яростно спорят в клубах и гигантах-лесозаводах.

— Сумеет ли пройти весь огромный путь без зимовки? Выполнит ли задание партии и правительства?

Эти вопросы так страстно обсуждались всеми трудящимися, что, казалось, весь город, весь громадный Архангельск с его затонами, лесобаржами, пристанями, фабриками и заводами, — непосредственные участники этого великого похода.

Яркое без облаков солнечное утро. Совсем не северная, по-крымски теплая погода. Широкая гладь красавицы Двины слегка колышется от слабого ветерка, дующего из устья — форточки Белого моря.

— Высоко, высоко небо синее,
Широко, широко студено море.
А мхам-то, болотам и конца не знать.
От той ли от Двины, да от Архангельской —

поет старинная поморская былина.

У пристани, расцвеченный яркими флажками, стоит помолодевший, свеже-выкрашенный, сверкая на солнце лихо надраенными медными частями, «Сибиряков».

Две недели подряд его бездонные трюмы напихивали углем, мешками с мукой, крупой, ящиками с консервами,

бочками с бензином. Это — двухгодичный запас на случай зимовки.

А вдруг? — ведь это вдруг всегда может наступить, как бы бурно ни восставал весь наш организм против поражения. Поэтому запастись средствами существования для этого «вдруг» все-таки необходимо.

Наш ледокол был построен в Канаде и носил весьма нескромное название — «Белль авантюр», при чем надо сказать, что белль авантюр ему постоянно сопутствовало во всех начинаниях. Во время империалистической войны ледокол был запродан царской России и нес службу в Белом море, снабжая армию снарядами и снаряжением, которые шли от «союзников». С 1926 г. «Сибиряков» в зимнее время — непременный участник зверобойных промыслов в горле Белого моря. Ледокол хорошо приспособлен к борьбе с тяжелыми льдами. У него поставлена стальная обшивка и так называемый «ледяной пояс», который должен защищать всю нижнюю часть судна от ударов.

На пристани, забегая в пакгаузы, тщательно оглядывая ящик, мокрый от обильно струящегося пота, смешанного с угольной пылью, носится завхоз экспедиции П. Г. Малашенко, боясь и подумать о том, что он может забыть какую-нибудь мелочь, которой там, далеко, возможно придется сыграть не последнюю роль. На его лице — бледная печать утомления, бессонных ночей и постоянных забот. В голове — навязчивая сверлящая мысль о пропавших где-то, в дебрях железнодорожных тупиков, вагонах со свежими овощами.

Нужно предусмотреть и подумать буквально обо всем, а главное — о продуктах, богатых витаминами, столь необходимым средством для борьбы с цынгой. Забыть ничего нельзя, ибо малейшая оплошность и неточный расчет могут поставить экспедицию в тяжелое положение.

История полярных исследований знает случаи, когда до 90 проц. всего состава смелых исследователей гибли от бича Севера — цынги. В 1845 г. исследователю Франклину были поставлены испорченные мясные консервы, что обнаружилось лишь во время плавания. В результате все консервы пришлось выбросить и тем самым поставить экспедицию в весьма тяжелое положение. Во время зимовки Франклина на почве недоедания от цынги умерли 21 человек. В экспе-

диции Амундсена на судне «Мод» во время дрейфа во льдах обнаружили, что в ящиках из-под консервов лежали кирпичи.

Поэтому на завхозе П. Г. Малашенко лежала очень ответственная задача не только проверить качество заготовленных продуктов, но, руководствуясь основным требованием каждой полярной экспедиции, снабдить наиболее разнообразными продуктами питания, в частности богатыми витаминами «С».

В нынешнее время, благодаря открытию витаминов, надо считать, что цынга окончательно побеждена человеком. Правда, еще наблюдаются случаи заболевания этой страшной болезнью, главным образом на зимовках северных радиостанций. Но это происходит исключительно вследствие плохого снабжения, неудачного подбора ассортимента продуктов и нежелания самих участников соблюдать определенный режим.

Последние приготовления к отходу, последний свист и грохот лебедки, поднимающей на борт огромные аэросани, и все стихло...

— Люки задраить,—коротко бросает, как бы мимоходом, старший помощник капитана Ю. К. Хлебников — молодой, черноглазый моряк, с тонким породистым профилем лица. Ю. К. Хлебников — опытный полярник, прошедший исключительно высокую школу мореплавания у старого морского волка — лучшего капитана Советского Севера В. И. Воронина. Много лет испытаний, лишений и трудностей связаны у Хлебникова с его старшим товарищем по ледоколу. Экспедиции на Землю Франца Иосифа в 1929 г., на Землю Северную в 1930 г. и каждый год — на зверобойке в Белом море — вот трудовой стаж опытного, уже полноценного капитана—Ю. К. Хлебникова.

Ледокол — это огромное и сложное хозяйство, с жилыми помещениями для судовой команды и экспедиционного состава, машинным отделением, обширными складами-трюмами, мастерскими, камерами для хранения запасных частей и радиостанцией.

70 жителей ледокола расположились следующим образом. На носу и корме, в узких клетках кают, заново отремонтированных и побеленных, устроились матросы и кочегары. На самой верхней палубе — на спардеке, в двух чистень-

ких комнатках—капитан и начальник экспедиции. В немногочисленных каютах вдоль палубы едва разместились комсостав ледокола, радисты, судовой врач, начальник научной части экспедиции проф. В. Ю. Визе и несколько научных лабораторий, связанных с круглосуточными наблюдениями над водой и атмосферой.

Весь же экспедиционный состав — научные работники, журналисты, художники и киногруппа расположились внизу, в трюме, во временно-перегороженных деревянными стенками каютах. Куда ни взглянешь — везде возня, спешка. Участники экспедиции распаковывают разбухшие чемоданы, раскладывают по полкам тысячи стеклянных баночек, склянок, бутылей, приготовленных для научных работ, сложные приборы, аппараты и неумелыми, неловкими руками пытаются сделать уют.

Вхожу в свою каюту и обалдеваю от адской жары. Рядом, за тонким железным простенком, в машинном отделении, прогревают только что вычищенные котлы. В маленький круглый иллюминатор на пристани видны чьи-то кривые кавалерийские ноги и палец, дерзко выглянувший из ботинка.

С левой стороны каюты — одна над другой — койки, посредине деревянный стол, напротив его складной, скрывающийся в стену умывальник, а направо что-то смутно напоминающее мягкий диванчик. Вот и вся обстановка. Вот здесь-то, в этой каюте придется провести весь долгий рейс, а вдруг и... нет, и тысячи раз нет, — ни в коем случае не зимовку.

Мой сосед по каюте Б. Ю. Малер, по прозвищу «динамит» — подрывник экспедиции, сопя что есть мочи носом, старается уложить свой длинный высохший скелет на койке, тщетно мечтая вытянуть ноги. Покорно смирившись, он достает детонаторы и начинает упрятывать их вниз, к ведру умывальника.

— Ты с ума сошел, куда ты их суешь, ведь может же быть взрыв?

— Только тихо,—невозмутимо отвечает он.—А кстати не говори об этом ребятам. Тут они будут лежать на виду — для меня это спокойнее.

Ну и сосед попался, сам «динамит», да и окружение взрывчатое.

Каюта научных работников Ретовского, Ширшова и Белопольского — целая библиотека. Вдоль стен, в беспорядке нагромождены сотни книг об Арктике, беллетристика и т. д.

— Куда это вы столько набрали?

— А кто знает, вдруг?..

Фу, опять это «вдруг». Ведь не должно его быть, ведь каждый убежден в этом. Но откуда же все-таки эти мысли о «вдруг»?

Толстый, в широком кожаном пальто кино-режиссер В. А. Шнейдеров, занимая своим тучным телом полкаюты и заставляя тем самым двух своих спутников, оператора М. Трояновского и ассистента Я. Купера, скромно прижаться к стене, взгромоздился на стул, прикрепляя вымпел спортивного общества «Динамо».

— Когда вот открою островок, то обязательно водружу этот флаг, — серьезно заявляет он.

Географ Я. Я. Гаккель, неожиданно оказавшийся квалифицированным настройщиком, вот уже второй день вытягивает жуткие, стонущие рыдания из вдребезги разбитого пианино, которому суждено войти в историю полярных плаваний. Старое корыто «Дидерихс» уже вторично совершает рейсы на север, побывав на Земле Франца Иосифа и Земле Северной с ледоколом «Седов», доставив участникам своим расстроенным нытьем бездну удовольствия.

Надо сказать, что музыкальный инструмент—это неоценимый аксессуар каждой арктической экспедиции. Сколько раз нас выручал «черный гроб», как звали пианино на ледоколе, в тяжелые минуты, заставляя весь состав экспедиции наслаждаться прекрасной игрой проф. В. Ю. Визе и забыть о той обстановке, которая там, наверху, за палубой судна.

На корме, в узком отсеке — между трюмом и каютами кочегаров — огромный бурый бак авиационного бензина. Череп и две кости предупреждают неосторожных об опасности взлететь на воздух. Этот бензин приготовлен для воздушного участника нашей экспедиции — самолета под управлением известного полярного летчика И. К. Иванова, аэронавигатора Раппопорта и механика Плешакова.

Все сделано — специальная площадка на палубе для стоянки аппарата, доставлены запасные авиачасти — мо-

тор, крылья, шасси, — к приему воздушного гостя — а его все нет.

Хмурится, нервничает начальник экспедиции — самолет задерживает выход ледокола в море.

26 июля наконец-то получили долгожданную телеграмму: Иванов благополучно стартовал в Ленинграде, взяв направление на Архангельск. А на следующий день, вечером пришла вторая — бомбой разорвавшаяся в комнатах.

— При перелете из Ленинграда в Архангельск сегодня в 14 ч. вынужден был сделать посадку в районе р. Онеги, возле села Корельского: в воздухе сгорел мотор. Посадка произведена с остановившимся винтом. Самолет и экипаж— невредимы. Иванов.

Всю ночь на «Сибирякове» царило нервное возбуждение: авария самолета поставила экспедицию в затруднительное положение. Что было делать — ждать или итти в море без него? Но отсутствие самолета чрезвычайно тяжело отразится в пути, в особенности, когда «Сибиряков» войдет в сплошные ледяные поля. Мы лишаемся чрезвычайно ценной в условиях Арктики воздушной разведки.

Немедленно с местом аварии была установлена прямая телеграфная связь. Всю ночь измотавшийся Шмидт вел бесконечные переговоры, попутно согласовывая вопрос о способах переброски с ледокола запасного мотора, инструментария и специалистов. На место происшествия срочно выехала комиссия экспертов для установления причин порчи мотора.

Утром, благодаря содействию местных организаций, из Архангельска вышел быстроходный морской катер, имея на борту запасный мотор и механиков гражданского воздушного флота, предполагая покрыть расстояние от Архангельска через Двинский и Онежский заливы, к месту аварии — в течение суток. Иванов сообщил по телеграфу, что на смену моторов ему понадобятся только одни сутки, после чего самолет немедленно вылетит к ледоколу.

Но ждать было уже некогда. 27 июля — это разгар полярной весны, наиболее удобный момент для навигации в Арктике. Поэтому после долгих обсуждений и тщательных взвешиваний было решено самолет не ждать и 28 июля в 10 часов утра выйти в океан.

На полубаке размещают свежее мясо экспедиции — ко-

ров и свиней. С дико перекосившимися, ничего не понимающими глазами, коровы жмутся друг к другу, жалобно мычат, точно предчувствуя что-то недоброе.

— Опять эта пакость к нам привалила, — презрительно сморщив нос, говорит Хлебников — известный на судне аккуратист и чистюля, — только грязь разводить. Эх. был бы я начальником экспедиции, я бы... — задумчиво чешет он затылок.

На пристани собираются провожающие. Море алых знамен, с полотнищами лозунгов, идут рабочие лесозавода, пионеры, школьники, комсомольцы. Пришли и судоремонтники — те, что осматривали ледокол в доке, отправляя в далекое плавание, полюбоваться на свою работу.

— Хорош ледокол, — переговариваются они между собою, — еще много походит, только вот старый очень, изношенный. Вот кабы время было, мы бы его капитально отремонтировали.

Три черных от копоти и сажи малыша, закончивших чистку котлов, сверкая белизной оскала, быстро скинув драное тряпье, в котором они лазили в узкие топки, ласточкой полетели в теплую, нагревшуюся Двину.

— Все равно, чертенята, не отмоетесь, — издеваются над ними матросы, — так век и ходить вам мазанными...

— Небось, отмоемся, — визгливо пищат голосишки с реки, — ты и сам ведь наверно таким был...

Мимо «Сибирякова», по широкому наезженному торговому тракту с легкостью мчатся, зарываясь носом в белоснежную пену, крошечные моторки, катера, важно проходят огромные иностранные лесовозы, пришедшие в столицу Севера за ценнейшим советским лесом.

Грянул бравурный марш. В стороне, у гигантского подъемного крана, в паутине которого нависли мальчишки, комсомольцы запели «Молодую гвардию». Кинорежиссер Шнейдеров носится в экстазе по пристани, умоляет, уговаривает, кричит не своим голосом, организуя кинокадр «Проводы ледокола».

Все уже на своих местах. Длинной лентой стоят, растянувшись вдоль палубы, участники экспедиции, прощаясь с Большой Землей. На пристани — жены, дети, друзья, знакомые. Там жаркие поцелуи, объятия и слезы — непременные спутницы всех проводов.

— Когда-то увидимся еще, а вдруг?..

До самого отхода это «вдруг» не дает никому покоя, настойчиво, сверх желания лезет в голову. Как-то грустно делается, хотя самому и не хочется в этом признаться. Быстро берешь себя в руки и рисуешь самые невероятные, самые заманчивые перспективы, ждущие нас впереди.

Расталкивая провожающих, ко мне подбегает экспедиционный художник Лев Канторович.

— Смотри, пожалуйста, «Северный комсомолец»-то начудил.

Гляжу, — шапка: «Комсомольский привет ударникам Арктики, отправляющимся сегодня в ледовый арктический поход». А ниже таким же шрифтом, для другой заметки, но выглядит как бы в общей шапке: «Тише едешь — дальше будешь».

— Вот это — спасибо, — хохочет Канторович, — удружили ребята. Хотя, слушай, а может быть это и верно?

Тепло провожал рабочий Архангельск «Сибирякова» в далекий тяжелый путь в Арктику. Много искренних слов, добрых пожеланий счастливого плавания, новых побед, успехов, а главное — выполнения задания партии и правительства услышал состав экспедиции.

— Без победы не возвращаться! — так приказал пролетарский Архангельск.

Мощные звуки «Интернационала» сливались с криками «ура», с шумом, говором и пением огромной толпы. Флаги, знамена, сверкая на солнце, плыли по воздуху. Хотелось кричать или запеть что-то громкое, радостное.

Митинг закончен. Последняя связь с берегом — трапы подняты на палубу. Наступает гробовая тишина, только изредка прерывающаяся быстрыми на-ходу поцелуями перегнувшихся через борт кочегаров. Радист Е. Н. Гиршевич долго не может расстаться со своим малышом. Он нежно прижимает его к себе, смотрит грустными, ласковыми глазами и лишь в последний момент, перемахнув через реллинги, передает свою ценность в протянутые руки жены.

Наверху, на мостике появляется «сам» — капитан дальнего плавания В. И. Воронин. Сегодня его не узнать. Он торжественен и официален. На нем даже белый воротничок и галстук. Но, дорогой Владимир Иванович, — я-то вас знаю хорошо. Завтра же утром вы бросите все эти ненуж-

ные украшения на дно чемодана и не наденете до конца рейса, там, далеко, во Владивостоке.

Грохот и скрежет прорезали тишину. Пыхтя и отдуваясь, разбрасывая облака белоснежного пара, медленно тащила лебедка ржавую, грязную от речного ила якорную цепь.

— Якорь чист, — раздается звонкий голос боцмана Загорского — старого опытного полярника, уже зимовавшего на затертом льдами судне в Полярном море.

— Тихий вперед, — наклоняется к слуховой трубке, соединяющей капитанский мостик с машинным отделением, В. И. Воронин, стараясь не смотреть туда, вниз, где в толпе его жена и любимый сын.

— Есть, тихий вперед, — приглушенно доносится снизу, где старший механик, добродушный толстяк М. М. Матвеев, как заправский дирижер, командует целым джаз-бандом хлюпающих, чавкающих и стонущих рычагов, шатунов, как хорошая и заботливая няня, на слух определяя фальшивую ноту, неполадки в сложнейшем организме машины.

Протяжно и заунывно гудит ледокол. Хрип его уносится далеко за Двину, в свеже-зеленые заливные луга и с размаху налетает на здания города.

— Урра... — сотрясается пристань.

— Урра... — несется ответ с ледокола.

— Киньте якорь во Владивостоке! — размахивая засаленной кепкой, советует грузчик.

— Ребята, да чтоб без зимовки! — хором, речитативом выпаливают комсомольцы.

— Чтоб без «вдруг», — слышите?

— Слышим и помним. Зимовки не будет...

Медленно, сделав широкий круг, величаво развернул свой стальной форштевень к дельте Двины «Сибиряков». Со всех сторон гремит музыка, раздаются крики приветствий. С обоих бортов — впереди за острым носом и сзади — за кормой, ныряя носом в пене развороченной винтом ледокола воды, несутся флотилии моторок, катеров, гребных и парусных лодок.

Почетный эскорт провожает ветерана «Сибирякова» в тяжелое и ответственное плавание.

Перегнувшись за борт, матрос Н. Адаев — он же корреспондент «Правды Севера» — получает с соседнего бота последние инструкции своего шефа. Позавчера, я помню, на

ледокол явился высокий, стройный блондин, с бледным и утомленным лицом.

— Николай Адаев, — штурман дальнего плавания, — знакомился он с участниками похода, — с вами еду, вместе, только не штурманом, а матросом...

Коле Адаеву, впоследствии секретарю нашей партийной ячейки, нехватало только 6-месячного стажа, чтобы стать капитаном дальнего плавания. Он бы и был им, проплавав на одном из торговых судов Северного морского флота.

Но тут подвернулся «Сибиряков» — замечательная, заманчивая экспедиция в Арктику. И Коля не выдержал. Не выдержало его матросское сердце, плюнул он на звание и пришел проситься на ледокол. Но места штурманов у нас уже были все заняты. С нами шли такие опытные полярники, как Ю. К. Хлебников и М. Г. Марков.

Тогда, не колеблясь, не раздумывая ни минуты, Коля Адаев стал матросом второго класса, чтобы все же участвовать в экспедиции.

И штурман дальнего плавания Адаев весь поход стыл под дикими ветрами на полубаке, работал на лебедке за двоих, как матрос — мыл палубу, надраивая до ослепительного блеска медные кольца иллюминаторов, и руководил, хорошо руководил самой северной ячейкой большевиков.

Огромные лесовозы, лесные биржи, алые знамена и плакаты, выравнявшихся по узким берегам реки колонн рабочих — все позади.

Пограничный пункт Чижовка, где нас покидают провожающие. Медленно и нехотя по шторм-трапу спускаются в катерок зареванные жены, шепча второпях супругам необходимые на всякий случай наставления.

— Не забудь, Боба, утюгом пользоваться, — не находя в последнюю минуту нужных слов, советует жена химика Б. Н. Брунс, — тем, что я тебе купила.

Смущенный химик, окидывая исподлобья острым взглядом всех присутствующих, торопит усадить ее в лодку.

Последний протяжный хрип гудка, разнесенный тысячным эхом, в воздухе белые платки, зеленые фуражки пограничников и... прощай Большая Земля.

Впереди — без края, без горизонта широчайший водяной простор.

БЕЛОЕ МОРЕ

Медленно и осторожно движется «Сибиряков». В устье Северной Двины, у самого выхода в море — огромные мели. Поэтому на капитанском мостике лоцман — опытный проводник по движущимся подводным пескам.

Вдали показалось бурое вылинялое судно, стоящее на мертвом якоре. Это — плавучий маяк «Северная Двина», служащий приютом лоцманам, проводящим лесовозы в Архангельск.

Рядом работают несколько землечерпалок, вот уже много лет пытаясь углубить фарватер, который неизменно бурное море засыпает песком.

— Отто Юльевич, — подходит капитан к Шмидту, — сейчас малая вода, прилив начнется не ранее, как через час. Поэтому лоцман предложил стать на якорь и подождать. А мне, по правде сказать — не охота простаивать. Уходить, так уж по-настоящему уходить в море. Я велел итти, взяв на себя всю ответственность.

Шмидт неопределенно кивнул головой. У него был великолепный обычай, создавший прекрасную товарищескую атмосферу на судне — не вмешиваться в распоряжения капитана там, где дело касается ледокола. Опершись об реллинги, он задумчиво продолжал глядеть на грязные волны, перемешанные с песком — результат еще большого влияния Северной Двины на Белое море.

И вдруг — скрежет, сильное царапание киля корабля о грунт.

— Ну, вот, пузом поползли по песку, — стрелой летя по палубе, бросает боцман Загорский, — а всё от того, что рановато пошли — воды не дождались...

Ледокол окончательно заклинило. В ожесточении работая винтом, разбрасывая потоки пены и мути, силился «Сибиряков» переменными, то задними, то передними ходами сползти на чистую воду и — безрезультатно. Мы крепко ввязли в песчаную банку.

Это первое, по существу пустяковое происшествие у самого выхода в море, в преддверии огромной экспедиции, как-то неприятно, болезненно резануло по сердцу.

— Ну, вот, если здесь, в Белом море, еще далеко от

самых тяжелых этапов пути начинаются несчастья, то что же нас ждет впереди?

Не унывал только капитан.

— Это хорошо, — неожиданно заявил он, — значит в дальнейшем нам повезет...

Владимир Иванович — старый помор по происхождению, связавший свою жизнь с бурным и капризным морем, весь полон старинных примет, суеверий и дедовских предрассудков. Для него эта первая задержка, через час, когда прибыла вода, закончившаяся вполне благополучно,—своеобразный симптом дальнейшего благополучия. Не будем его агитировать. Не будем убеждать в недостаточной обоснованности его примет, ибо он все равно не поверит. Важно лишь то, что от этого пустяка настроение у Ворснина повысилось глаза заблестели, и громко, раскатисто загремел голос, отдающий приказания экипажу:

— Полный вперед...

— Ну, что, — издевается неугомонный художник Канторович, — «Северный комсомолец»-то был прав. Верно, ведь, — тише едешь — дальше будешь.

Утро встало свежее, солнечное. Белое море — как зеркало, — покойное, жирное, нехотя катит чуть видные ленивые волны, с блестящей дорожкой расплавленного золота — солнца. Мы идем вдоль восточного берега, мимо зеленой хвои лесов, мимо крошечных рыбачьих деревушек поморов, а затем, взяв направление на запад — отходим к Кольскому полуострову — к холмистому, изрезанному морем берегу, с белыми башнями маяков-автоматов, заряжающихся сразу на полгода. В устье извилистой речонки, по краям которой белыми пятнами лежит прошлогодний нерастаявший снег, — небольшое рыбацкое селение — Поной. На берегу сушатся сети, а бабы, задрав подолы, с ожесточением выколачивают белье.

— Эх, и семга здесь, ребята, — смакует штурман Марков, — любительская, жирная и розовая...

Вокруг ледокола, медленно покачиваясь на волнах, плывет огромный мачтовый лес, унесенный течением с лесобирж. Тысячи драгоценных стандартов ежегодно пропадают у республики, благодаря халатности и невнимательности сплавных организаций.

— Ведь золото плывет, — обижается кочегар Бабич, — и никто не смотрит. Сволочи...

Появились огромные дельфины. Целые стаи медленно кувыркались у самого борта ледокола. Капитан утверждает, что они здесь много крупнее, чем в Черном море, и охота на них более выгодна.

Жизнь на «Сибирякове» стала входить в свою обычную будничную колею. Регулярно под мерные и тусклые звуки склянок, через каждые 4 часа сменялись вахты штурманов, рулевых и матросов. Время от времени на палубу вылезали черные от угольной пыли, с блестящими белками глаз и ярко-красными губами кочегары — вытереть сеткой потное лицо, с наслаждением подставляя свежему ветерку жадно открытые рты.

Боцман Загорский как всегда — за работой. У него какой-то трудовой зуд в крепких мозолистых руках. Руки тянут его, не дают стоять на месте, беспрерывно ищут работы. Уж, думается, все в порядке, все на месте, надраено до блеска, вычищено и покрашено. А смотришь, — он сидит где-нибудь в углу, у люка в трюм и связывает концы толстых канатов или оттачивает и без того острый топор.

— А кто знает, может они и понадобятся, — не прекращая работы, спокойно отвечает он на вопросы любопытных, — в походе все должно быть на-чеку.

И действительно, у такого блестящего хозяина, как боцман Загорский, весь инвентарь был строго на месте. В нужный момент не надо было долго искать какой-нибудь тросс или гайку, беспомощно бегать по палубе и тыркаться по углам. Медленно, вперевалочку, растопыренной морской походкой — подойдет он к железной двери кладовой, звякнет связкой ключей и скажет:

— Чего носишься, как угорелый, скажи — и дам. Тут у меня все запасено, всякой мелочи для любого дела...

Знакомимся, приглядываемся друг к другу. Ведь все мы из разных концов необъятной республики, с разными специальностями, образованием, культурой, но всех нас спаяла одна желанная мысль, упорная цель выполнить, выполнить во что бы то ни стало задание партии и правительства.

Кто эти люди? Что у них там внутри, под внешней вывеской — кочегар, ученый и штурман? Кто знает, сколько дней нам придется вместе работать, а вдруг и... нет, до зи-

мовки наш коллектив не допустит. Если придется — последние силы положим, но вылезем на чистую воду.

Арктика — хорошая школа, но вместе с тем и прекрасная лаборатория для испытания характера человека.

Вот кинорежиссер В. Шнейдеров — он с пафосом публично заявляет о том, что, если бы случилось несчастье, если бы нам все же пришлось зимовать, то он ни за что не покинет судно, если даже представится такая возможность, и останется вместе с командой нести все лишения и трудности. Но он заявляет сейчас, когда все трудности впереди, когда мы идем чистой водой, с бесконечными радужными перспективами впереди. А что скажет Владимир Шнейдеров, когда у нас не будет другого исхода, как зимовать, когда черная полярная ночь станет перед нами во всей своей страшной действительности? Каков был настоящий ответ режиссера — мы узнаем впоследствии. А сейчас, сейчас, право, хочется верить, что все — как один, что трудности нас не пугают, и что, конечно, от них никто не сбежит.

Нашу «коробку», как обычно называют моряки свое судно, населяли 70 жителей — специалистов на все руки. Вот белобрысый молодой и веселый матрос — Паша Сизых; толсторожий, широкоплечий крепыш, брызжущий невероятным здоровьем, матрос-черноморец, буфетчик Саша Лесков; неоднократно плававший в Арктику кочегар Московский; гигант-моряк Шишкин — специалист по эхолоту — прибору, определяющему глубину, по прозвищу «Марат»; писатель и славный мастер «Натальи Тарповой» — Сергей Семенов; охотовед Белопольский; геолог Влодавец; неутомимый весельчак художник Решетников; абхазец — охотник Чачба — волею судьбы занесенный со знойного юга в арктические просторы, и женщина — единственная женщина на ледоколе — метеоролог Ирина Леонидовна Русинова.

Тот факт, что среди 70 мужчин должна была плыть женщина — нисколько не смущал проф. О. Ю. Шмидта перед отправлением в экспедицию. На этот счет у уважаемого профессора существует особое мнение. Он сейчас, например, ставит вопрос о том, чтобы не только в кратковременных походах в Арктику, но и на постоянную работу на радиостанции посылать семейных зимовщиков.

— Арктику надо колонизировать по-настоящему. А потому — дорогу женщине на Север, — говорит он.

История советских полярных исследований знает случаи, когда научная работница Нина Демме в 1930 г. одна зимовала среди 10 мужчин на Земле Франца Иосифа, а в 1932 г. уехала начальником на Землю Северную.

Ирина Леонидовна Русинова, хотя и молода, но старая и опытная полярница. В 1921—22 гг., в самые тяжелые годы, когда снабжение зимовщиков продовольствием было плохое, еще совсем подростком она зимовала на Новой Земле, в Малых Кармакулах — одна среди пограничников.

— Снабдили меня ужасно,— вспоминает она.— Дали немного крупы пшенной, муки и чуть сахару. Вот с такими-то запасами я и отправилась на зимовку. Надо сказать, что в тот год, когда я поехала, с Новой Земли привезли в Архангельск 30 цынжалых промышленников-зверобоев — людей опытных, бывалых, умеющих приспосабливаться к любой обстановке. Да и метеоролог, которого я приехала сменить, тоже умер от цынги. Вам понятно, в каком настроении я вступила на Новую Землю. В Ленинграде, как потом стало известно, на мне прямо поставили крест. В учреждении, которое меня командировало на Север, начались скандалы: «Кто мог отправить в такие условия, на верную смерть неопытную девочку?» Но несмотря на то, что пережить мне пришлось многое, что горя видала я бездну, зимовка окончилась благополучно, и вот почему: просмотрев свои запасы, я убедилась, что я ими не проживу и что непременно подцеплю цынгу. Тогда я стала присматриваться к самоедам-ненцам, чем они питаются. И увидала, что основной их пищей служит медведь, тюлени, чайки и кайры. И вот, плюнув на предрассудки, я стала есть сырое мясо, пить теплую кровь медведя, словом, во всем подражать аборигенам Новой Земли. В этом и оказалось все мое спасение от совершенно явной гибели.

Вот какая у нас была женщина на ледоколе — человек, прошедший суровую школу жизни, не страшащийся опасности, трудностей, прекрасный товарищ, точный и пунктуальный работник в своей области. На «Сибирякове» она не только метеоролог, но и геофизик и магнитолог,— словом, человек разнообразнейших профессий, неоценимый для нашего ответственного рейса.

На полубаке, в узком загоне коров и свиней — непрерывные ссоры, отчаянный визг и драки. Свиньи топчутся под ногами коров и, видимо, сильно надоедают. В отместку за это следует удар в бок рогами и копытом. Машинист, по прозвищу «гидра», залихватский парень, песенник, куплетист, сердцеед и ловелас, у которого, по его словам, в каждом порту по запасной жене — Иван Макаров — с рыжей фламандской бородкой, в восторге наблюдает за дракой, не пытаясь ее остановить.

— Пусть их калечат друг друга,— равнодушно говорит он,— авось скорее на камбуз попадут к повару...

«Гидрой» он именуется вот за какой рассказ.

— Уезжаю я в экспедицию,— говорит он,— и заявляю своей матери: есть у меня собака — немецкая овчарка — это — мой лучший друг. Смотри, чтобы была в порядке и сохранности, ты отвечаешь за нее, гидра. Вот мамаша за ней и следит. А своей приме-балерине, ну, значит, жене, я такую ценность, как собака, так не доверил.

Макаров любит показать себя старым, видавшим виды моряком. Он-де с морем сжился и на него ему наплевать. Что же касается старшего механика, то он, Макаров, лучше его знает свою работу и вообще он — главный авторитет на ледоколе. Но команда его очень быстро раскусила.

— Работать он здоров — это верно, а вот язык ему подвесили — это зря,— заявляли матросы.

Макаров был нервным и вспыльчивым. Чуть заварится буза или склока из-за какой-нибудь мелочи, как он уже тут. Но все это ему прощалось за хорошую и честную работу, где он показывал действительные примеры ударничества.

Нижние помещения кают стали принимать вид жилых помещений. На стенках развесили карты, портреты вождей, полярных исследователей. А киногруппа даже хвастается красным интимным светом. Откуда-то вдруг появились домашние животные—у третьего механика — желтый облезлый щенок и три кошки, подобранных, как оказалось, матросами в день выхода из Архангельска у пивной.

— На биче (безработные) они были, голодные,— говорит Паша Сизых,— вот мы и взяли их на пловучий санаторий поправляться.

Собака и кошка на судне — это объекты любви и внимания всей экспедиции. Там, на Большой Земле какой-ни-

будь драный котенок, конечно, не имел бы доли внимания и заботы, какие он получает на судне. С ним нянчатся, обкармливают, укладывают с собой спать в постель, словом, на маленькое пушистое создание переносят всю накопившуюся за долгое время плавания любовь и нежность.

— Связь уже налажена,— улыбается радист Е. Н. Гиршевич,— маленький, крепкий человек — непременный участник всех крупнейших полярных экспедиций, зимовавший на Мурманском берегу, на радиостанции Йоконьга. Он — исключительный труженик, вечно возящийся с капризной радиоаппаратурой, болеющий душой за малейшие неполадки или неожиданно прервавшуюся связь с берегом.

— Якутская республика шлет пламенный привет героическим исследователям Арктики, несущим советскую культуру и индустриализацию для отдаленных окраин Союза. Желаем удачного пути к устью р. Лены. Якутпредство.

Якутская республика, по площади равная Англии, Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Швеции, Норвегии, Испании и Греции, взятых вместе, раскинулась на 3.827.613 кв. километров. Якуты прекрасно понимают, какие блестящие перспективы сулит наш поход, если он окончится благополучно, без «вдруг», в одну навигацию. «Сибиряков» должен открыть ворота в Европу Якутской республике — дать выход на запад ценнейшей пушнине, сырью, ископаемым и лесу.

В нижней кают-компании произошло первое общее собрание экипажа. Избран судком и две комиссии — культурно-бытовая и хозяйственная. Общественная инициатива звонким ключом забурлила на пловучем островке Советов.

К вечеру исчезла неприветливая серая тундра Кольского полуострова, с белыми пятнами нерастаявшего снега. Земли больше нет. Кругом, куда ни взглянешь — вода, вода и начинающие слегка увеличиваться в своих размерах изумрудно-зеленые волны.

— Скоро пересекаем Полярный круг,— шепчет писатель Семенов,— пора уже начинать представление...

Этот спектакль подготовлялся уже несколько дней. Главного актера, вернее жертву инсценировки, подрывника Малера, несмотря на свои взрывные таланты, весьма трусливого, ребята давно убедили в том, что на море, якобы, существует традиция — каждого, кто впервые переплывает

Полярный круг, купать в воде, заставлять принимать ледяную ванну. Малер, вначале подозрительно относившийся к этим рассказам, вскоре принужден был поверить, получив подтверждение начальника экспедиции.

С шумовым оркестром впереди двинулась процессия к каюте спавшего Малера, неся длинный канат, на котором его якобы должны были протащить под килем ледокола. От нéистовых звуков сковородок и свиста подрывник как ужаленный вскочил с койки, ничего непонимающими глазами глядя на хохочущую банду. Его торжественно подхватили под руки, накинули канат на шею и выволокли на палубу.

Было холодновато. Солнце уже спрятало свои теплые лучи за горизонт, а вода — ледяная, зеленая. Трясущийся Малер испуганно посмотрел вниз за́ борт, рисуя себе предстоящую заманчивую перспективу. В самую последнюю минуту, когда его под дружный хохот толкали за реллинги, на момент к нему вернулось сознание: уж не разыгрывают ли его? Но только на момент, ибо в следующую секунду важной, степенной походкой подошел О. Ю. Шмидт и торжественным голосом заявил о необходимости подчиниться «тысячелетней традиции».

Делать было нечего. Малер глубоко вздохнул, скосил глаза на мрачные холодные воды, безнадежно махнул рукой и торопливо стал перелезать через реллинги—до того его убедил Шмидт своим искренним и серьезным тоном. Пришлось срочно спасать положение,—не бросать же, правда человека за борт. Взяв ведро соленой воды, Шмидт побрызгал Малеру на голову, заявив, что он его пожалел и купание на сей раз отменяется. Веселье было огромное. Тут же на палубе открылись кавказские пляски. И лишь много дней спустя Малер узнал, что он был жертвой мистификации.

Ночью, в густом молоке тумана, где-то недалеко от нас прошмыгнул ледокол «Малыгин», возвращавшийся с первого рейса на Землю Франца Иосифа. Так и не пришлось «Сибирякову» перекинуться приветственными сигналами со своим ледовым собратом.

Утро встретило свежей погодой, тяжелыми серыми облаками, синими волнами с гребнями белоснежных барашков. Горло Белого моря было уже позади. Из-за тяжелых туч изредка выглядывало солнце, оставляя светлые полянки на темной взъерошенной ветром поверхности воды. Резкие

шквалистые порывы нордового ветра поднимали целые каскады ажурной пены.

К полудню волна стала сильнее. Широкая гладь моря расчертилась седыми морщинами волн. Ледокол зашатало. Началась килевая качка. Баренцово море раскидывал шторм, правда, не сильный, всего на пять баллов.

«Проклятое море» — так прозвали норвежские викинги море Баренца. И оно с честью оправдывало свою нехорошую кличку. Тысячи жертв приняло «проклятое море» в свои ледяные объятия. Целые флотилии лодок бесстрашных поморов нашли свой вечный причал на его илистом дне.

Пришлось задраить иллюминаторы — единственную возможность получить свежий воздух в каюту. Стало душно, жарко и неуютно.

К 12-ти часам переменили курс, взяв направление к Новой Земле, к проливу Маточкина Шара, а к 4-м часам дня прошли траверс Каниной Земли, острова Колгуев и Вайгач. На полных парах, развивая скорость 11 узлов в час, мчится «Сибиряков» к «Холодной Матке», как прозвали поморы Новую Землю.

Вечером д-ру Л. Ф. Лимчеру впервые пришлось демонстрировать свое искусство. У одного из матросов на руке образовалась флегмона, которую он тщательно скрывал до выхода из Архангельска, боясь, что его спишут с ледокола. В результате — рука раздулась, посинела, так что пришлось ее срочно разрезать.

— Пусть режет, как хочет,— равнодушно заявил матрос, — только бы не болела, а то сил моих нет.

Мне пришлось быть лекпомом. Я видел, как без замораживания доктор исполосовал всю руку матроса, копался в мышцах, очищая от гноя. Но не было стона,— ни звука. Стиснув зубы, побелев, как полотно, и закрыв глаза, он мужественно переносил все страдания.

— Ну, с таким не пропадем,— вытирая инструмент, заявил доктор Лимчер. — Я вижу, ребята попались с характером.

— Отто Юльевич,— вбегает в каюту радист Э. Т. Кренкель,— начальник Карской экспедиции М. И. Шевелев желает с вами говорить.

Неутомимый весельчак, судовой наркомпочтель Э. Т. Кренкель — любимец всего экипажа. Это — старый, опыт-

ный полярник, с многолетним стажем, несколько раз зимовавший на Новой Земле, летавший на дирижабле «Граф Цеппелин» в Арктику, колонист первой и самой северной в мире зимовки на Земле Франца Иосифа.

И вот здесь-то на этом далеком отрезке материка, в глубокую полярную ночь, с Кренкелем произошел случай, выдвинувший его в ряды лучших радистов мира. О нем писала иностранная пресса. Его смеющуюся физиономию помещали на обложках шикарных иллюстрированных журналов. Однажды в глухую полночь Кренкель, договорившись с каким-то иностранцем о времени будущего разговора, уже хотел снять наушники, как вдруг услышал тонкий писк работы радиоаппарата, находившегося, повидимому, где-то очень далеко. Он попробовал к нему пристроиться,— удалось. И вот из туманной дали прилетел запрос по-английски:

— На каком языке вы можете объясняться?

Кренкель ответил, что лучше всего на немецком. И тогда до маленькой радиостанции на Земле Франца Иосифа долетели слова, произведшие целую сенсацию:

— С вами говорит радист полярной экспедиции американца Бэрда, находящегося у Южного полюса. А кто мой собеседник?

— Ваш собеседник — радист советской правительственной радиостанции на Земле Франца Иосифа, у Северного полюса.

В работе радио произошла заминка. Видимо, оба радиста обалдели от радости. Ведь только подумать: Северный полюс разговаривает с Южным. Побит мировой рекорд дальности передачи.

На верхней палубе, меж двух спасательных шлюпок скромно прилепилась маленькая белая квадратная коробочка — судовая радиостанция. Длинная стрела антенны, соединив верхушки обеих мачт, летит вниз на плоскую крышу, где встречается с блестящим квадратом радиопеллингатора — прибора, с помощью которого ледокол в море, во льдах и тумане определяет свое местонахождение.

Радиостанция—это неотъемлемый спутник всех советских полярных экспедиций. А ведь не так давно были такие возмутительные случаи, как, например, с экспедицией Георгия Седова, которому военное министерство накануне выхода

в море запретило установку радио и тем самым обрекло ее на мучительное, полное лишений странствование. Весь путь исследования беспредельных просторов Арктики усеян трупами отважных исследователей. А ведь большинство из них можно было бы спасти, будь их корабли снабжены радиоустановками.

В Советском Союзе таких случаев не бывает, ибо у нас радиоаппарат в тесном контакте с работой ледокола. И в самые тяжелые минуты, перед лицом опасности, мы всегда чувствовали, что мы не одни, что маленький аппарат не выдаст и сообщит далекой республике о нашем горе и радостях. И эта уверенность в силу и возможности радио поддерживала бодрый дух, заставляла спокойнее относиться к создавшемуся, порою безвыходному положению.

Вот сюда, в эту маленькую коробочку, шатаясь, точно пьяные, какой-то растопыренной отяжелевшей походкой, в штормы пробирались матросы, чтобы сунуть в руки радистам Кренкелю или Гиршевичу листок засаленной бумаги с длинными, нелепыми каракулями.

— Пошли, пожалуйста,—говорили они,—когда связь наладите,— матери пишу.

Резким движением Кренкель включил динамо, и комната наполнилась четким гудением, размеренным дыханием сердца радиостанции.

— Алло, алло, ледокол «Ленин», ледокол «Ленин», говорит «Сибиряков», говорит «Сибиряков», настраивайтесь, настраивайтесь, трубку берет начальник экспедиции профессор Шмидт. Слушайте, слушайте!

— Добрый вечер, Марк Иванович,— низким отчетливым басом начинает начальник,— где вы находитесь, как ваши успехи? Сообщите, что ждет нас в Карском море и где находится угольный транспорт, норвежец «Вагланд», который нам должен подбросить угля?

Шмидт говорит по радиотелефону,— детищу прекрасной идеи, пришедшей кому-то в голову. Он сидит, развалясь на мягком диване, словно у себя в кабинете, и разговаривает не в море Баренца, с ледоколом, находящимся от нас за сотни миль, а так, со знакомым из соседнего дома.

Навстречу к нам летят замысловатые точки, тире, которые тут же быстро расшифровывает Кренкель, точно читает хорошую книгу на своем родном языке. Радиотелефон на

«Ленине» не работает, а то бы оба начальника могли разговаривать полными голосами.

— Привет вашей кают-компании от нашей,—строчат точки, тире трафаретную любезность всех моряков. «Ленин» стоит на якоре у восточного берега Маточкина Шара, в Белужьей губе. Здесь же и ваш угольщик «Вагланд». Состояние льдов в Карском море тяжелое. Такой сильный ледокол, как «Ленин», не смог пройти проливом Югорского Шара. К востоку от Маточкина Шара, в море, непосредственно от берегов, начинается большая полоса ледяных полей, длиною до 150 миль, а в восточной части Карского моря — лед до 9 баллов...

Задумался Шмидт, опустил голову, машинально вычерчивает карандашом на столе замысловатые фигуры. Ясно, что впереди немалые трудности, которые придется преодолеть ледоколу. Лед 9 баллов — это значит — сплошной снежный покров, почти без полыней и разводьев.

— Я думаю, — нарушает тишину проф. В. Ю. Визе, — что это большой ледяной язык, спустившийся с севера, который в течение лета волны изгложат.

В течение лета, — а сейчас ведь только весна. «Сибирякову» от этого нисколько не легче. Вот был бы с нами Иванов с самолетом. Одна-две ледовых разведки — и картина была бы ясна. Уж сверху-то он наверное бы нашел ту желанную лазейку во льду, которая бы нас вывела в чистую воду, к острову Диксон. Это дало бы нам огромную экономию в угле, а главное — во времени.

Но на Иванова рассчитывать безнадежно. Мы только что получили от него сообщение, что мотор ему сумели доставить к месту аварии. Значит, необходимо еще время на установку, испытания и перелет до Новой Земли.

— Ну, как же, капитан,— пойдем ли мы проливом Маточкина Шара или будем избирать другой путь?

Серые глаза Шмидта устремляются на Воронина. В них только один ответ, один из возможных. И капитан его понимает.

— Конечно, итти, Отто Юльевич, эти льды мы раскрошим. Не с такими еще придется бороться старику-ледоколу.

Вопрос был решен по-деловому, без прений. Всем было ясно, что другого выхода нет, ибо Югорский Шар, по зая-

влению Шевелева, забит льдом в то время, как Маточкин Шар — свободен.

— Надо сказать, чтобы кочегары поднажали,— засуетился капитан, точно впервые вспомнил о судне,— итти, так итти...

31 июля под мерные звуки склянок «Сибиряков» проходил траверс Новой Земли. Вдоль правого борта бесконечной извилистой лентой тянулись припухлости Гусиной Земли — черные, мрачные скалы, безлюдный, пустынный и голый берег. Издали видно, как волны, с ожесточением набегая, грызут бурый гранит, рассыпая узорчатое кружево пены.

Крошечный Сакс — второй штурман на ледоколе — совершенно пропал за поднятым от ветра парусиновым тентом капитанского мостика. Сегодня в его вахту ледокол должен пройти в узкий извилистый пролив Маточкина Шара. Лишь изредка за стеклом крайнего окошка появляется его нахмуренное лицо и огромные развесистые рыжие усы, чтобы взглянуть, что впереди ледокола.

Попрежнему мечутся неумные волны. Ветер подхватывает их на-лету и тысячью искрящихся брызг, сверкающих капель щедро разбрасывает по сторонам. Появились первые предвестники близкой земли — белогрудые кайры и люрики. Подпуская совсем близко к себе ледокол, они вдруг, словно спохватившись, торопливо хлопают крыльями и, как гидросамолеты, стелясь и скользя над водой, медленно и тяжело отрываются в воздух. Появились и глупыши-буревестники — солидные мрачные птицы, с хищными желтыми глазами. Легко и красиво планируя над водой, они молча летали вокруг, выискивая в зеленой мути чуть видные силуэты добычи.

У ВОРОТ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ПУТИ

Новая Земля, разделенная проливом Маточкина Шара (шар — по-самоедски — пролив), растянулась на тысячу длинных километров. На целых 7 град. вытянулся огромный осколок материка, разделяя Полярное море на европейскую и азиатскую части.

Медленно, но неуклонно растет и ширится, увеличивается

в своих размерах Новая Земля, вследствие тысячелетнего поднятия морского дна. Земля выходит из воды — это можно наблюдать даже на огромных вершинах старых гор, где обнаруживают эрратические валуны различных горных пород, не встречающихся на этой земле, присутствие которых можно объяснить лишь приносом ледяными полями. Помимо того, ярким доказательством постепенного поднятия Новой Земли служит тот факт, что в 1594 г. полуостров Адмиралтейства считался островом.

Огромную и полезную работу выполняет Новая Земля человечеству: гигантский остров является барьером ледяным полям, бесконечными массами напирающими с районов полюса на юг, давая возможность теплому течению Гольфштрема согревать восточную часть моря Баренца и делать ее судоходной в течение всей навигации.

Для Советского Союза Новая Земля — это ворота к устьям великих сибирских рек, дорога, которой много веков пытались овладеть сотни отважных исследователей,— это первый этап Северо-Восточного Морского Пути.

Сотни лет тому назад Новая Земля, как и Шпицберген, была открыта беломорскими поморами. Множество крестов, установленных на берегах, остатки древних поселений и промысловых становищ свидетельствуют о большой инициативе поморов, плававших на крошечных парусных ботах с риском для жизни на эти угрюмые берега.

В 1700-х годах были произведены первые попытки изучить Новую Землю в научном отношении. Основной причиной этому был разнесшийся по России слух о том, что недра островов таят в себе неисчерпаемые богатства серебра.

Под командой штурмана Розмыслова, в 1768 г. отправилась первая научно-исследовательская экспедиция с заданием «осмотреть в тонкости, нет ли на Новой Земле каких руд и минералов, отличных и неординарных камней, хрусталя и иных каких курьезных вещей, соляных озер и т. п., и каких особливых ключей и вод, жемчужных раковин и какие звери и птицы и в тамошних водах морские животные водятся, деревья и травы отменные и неординарные и т. п. всякого рода любопытства достойных вещей и произращений натуральных».

Трехмачтовое судно, которое было дано в распоряжение

Розмыслова, оказалось старой, дырявой калошей, давшей течь еще в море Баренца. Впоследствии это судно доставило экспедиции много хлопот и труда по починке. В результате его пришлось бросить, и экспедиция добиралась до Архангельска на случайно подвернувшемся промысловом судне.

Задавшись целью сделать точную опись пролива Маточкина Шара, Розмыслов в Карское море не пошел и зазимовал в бухте Тюленьей. Полярная ночь проходила в очень тяжелых условиях. С осени появилась цынга, вырвавшая несколько человек из состава экипажа. Попытка на следующий год пройти в Карское море из-за ужасного состояния судна, кое-как замазанного глиной и зашитого досками, а также из-за тяжелых льдов, окончилась неудачей. Но, несмотря на это, экспедиция Розмыслова, характерная уже тем, что она была первой научной экспедицией, произвела прекрасную съемку Маточкина Шара, собрала много материалов о природе неизвестного острова и регулярно вела метеорологические наблюдения.

Вслед за Розмысловым целый ряд полярных исследователей — Лудлов, Литке, Пахтусов, Циволка, Русанов, Седов, совместно с участником похода «Сибирякова» проф. В. Ю. Визе подробно изучал Новую Землю, но все же до сих пор хорошо известен только Южный остров. Северный же и в особенности — Карская сторона пока представляют собою тайну для науки. Известно лишь, что Новая Земля принадлежит к гористым островам, при чем эти горы вместе с недалеко расположенным островом Вайгач составляют по своему геологическому строению продолжение Уральской горной цепи Пай-Хоя, при чем высота хребтов достигает 3-4 тыс. футов.

После Октябрьской революции интенсивное исследование Новой Земли производилось Институтом по изучению Севера. Под руководством проф. Р. Л. Самойловича было организовано 6 экспедиций, имевших целью всестороннее изучение этого двойного острова. Во время походов были определены астрономические пункты, сделаны опись и карты многих непосещенных до этого времени бухт и изучено геологическое строение берегов Новой Земли. На восточном берегу были открыты три новых залива, весьма удобных для стоянки судов и интересных в промысловом отно-

шении. Этим заливам были присвоены имена трех известных полярных исследователей — Седова, Русанова и Неупокоева.

В 1927 г., желая подробно изучить район Русской Гавани, Р. Л. Самойлович на небольшой шлюпке отправился от островов Баренца на северо-восток. В густой туман ориентируясь по компасу, осторожно пробираясь вдоль берегов, Самойлович зашел в обширный залив, закрытый сильно выдающимся в море мысом. Местность казалась совершенно необитаемой и никогда не посещавшейся человеком. Каково же было изумление путешественников, когда они обнаружили на небольшом скалистом острове огромный, в два человеческих роста староверский крест и на нем полуистлевшую от времени и изглоданную дикими ветрами надпись:

«Сей крест воздвигли жители Сумского посада, промышленники Кошиков, Тенин и Степан Борисов со товарищи. 1842 г. август. На острове Богатом, бывшем Баренца».

В те далекие времена, когда у берегов Новой Земли появились первые исследователи, постоянных жителей островов не было. Некто Крестинин, составивший в 1789 г. первое описание Новой Земли, утверждал, что «на Новой Земле завсегда жительствуют люди, но токмо с той разницею от других человеческих селений, что здесь никто не утвердил и утвердить, кажется, никто собственною волею не захочет постоянное себе жилище. Все жители сей земли суть пришельцы-мореплаватели и звероловцы, стекающиеся с тем намерением, дабы препроводить в новоземельском звероловстве время, несколько более или менее года и потом с желаемою добычею возвратиться восвояси».

Таким образом, первыми жителями Новой Земли были промышленники-зверобои, приезжавшие сюда на охоту и затем неизменно возвращавшиеся к себе на родину. Впрочем, иногда сюда, в неприглядные края заносило людей, покидавших Россию из-за политических и религиозных разногласий, как-то новогородская семья Строгановых, впоследствии здесь погибшая, старообрядцы и т. д. Первым же коренным жителем Новой Земли, насколько известно истории, был самоед-ненец Фома Вылка, приехавший сюда в 1869 г. на лодке из Большеземельской тундры.

В 1877 г. в становище Малых Кармакулах была сооружена спасательная станция для оказания помощи и ночлега

зверобоям при авариях. Но это была только одна из причин, заставившая царское правительство заботиться о своих окраинах. Основное, что тревожило правителей — это настойчивые претензии норвежцев на Новую Землю, фактически полновластно хозяйничавших здесь, ведших весьма выгодную меновую торговлю и выкачивавших ценный песцовый мех у населения. Правительство поняло, что при дальнейшей безразличной политике по отношению к Новой Земле оно рискует потерять острова, как это уже случилось позднее со Шпицбергеном.

Но лишь при советской власти окончательно удалось положить конец империалистическим тенденциям норвежцев, когда в 1923 г. была открыта правительственная радиостанция в проливе Маточкина Шара.

На всей огромной территории Новой Земли живут около 200 ненцев и русских промышленников, при чем жилища их не разбросаны по обоим островам, а сосредоточены на южном острове Земли, в нескольких промысловых становищах: Белужьей губе, Малых Кармакулах, Крестовой губе, Маточкином Шаре, становище Русанова и т. д.

Этот метод расселения богатого зверем и рыбой края нельзя признать правильным. Более приемлемым был бы, пожалуй, норвежский способ расселения — не становищами, как на Новой Земле, а по 2—3 человека, но с тем, чтобы обслужить все огромное побережье. Но этот метод зато дает широкую возможность организации артельного труда.

В большевистском становище Белужьей губе, например, где открыта школа-интернат на 18 ребят, все промышленники объединены в промысловую артель с обобществленным инвентарем. Здесь работают курсы мотористов, подготовляющих кадры рыболовному и зверобойному катерному флоту.

В каждом становище сейчас существуют советы и избраны уполномоченные островного совета. Словом, забитый царской опричниной прежний туземец — теперь уже полновластный опытный хозяин своей холодной, неприветливой, но горячо любимой страны.

Настоящий абориген Новой Земли — это ненец (самоед). В далекие времена за Полярным кругом, в Большеземельской, Канинской, Тиманской тундрах, на Новой Зем-

ле, о. Вайгаче и Колгуеве жили лопари. Они называли себя «само», а землю, на которой обитали — «само-едне». Поэтому-то в те времена вся земля у берегов Ледовитого океана называлась самоедной, а жители — самоедами. Сами же самоеды называют себя ненцами, что в переводе «человек».

Основной промысел жителя Новой Земли — это песец, являющийся важнейшим объектом охоты, тюлень, белуха и водоплавающая дичь. В 1930 г., в одной только Белужьей губе было поймано 540 хвостов (песцов), а по всей Новой Земле добыто 3000 первосортных экспортных шкурок.

Охота на песцов производится при помощи железных капканов на подман — кусок соленого гольца. Капканы ставят в особо-излюбленные песцами места, отвечающие некоторым определенным требованиям (место должно быть хорошо защищено от снежных заносов, сугробов и т. д.). Вся удача охоты целиков зависит от опытности, умения и подвижности промышленника, не ленящегося даже в бураны объезжать на собаках места, где поставлены капканы, для их проверки и перезарядки. Обычно район действия одного промышленника занимает площадь более 100 клм. Теперь понятно, какие отчаянные трудности он должен преодолевать при переездах, ночуя в снегу, замерзая в метели.

Собака промышленника — это его первый друг и помощник. Бессобачные охотники обычно не имеют хорошего промысла. Четвероногих помощников обычно доставляют из Архангельска, где их просто-напросто ловят на улицах. Часть животных, не выдерживая сурового новоземельского климата — гибнет, а часть за зиму обрастает густой, предохраняющей от лютых морозов шерстью.

Весьма интересна та дисциплина, которая установлена среди собак. Зимой им под страхом смерти запрещено отходить от жилья, и, несмотря на то, что выученная для езды собака оценивается на Новой Земле в 2—3 песца, хороший промышленник, заметив ее отлучку от избы, непременно застрелит, рискуя иначе находить в капканах обглоданные кости песцов.

Развитие песцового промысла тесно связано с существованием на Новой Земле маленькой мышки — леммин-га, которым песец обычно питается. В северной части Но-

вой Земли только потому и нет песцов, что там не водится лемминг. Таким образом количество песцов в данной местности находится в прямой зависимости от количества леммингов. Бывают годы, когда песцовый промысел дает огромные доходы. Это случается тогда, когда с осени появляется оттепель и вдруг внезапно ударяет мороз, покрывающий поверхность земли толстой и крепкой коркой льда. В такие годы лемминг не имеет возможности выйти из своих норок на поверхность земли, и песец, оставшись без корма, охотно идет на приваду, попадая в огромных количествах в капканы.

Морской заяц, гренландский тюлень и нерпа, в изобилии встречающиеся у берегов Новой Земли, являются, кроме песцов, основным видом промысла. В большом количестве распространены гуси, летающие стадами в 200—400 штук. В средине июля, когда у гусей происходит линька, промышленники собираются всем становищем и производят безобразное истребление совершенно беззащитных птиц, не могущих в это время года летать. Все селение устремляется на лодках в глубокие заливы, в которых обычно собираются линяющие гуси, подгоняет их к крутым неприступным берегам и затем зверски убивает палками. В такие облавы истребляется масса птиц. Теперь уже ближайшие к становищам районы совершенно опустошены, и промышленникам приходится ездить на охоту за 15—20 километров от жилья.

Следует еще остановиться на гагачьем промысле, имеющем общегосударственное значение. Как известно, гагачий пух является чрезвычайно ценным продуктом. Казалось бы, что следовало предпринять все меры к тому, чтобы дать возможность прилетающим на Новую Землю гагам спокойно гнездиться и добровольно отдавать свой ценный пух, которым самки, выщипав из грудки, устилают гнезда при высиживании птенцов. Между тем гагачий промысел на Новой Земле стремительно падает, и недалеко то время, когда его постигнет участь Мурманских берегов, которые вследствие сильного истребления гаг совершенно перестали ими посещаться.

Происходит это следующим образом. Новоземельские охотники тщательно следят за началом кладки яиц, тем более, что в это время года (вторая половина мая) охота

на песца и морского зверя уже окончена, лов гольца — не начался и время у них свободно. Как только гаги начнут кладку, промышленники бросаются к гнездовьям, стараясь опередить друг друга. Они жестоко убивают совершенно беззащитных матерей, сидящих на гнездах, тем более, что они в этот период не очень пугливы, доверчивы, забирают яйца и нежный, еще теплый пух.

В результате такого недопустимого и безобразного хищничества гаги постепенно начинают исчезать. Между тем такой способ охоты, непосредственно в момент самого промысла даже невыгоден охотнику и вот почему.

В Норвегии, например, владелец или арендатор гагачьего гнездовья знает вперед, где гаги устроят свои гнезда, ибо в спокойной обстановке они из года в год прилетают на старые насиженные места. В момент кладки яиц владелец берет себе несколько штук, которые гага немедленно без ущерба для себя пополняет. В день выхода птенцов владелец вновь приходит на гнездовье, забирает пух и сносит, если гнездо находится далеко от воды, птенцов в воду, при чем гага спокойно следует за ним. В хороших культурных хозяйствах гаги оберегаются во время высиживания от хищников — соколов, полярных сов, крадущих яйца чаек. Им устраивают удобные, защищенные от нападения места для гнездовья. При таком культурном хозяйстве число гнездующих птиц в данном месте не только не уменьшается, но беспрерывно растет, при чем владелец имеет как бы вольный птичий двор, не требующий почти никаких затрат и приносящий огромный доход.

До империалистической войны 1 клг. очищенного гагачьего пуха стоил в Норвегии 25 руб., а один килограмм можно получить с 24 гнездовий. При правильном ведении гагачьего хозяйства Новая Земля могла бы дать тысячи килограммов гагачьего пуха. Одна только Южная Гренландия, где гагачий промысел даже не вполне налажен, вывозит ежегодно до 2 тыс. килограммов пуха. Таким образом Новая Земля при правильной эксплоатации могла бы дать своему населению доход в десятки тысяч рублей вместо десятков рублей, которые оно имеет в настоящее время. Словом, гагачий промысел — это тот вид промысла, о котором Госторгу следует хорошо подумать.

Постановлением островного совета на Новой Земле хищ-

ничеству положен конец. Промысла начинают хозяйственно оправляться. Организация артелей с обобществленными орудиями промысла дает мощные хозяйственно-экономические единицы. Намечается открытие новых становищ там, куда еще не ступала нога человека и где, таким образом, промысловые богатства никем и никогда не использовались. Предполагается заселение Карской стороны Северной части Новой Земли, создание собачьего питомника, который должен будет ликвидировать «собачий голод» и обеспечить промышленника наследственно-акклиматизированной породой.

Советское правительство вполне правильно держит курс на коренизацию населения. Новой Земле нужен такой промышленник, который не думает сорвать хороший куш и затем удрать на Большую Землю. Только при коллективном хозяйстве можно поставить промысла на должную высоту. Только мощным и крепким коллективам посильно приобретение современных усовершенствованных орудий охоты и лова.

Основная горная порода Новой Земли — это глинистый сланец, которого особенно много обнаружено на Карской стороне. Но есть и полезные ископаемые — периты, мумия, мрамор, а в долине р. Тарасова найдены залежи железной руды и обнаружены признаки медной. В Крестовой губе еще в 1909 г. были найдены пласты четвертичного каменного угля—лигнита, не имеющего пока промышленного значения, но ясно указывающего на то, что и здесь можно натолкнуться на более мощные залежи высшего качества и хорошей калорийности. Ведь на Шпицбергене добывается же уголь превосходного качества, где СССР имеет крупную концессию. В южной части Новой Земли имеются торфяные залежи, которые могут получить немалое значение для нужд колонистов.

Острые хребты старых выветренных гор, с косыми полосами снега от вершин расчертили Новую Землю. Горы и отроги их кажутся ребрами какого-то исполинского чудовища. Пустынная голая земля, с часто попадающимися так называемыми реликовыми, остаточными озерами еще раз подтверждает медленное, но неуклонное поднятие земли от моря. Флора островов находится в весьма жалком состоянии. Пышных зеленых деревьев — столь обычных для се-

верной полосы республики — вы здесь не найдете. Лишь изредка где-нибудь притаился уродец — карликовая ива, едва достигающая высоты 4 дюймов, но вытянувшая свои корни на площади в несколько футов, да чахоточная ползучая березка. В долинах быстрых студеных ручьев можно встретить небольшие полянки, покрытые тощей травкой, лишайником и мхами, при чем часть последних, так называемый ягель—основное питание диких и ездовых оленей. В короткое пасмурное лето все же успевают распуститься цветы — голубые незабудки, снежный лютик и лимонно-желтый полярный мак. Вот каков ландшафт далекого отрезка материка. Все кругом хмуро, серо, в темных тонах, и даже выглянувшее из-за облаков солнце не веселит мрачную картину.

На огромных и отвесных скалах, так наз. птичьих базарах, гнездятся миллионы пернатых — чаек, буревестников, моевок, кайр, люриков, снежных луночек и т. д. В губе Безымянной, например, обнаружен птичий базар длиною более 7 клм. Дикий джаз-банд в воздухе, многоголосый хор день и ночь поет гимны теплу и солнцу. Целые тучи птиц носятся над скалами, с разлету бросаясь в море, ныряя за мелкой рыбешкой. На крошечных, едва заметных выступах, на самой круче, в расщелинах кайры и чайки устраивают себе гнезда, терпеливо высиживают на яйцах, тщательно оберегая их от покушений хищной пятнисто-белой полярной совы.

Основной причиной, задерживающей быструю колонизацию Новой Земли, является чрезвычайно суровый, резкий и непостоянный климат, несмотря на то, что холода не очень сильны из-за влияния теплого течения Гольфштрема, идущего вдоль всего западного побережья.

Бешеные штормы внезапно сменяются полнейшим штилем, густые туманы, совершенно аннулирующие всякую видимость, идут на смену кристально-чистому воздуху.

Но чем особенно славится Новая Земля — это гигантской силы леденящими ветрами, которые большей частью дуют зимой. Ураган, несущийся с моря, поднимает на воздух песок, мелкие камни, пробивая брезентовые палатки. В море образуются смерчи, с воронками воды в несколько сажен. Зимой, когда к дикому ветру присоединяется еще страшный мороз, приходится бросать всякие работы, свя-

занные с пребыванием на воздухе. На радиостанциях, где наблюдателям по долгу службы нужно выходить из здания для записи показателей приборов, приходится ползти задом, низко пригнувшись к земле, крепко держась за канат, протянутый от домов до метеобудок. В 1931 г. во время такой бури погиб наблюдатель радиостанции Маточкина Шара, которого бешеный ветер оторвал от каната и сбил с пути. А так как видимости из-за бурана не было никакой, то несчастный замерз, занесенный сугробом. Во время сооружения той же радиостанции, ледокол «Малыгин» два раза был сорван с якорей и унесен в Карское море, а между тем шторм был не особенно сильным.

Вот в какой тяжелой обстановке, в исключительно-трудных климатических условиях приходится работать зимовщикам на Новой Земле.

Для обслуживания карских экспедиций в 1931 г. была сооружена радиостанция на мысе Желания — самой северной оконечности Новой Земли. Но строительством научных радиостанций, организацией человеческих поселений еще далеко не изучена и не освоена Новая Земля, которая нам известна едва ли не на 50 проц. Отсюда — ближайшая задача научных и хозяйственных организаций — включить этот огромный осколок материка — ворота к устьям сибирских рек — в социалистическое строительство всей страны.

МАТОЧКИН ШАР

Темными громадами скал встретил «Сибирякова» пролив Маточкина Шара. Длинный (40 клм.), извилистый канал змеится между черных, спадающих в воду гор. Мрачные ветхие скалы казались гигантами перед маленьким, робко пробиравшимся ледоколом.

«Сибиряков» шел тихо и осторожно. Ширина пролива местами была едва 30 метров. Окруженные белым кружевом пены, на поверхность зеркальной воды выглядывали скользкие зеленые, зализанные прибоем рифы. Мертвая зыбь, так настойчиво преследовавшая нас на подступах к Новой Земле, совершенно исчезла. Но зато из открытой форточки пролива, с Карского моря, с упорной, настойчивой силой дует жуткий зюйд-ост.

Медленно, ощупью, пробирается «Сибиряков» между черными конусами отвесных гор, со слоистыми кривыми сланцами, казавшимися старыми полуразрушенными бастионами, крепостными стенами.

Медное, докрасна расплавленное солнце нехотя садилось в воду, оставляя на память блеклую, чуть видную золотистую полоску. Низко, задевая вершины хребтов, спешили рваные седые обрывки облаков, которых бешеный ветер гнал вон с Карской стороны. Белыми блестящими ребрами расчертил прошлогодний нерастаявший снег горы.

— Весна здесь поздняя,— задумчиво говорит капитан, расправляя шелковистые рыжие усы,— ишь снег-то и не стронулся.

Прилепившись к подножьям обрывистых гор, навстречу из легкой дымки тумана плывут крошечные домишки рыбачьих и зверобойных становищ. Нам приветливо машут руками, долго задумчиво провожают нас взглядами, кажется, даже кричат: ведь не каждый день местные жители встречают гостя с Большой Земли.

На каменистом наносе, в пологой, замытой прибоем отмели, вровень с водой — 7 домишек поморского становища, а посредине — большой желтый, хозяйски-сколоченный дом, где зимовал известный художник Севера—Борисов.

Кутаясь в тяжелые авиационные шубы, подняв меховые воротники, участники экспедиции выскочили на палубу, любуясь исключительной по красоте развернувшейся панорамой. Только на великолепного стрелка абхазца Чачбу эта картина не производила никакого впечатления.

— Такие же горы, как у нас в Гаграх,— убежденно заявлял он,— только у нас лучше...

Мы долго интересовались, что, собственно, потянуло Чачбу — лучшего в Абхазии охотника — со знойного юга в студеную Арктику. Многие склонны были предполагать романтическую подоплеку, неудачную любовь, разочарование в жизни и т. д. Оказалось же все значительно проще, чем думали.

— Бурый медведь шкура — дома лежит, горный баран— шкура, тур — шкура, кабан — шкура тоже есть. А белый медведь — нету. Хочу все шкура иметь дома...

Страстный охотник, с рогатиной идущий на медведя в гористых лесах Абхазии, один-на-один сталкивающийся с

диким кабаном, он захотел померить свои силы на Севере с белым медведем, о котором он так много слышал от Шмидта во время его отдыха на Кавказе. И не знал в то время Чачба, какое его ждало жестокое разочарование. Жутких переживаний, острых моментов во время охоты он здесь так и не нашел. Позднее одного медведя обнаглевший Чачба добивал даже палкой.

За кривым поворотом пролива — снова желтая отмель — дом старой гидрографической экспедиции — две палатки и шатер. В стороне, в поисках редких кочек с травой, понуро опустив голову, ходит лошадь. У костра, с подвешенным на треугольнике котлом, из которого клубами валит густой сытный пар варева, развалились рабочие геологической партии, посланной сюда на уточнение запасов уже обнаруженной руды.

А на правом борту — уже новая отмель, большая брезентовая палатка и новые люди, машущие нам платками. От берега быстро отделилась шлюпка, и, четко отбивая эхом гор ритм мотора, понеслась параллельно «Сибирякову», оставляя широкий волнистый путь за собой.

— Ну и движение нынче в Маточкином Шаре, — удивляется капитан, — народу-то сколько, как на большом проспекте в городе...

Узкая кривая улица пролива кончается. Впереди, сверкая в последних лучах заходящего солнца, переливаясь изумрудно-зелеными тенями, тихо покачиваясь на зыби, показалась первая встреченная нами за этот поход льдина, видимо занесенная сюда из Карского моря.

Собственно говоря, «Сибиряков» мог бы ее совершенно спокойно обойти. Но капитан Воронин не вытерпел, не утерпел воспользоваться представившейся возможностью продемонстрировать ледокольные качества своего любимца.

— Прямо руля, полный вперед, — разом оживившись, гаркнул он вниз в машинное отделение.

Вздрогнул, затрясся от напряжения «Сибиряков» и со всей мощью своих 2 400 л. с. врезался в льдину, легко и уверенно подмял ее под себя, раздавил, раскрошил и разбросал в разные стороны.

— Ну, ладно, — сильно акцентируя, архангельским говорком, с каким-то сладострастием потирая руки, улыбался Воронин, — так будет со всякой, которая встретится нам

на пути. А еще встретятся и не такие, — задумчиво заключил он.

В небольшом заливчике, на якорях стоят 4 грязных, ободранных и облезлых норвежских лесовоза. Это — зафрахтованные нами суда для Карской экспедиции, ожидающие момента, когда ледокол «Ленин» протащит их сквозь льды Карского моря в устье р. Енисея. Видимо, владельцы лесовозов посылают в «ледяной мешок», как прозвали поморы Карское море, свои худшие суда, боясь за имущество и не слишком веря в удачу. А между тем карским работникам, право, везет: за все время экспедиций ни одной аварии, что позволяет увеличивать количество судов, расширять богатейшие экспортные операции по вывозу пушнины и ценнейшего енисейского леса.

В огромной Белужьей губе, из сизой вуали тумана выплыли длинные трубы красавца-ледокола «Ленин». Широкий, крепкий на вид, такой мощный и сильный — он — полная противоположность нашему «Сибирякову», по существу небольшому и старому судну.

Три длинных, разнесенных эхом в горах хрипа известили ледового собрата о нашем приходе, и через пять минут быстрая моторка пришвартовывается к борту «Ленина».

— Наконец-то,—пожимает руки старый морской волк—начальник навигационной части экспедиции—Шибинский,—как плавалось?

Весь комсостав «Ленина» — в белоснежных воротничках, галстуках, в морских, с золотыми позументами кителях в противоположность нашему начальству, одетому в меховые и кожаные куртки. Только капитан «Ленина» — Эгге — тот знаменитый Эгге, который командовал «Красиным» на поисках итальянца Нобиле — в тонкой шелковой синей фуфайке, плотно вырисовывающей его огромные бицепсы, да блондинка с голубыми глазами — метеоролог — в простой желтой овчинной шубе.

С левого борта ледокола, пришвартовавшись, стоит угольщик «Вагланд», который привез нам новые запасы топлива. Но ленинцы, видимо, не теряют времени даром, ибо стрелы лебедки ловко и быстро передают предназначенный нам уголь в мрачные трюмы ледокола.

— Это, что ж, вы наш уголь берете? — встревожился О. Ю. Шмидт. Но его тут же успокаивает Шибинский,

заявляя, что запасы очень значительные и «Сибирякову» вдоволь останется.

В маленькой бухточке, под горой на воде заякорился полярный самолет «Дорнье-Валь», с двумя моторами по 450 лошадиных сил.

Он всего лишь несколько часов тому назад прилетел с ледовой разведки над Карским морем, и сейчас экипаж, заправив бензин, отдыхает, предполагая через час вылететь в новый рейс, но на этот раз в северном направлении.

— Здравствуйте, а вот и мы, — хлопнув дверью каюты, появляются оба пилота—краснощекий, пышущий здоровьем, командир самолета А. Д. Алексеев — участник полета с Б. Г. Чухновским на поисках Нобиле, и с черной острой бородкой — первый пилот — Козлов, оба в синих морских кителях, огромных, выше колен на меху английских сапогах и авиашлемах.

С 19 апреля — они в беспрерывных полетах, излетали весь север. Во время перелета с бухты Варнека самолет попал в густой туман. Сквозь разорванную ветром вуаль они увидели внизу бесконечные торосистые поля. Положение стало тяжелым. «Дорнье-Валь» представляет из себя самолет-лодку, который может садиться только на воду и в крайнем случае — на очень ровную поверхность льда. Но внизу были крутые заостренные выступы торосов, старых многолетних льдов.

— Жутковато стало, — весело, словно смешной анекдот рассказывает Алексеев, — садиться некуда, а бензина на обратный ход нехватит. Посоветовались и решили пробираться сквозь туман — авось найдем подходящую полынью или разводье. Но сколько мы ни искали, темного пятна внизу не было. И вот когда уже бензин был на исходе, когда нам рисовались мрачные картины посадки на торосы, с неминуемой аварией, капотом и поломками, я неожиданно увидел на земле два крошечных озерка. Делать было нечего— пришлось рисковать. Самолет туда и плюхнулся. К счастью все обошлось благополучно.

— А знаете, — радостно сообщает он, — мы летаем без радио-аппарата. Да, да, без связи. В Красноярск передатчик не доставили—потерялся на железной дороге. Здорово? Так что если сядем, то дать о себе сведений не сможем. Поэтому мы договорились с «Лениным» так: вылетаем на

определенное количество времени, по известному им маршруту. Если во-время не вернемся, — то пусть ледокол выходит в море и ищет. Вот, батенька, как приходится летать на севере. Это вам не линия Москва—Берлин с прожекторами, посадочными площадками, радиообслуживанием, метео-сводками, мягкими кабинами, теплыми уборными и буфетами на стоянках.

На возможность прилета нашего летчика Иванова из Архангельска к месту стоянки «Сибирякова» оба пилота смотрят весьма пессимистически.

— Мы здесь излетали все места, знаем буквально каждую бухточку, — заявили они, — но из всех перелетов только раз сделали без посадки. Путь здесь тяжелый и трудный, а бензиновых баз — вовсе нет...

Шумной ватагой разбрелись сибиряковцы по «Ленину», любуясь прекрасным ледоколом — огромной вместительной палубой, просторной штурманской рубкой, роскошно отделанной красным деревом и блестящей в зеркалах кают-компанией, где, право, можно организовывать танцовальные вечера. Какой резкий контраст с нашим стариком «Сибиряковым», где тесно, узко, загружено до-верху и заставлено ящиками, бочками, лесоматериалом!

— В тесноте — не в обиде, — разом обрывает наши восхищения Воронин, — зато у нас есть все, что нужно для крупной полярной экспедиции. Да к тому же и путь у нас несколько больше, чем у «Ленина»...

Капитану — прекрасному судовому хозяину, у которого обычно на ледоколе образцовая чистота и порядок, конечно, здесь нравится. Но чтобы признаться в этом, сказать, что здесь лучше, — нет, никогда. Для Владимира Ивановича это было бы ужасно тяжелой душевной трагедией.

Быстро скользнув взглядом по внешности «Ленина», заметив такие детали, такие мелочи непорядков, которые неморякам никогда не увидеть, он торопит в кают-кампанию. Его больше всего волнует один вопрос, мучающий уже которую ночь:

— Что нас ждет в ледяном мешке — Карском море? Ведь «Ленин» только что вернулся с ледовой разведки, да и самолет облетел 800 миль над торосами.

За чашкою чая началось оперативное совещание. О. Ю. Шмидт, В. И. Воронин и В. Ю. Визе, начальник Карской

экспедиции М. И. Шевелев, Шибинский, капитан Эгге, летчики Алексеев и Козлов подробно обсуждали перспективы плавания «Сибирякова» в карских водах. А перспективы рисовались неважными. М. И. Шевелев так обрисовал положение:

— Льды тяжелые и сплошные, без намека на полыньи. «Ленин» при всей огромной мощи своих машин — едва выбрался. Понятно, что «Сибирякову» будет особенно трудно.

В общем нам вежливо дал понять, что, если сильный «Ленин» едва вылез из ледяных полей, то куда вы-то на своем барахле суетесь.

Что делать?

Нахмурился капитан — тяжелые морщины забегали по лбу. Шмидт нервно пыхтит папиросой, его глаза уставились в одну точку — думает.

Итти или переждать перемены погоды? Дело в том, что в Арктике погода меняется с быстротой киноленты. Сегодня — сплошные поля, а завтра — задуют дикие ветры и льды разрядятся широкими синими полыньями чистой воды, и тогда ледокол, осторожно лавируя, может продвигаться вперед. Но ждать нам нельзя, некогда!

— Итти — рисковать, — выпрямившись, твердо заявил капитан, — итти во что бы то ни стало. Впереди еще огромный путь. Время ценю на минуты...

И мы рискнули, договорившись предварительно о том, что нашего угольщика «Вагланд» «Ленин» доставит к о. Диксон, не позднее 6 августа, а для летчика А. Д. Алексеева, собирающегося впервые по воздуху достигнуть Северной Земли — мы создадим базу горючего на островах Каменева. В свою очередь Алексеев обещал сделать воздушную разведку проливов Вилькицкого и Шокальского, наиболее трудно проходимых мест у берегов Северной Земли.

Подняв якоря, распрощавшись гудками, «Сибиряков» в легком предрассветном тумане медленно стал пробираться к открытому морю. Снова вдоль обоих бортов бесконечной лентой потянулись мрачные отвесы вздыбленных гор, плоские отмели с домишками рыбаков и наконец правительственная радиостанция «Маточкин Шар».

Мы у ворот в Карское море, на пороге тяжелых испытаний. Кругом — без меры, без края, бесконечный водяной простор, чуть вздернутый легким сонливым ветерком. Вдали

на горизонте, все расширяясь, беспрерывно увеличиваясь в размерах, заалела заря. Утро вставало над «ледяным мешком».

ПЕРВЫЕ ЛЬДЫ

Полным ходом, сотрясаясь от работы машин, резал «Сибиряков» изумрудные воды Карского моря. Рассвет был туманным, с промозглой изморосью и холодным встречным ветром. Произведенные исследования показали резкое понижение температуры воды и вместе с тем понижение ее солености.

— Скоро должна быть кромка льда, — авторитетно заявила дежурившая И. Л. Русинова, зябко кутаясь в суконную куртку, с головой уйдя в широкополую, вылинявшую шляпу, неизвестно по каким причинам фигурирующую на Севере.

И правда, в дымке тумана появились отдельные белые пятна, которые, по мере продвижения «Сибирякова», оказывались небольшими зеленовато-голубыми айсбергами.

Айсберг — это большая глыба льда, отколовшаяся от покрывающих полярные острова ледников, обычно сползающих к самому морю. Айсберги иногда достигают громадных размеров. Так был зарегистрирован плавучий ледяной остров, одна сторона которого была длиною в 67 клм. Поэтому-то так и часты случаи, когда исследователи принимали огромные плоские айсберги за острова. Надо еще отметить, что у айсбергов, имеющих материковое происхождение, подводная часть от 7 до 9 раз больше надводной. Теперь понятно, какие это колоссы, с тысячетонным весом.

На самом краю горизонта появилась узкая белая полоска ледяного неба — отражения бесконечных полей. Мы приближаемся к кромке.

Капитан, как верный страж, — уже на своем посту, нервно расхаживает наверху на маленьком мостике, то и дело сверля даль из огромного сорокакратного Цейса. Сегодня ему не отдыхать. Забудет он и про еду и про необходимый сон.

Я уже третью экспедицию плаваю с В. И. Ворониным. Уже тогда я смог убедиться о исключительных навигационных способностях, изумительном чутье и знании Арктики этого ледового капитана.

С именем лучшего ледового капитана Советского Севера Воронина связано многое в нашей работе по освоению Арктики за последние годы. Кто не слышал о ледоколе «Седов» и его славном водителе, избороздившем всю западную часть Полярного моря, дважды побывавшем на Земле Франца Иосифа и Земле Северной.

Коренной помор — северянин — Воронин с раннего детства связан с холодным морем.

— Земля — нам мачеха, а море — наше поле, — говорит старая поморская пословица.

И весь род Ворониных — это рыбаки или морские искатели, все пять братьев Владимира Ивановича — капитаны, а дядя — Федор Воронин на шхуне «Николай» спас австрийских полярных исследователей Пайера и Вайпрехта, открывших Землю Франца Иосифа.

6-летним мальчишкой — «зуйком», нацепляющим наживу на крючки, начал Воронин свой тяжелый жизненный путь. Зуйком в Поморье зовут маленькую чайку, питающуюся отбросами с корабля. Вот таким-то «зуйком» — мальчишкой без жалованья, работавшим без времени, за прокорм, и начал Воронин свою карьеру.

А дальше — тяжелый, полный риска и опасности путь от поваренка на парусном боте — от юнги с первым жалованьем в 50 рублей и новой рубахой за полгода нечеловеческого труда, до штурмана и капитана. В мае 1918 г. уже после заключения Брестского договора «Федор Чижов», на котором плавал старшим штурманом Воронин, был пущен ко дну у Вайда-губы германской подводной лодкой, и лишь счастливая случайность сохранила жизнь будущему блестящему капитану Советского Севера.

Плавание в Арктике для капитана — это сложнейшая шарада, которую он сам, только сам должен разрешить. Без карт и лоций, если не считать поверхностных, совершенно неточных набросков былых экспедиций, в совершенно неисследованных морских просторах, в никем не изученных течениях и неизвестных глубинах, полагаясь лишь на свой практический стаж, многолетний опыт и интуицию, осторожно ведет ледокол капитан, ответственный за жизнь экипажа и целость доверенного ему государственного имущества.

Работа вслепую?

Да, вслепую. Но это обстоятельство не только не ума-

ляет неоценимых достоинств В. И. Воронина, но еще больше подчеркивает трудность, колоссальную величину достигнутых им результатов. Пройти там, где уже много раз хожено, это еще не победа, а вот там, где пути никем неисследованы, никому неизвестны, когда не знаешь, как далек киль от скользких подводных скал, от дна — это настоящий, подлинный героизм. После каждого полярного рейса записная книжка В. И. Воронина заполняется цифрами промеренных глубин, неисчислимыми записями личных наблюдений.

— Все это пригодится для следующего раза, — любовно поглаживая книжку, говорит он, — если не мне, то другим, кого судьба бросит к этим неприветливым берегам...

Летом — в исследовательских экспедициях, научных походах, зимой — на зверобойных промыслах в Белом море,— вот трудовое колесо жизни Воронина. А со зверобойки судно Воронина ежегодно привозит государству до 100 тыс. рублей золотом.

Веселый, жизнерадостный, добродушный, большой любитель природы (Архангельский музей полон экспонатами, привезенными капитаном с далеких островов), Воронин в минуты опасности совершенно преображался. Куда исчезали его чарующая улыбка и бесконечная вереница рассказов о морских приключениях и о жизни беломорских поморов?

В дни, когда «Сибиряков» попадал в объятия гигантских ледяных полей, капитана можно было видеть круглые сутки, бессменно дежурящим на верхнем мостике или в бочке на вершине мачты, сверлящим в бинокль туманную даль. Спустившись вниз в кают-компанию, он наскоро хватал что-то давно остывшее и ураганом влетал опять наверх и так до тех пор, пока надрывающиеся в нетерпеливом ритме машины не вынесут ледокол на чистую воду.

А сон? Спать капитану некогда. Спит он чутким, нервным сном человека, у которого ни на секунду не выходит из головы навязчивая упорная мысль о грядущих опасностях.

Бывало выскочит чумазый кочегар из своего пекла дохнуть свежего воздуха, глянет наверх, на капитанский мостик, и, вернувшись вниз, многозначительно скажет:

— Все ходит...

И вся команда, как один, понимал, что «ходит» недаром,

что положение судна значит тяжелое и что нужно напрячь все силы, все умение, всю волю и находчивость, чтобы преодолеть ледяной барьер. И с утроенной энергией летел в прожорливую пасть топок жирный уголь, еще с большей силой надрывались машины, а по палубе быстро и бесшумно скользили матросы, выполняя малейшее распоряжение капитана.

— Капитан приказал...

И не было случая, чтобы команда не только не выполнила, но усомнилась в правильности его распоряжения, — до такой степени был высок авторитет одного из лучших капитанов Советского Севера.

Ты нас кормишь, поишь, море синее,
Море синее, море соленое...

тихо мурлычит он в свои рыжие усы старую поморскую песню. Здесь на судне, в синем студеном море, готовом каждую минуту подложить какую-нибудь очередную пакость, он в своей родной стихии. Ему здесь легко, свободно. Он знает, что делает огромное дело, за которым следит вся страна.

В 7 часов утра «Сибиряков» вошел в кромку льда. Сначала появились мелкие льдинки, редкие, изобиловавшие полыньями и разводьями. Но по мере продвижения вперед ледяные поля становились все плотнее и плотнее. Увеличивалась их толщина и соответственно уменьшалась количество чистой воды. Перед ледоколом появились огромные ледяные глыбы, которым казалось, нет ни конца, ни края, изъеденные волнами и туманами.

С разбегу налетел «Сибиряков» на ледяные поля, давил своей тяжестью. Лед оседал и давал длинные извилистые трещины. Огромные ледяные глыбы с шумом и грохотом переворачивались в бурном водовороте, со скрежетом обдирая свежую краску бортов. С таким, хотя и толстым льдом «Сибиряков» легко справлялся, уверенно пробираясь вперед.

— Если так будет и дальше,— довольно потирая руки, говорит капитан,—то дня через два бросим якорь у о. Диксон. Но а где ж все-таки тяжелые льды, о которых нам говорили ленинцы?

Существует много видов льдообразований. Вначале при

заморозках появляется игольчатый лед, который, соединяясь, образует сало, затем более плотный лед, так называемую шугу, который переходит в блинчатый лед. Но это еще тонкий ледяной налет на поверхности океана. Потом идет мелко-битый, крупно-битый лед, сплошные ледяные поля, торосистые поля, с беспорядочным хаотическим нагромождением вздыбленных ветрами и сжатых течением глыб, крупно-битый торосистый лед, торосистые сплошные поля и наконец полярный пак — нагромождение многолетнего льда, при котором продвижение ледокола немыслимо. Существует еще так называемый нилосовый лед — молодой, майский, тонкий, прозрачный, но твердый и вязкий. Когда по такому льду идет ледокол, то он не крошится, а лишь дает длинные извилистые трещины. Получается впечатление, что судно идет не по воде, а по поверхности гигантского матового зеркала.

Капитан Воронин правильно оценил наше положение. В таких льдах, что мы встретили, «Сибиряков» мог продвигаться вперед, мог с успехом бороться с препятствиями. Но бывает, что разрозненный лед становится плотнее и разводья окончательно пропадают. Через пару часов продвигаться вперед уже становится затруднительным.

Тогда капитану уже нельзя строго и точно придерживаться курса. Ледокол идет туда, куда можно итти, куда позволяют редкие разводья. Вот здесь-то и приходится судну демонстрировать свои ледокольные качества. Кругом, куда ни взглянешь — бесконечный саван ледяной пустыни. Ледокол, вклинившись между двумя огромными торосами — окончательно останавливается.

— Тихий назад, — протяжно несется с капитанского мостика.

И медленно, как бы нехотя отходит ледокол, но не из малодушия, не от беспомощности перед силами Арктики, а чтобы снова, со всей сокрушающей силой броситься на лед, чтобы дробить и ломать все встречающееся ему на пути.

С полного хода бросается ледокол на веками спрессованную броню льда, так что передняя часть судна зачастую до полкорпуса залезает на блестящую снежную поверхность. Тогда лед под огромной тяжестью дает длинную извилистую трещину и медленно оседает. Лед дробится в куски, и обра-

зуется небольшое пространство свободной воды. Со свистом из-под борта вырывается пенящийся поток воды и выбрасывает на поверхность растерзанные, исковерканные, перевернутые изумрудные глыбы. Снова отходит ледокол назад и снова со всей силой бросается на льды и так без конца. Так приходится работать ледоколу в тяжелых льдах, медленно шаг за шагом проникая к желанной цели.

Но это еще не все трудности, не все препятствия, которые ставит Арктика на пути к ее освоению. Бывает, что 5-метровый, веками скованный в неприступный гранит, лед, несмотря на все усилия, не поддается стараниям ледокола. Тогда сверху раздается команда дежурному механику:

— Вытравить пар...

И жизнь на ледоколе замирает. Не стучат больше в нетерпеливо-нервном ритме машины, а люди ходят мрачные, злые, огрызаясь друг на друга. Ледокол ждет буквально у моря погоды, ибо больше ничего не остается делать. Не тратить же бесполезно ценное топливо — единственный шанс не зазимовать в море. Попав во вражеское ледяное окружение, ледоколу ничего не остается делать, как, набравшись терпения, ждать перемены ветра, который, авось, раскидает льды. Ветры же здесь то и дело меняют свое направление, меняя и качество ледяного шоссе.

Но случается, что и многодневная остановка не дает никакого результата. Тяжелый ледяной барьер — без малейшей водяной щелки. Тогда приходится благородно ретироваться и отступать, обходить бесконечные ледяные поля, где-нибудь с востока или запада, искать более тонкий, изъязвленный прорехами полыней лед. В такие дни приходится зачастую делать большие, многомильные обходы. Но все же этот маневр дает больший экономический эффект, нежели бесполезная и бесцельная трата угля.

Искусство кораблевождения во льдах состоит не столько в том, чтобы уметь хорошо форсировать ледяные преграды, сколько в том, чтобы ловко и расчетливо обходить, избегать их. Это искусство требует исключительной сноровки и огромного опыта от капитана.

— Лбом Арктику не прошибешь, — правильно определял В. И. Воронин, — ее головой надо брать...

Посмотрите, как искусно лавирует капитан во льдах, стараясь проскочить в узкий водяной проход, от него —

к другому, третьему и т. д. Сверху, как из пулемета, сыплется частая команда: «право руля, лево руля, прямо, одерживай». Неуклюжее судно, словно помолодев, ловко изворачивается среди льдин, цепляясь бортами. Бьет же капитан лед лишь тогда, когда нет другого выхода, когда далекая, чуть чернеющая полынья забаррикадирована ледяной перемычкой. Тогда ледокол с грохотом бросается на приступ. Его стальной форштевень на момент высоко забирается к небу и, сломав ледяную преграду, с шумом оседает в чистую воду. Вот в чем искусство ледового капитана — искусство, добытое опытом многих лет, искусство, которым в совершенстве владеют лишь водители ледоколов Советского Союза.

«Сибиряков», снабженный стальным форштевнем, имеет еще возможность форсировать льды, бороться за свое существование, а вот маленьким деревянным судам в таких условиях приходится тяжело. Их или гигантским сжатием льда обычно раздавливает, или же выпирает на поверхность. Норвежские зверобойные боты, например, сооружаются в форме яйца с тем, чтобы при внезапной сдвижке их выдавило на лед. Всем памятен знаменитый многомесячный дрейф (безвольное плавание) неустрашимого Фритьофа Нансена на затертом во льдах «Фраме», который закончился зимовкой полярного исследователя на Земле Франца Иосифа.

Сбавив ход, медленно лавирует «Сибиряков» в бесконечных ледяных полях, искрящихся миллионами солнечных брызг. В Арктике летом круглосуточный, яркий до боли в глазах свет незаходящего солнца. И на этой почве случались частые недоразумения. Проснется, бывало, участник экспедиции, сладко потягиваясь на койке, сощурит глаз на узкую прорезь иллюминатора и томно поинтересуется: «который час?» — «Два часа» — ему ответят. «Это как — дня или ночи?» — «Ночи». И участник вдруг неожиданно встает, ходит до утра, а там заваливается спать. Незаходящее яркое светило нам спутало сутки. И стоило большого труда, чтобы взять себя в руки, заставить соблюдать известный режим — вставать и ложиться во-время. Только голосистый петух, неизвестно для чего взятый киногруппой в качестве главного актера, ошеломленный необычайными переменами, презирая погоду, считал своей основной обя-

занностью регулярно и безошибочно информировать экспедицию о движении суток. Да настойчивый звонок буфетчика Саши Лескова, гостеприимно приглашавший к столу, заставлял вспомнить о том, что сейчас наверняка должен быть день, ибо обеды, как известно, ночью не подаются.

Едва «Сибиряков» вошел в ледяные поля, как к нашей экспедиции присоединились неожиданные спутники — белоснежные чайки, легко кружившиеся вокруг судна, низко планировавшие над водой или вдруг стремительно камнем падавшие в студеные волны, выскакивая с маленькой, извивающейся рыбешкой в клюве. Наш ледокол им приготовлял прекрасный завтрак. Из-под льда, который он дробил, на поверхность воды или даже на отдельные льдины, в страшном смятении и испуге стайками выскакивала мелкая рыбешка — «сайка», которую ловко, на-лету подхватывали наши насторожившиеся крылатые спутники. И если даже «Сибиряков» останавливался, то чайки не улетали, но спокойно садились на льдины, терпеливо ожидая следующей охоты.

В крупных разводьях неожиданно появлялись и исчезали голые черепа, с круглыми глупыми глазами — нерп или морские зайцы. Мы по ним не стреляли, бесполезно, ибо в это время года на них мало жира и, убитые — они быстро уходили на дно. Только страстного охотника Чачбу нельзя было отговорить от этой затеи. С невозмутимым спокойствием, устроившись на носу ледокола, посылал он в лед пулю за пулей.

— А пусть их тонут. Их тут много, — хладнокровно заявлял он, — а мне винтовку надо пристрелять.

Научные работники уже давно приступили к наблюдениям и исследованиям. Через каждые два часа метеоролога И. Л. Русинову можно было видеть наверху, на капитанском мостике, записывающей показатели метеоприборов, рассказывавших невероятные вещи — ожидается ли шторм, попадем ли в циклон и т. д.

На палубе гидрохимик Б. П. Брунс с различных глубин специальным прибором берет пробы морской воды и измеряет ее температуру. Позднее в узкой каютке, в трюме — своей лаборатории — он сделает анализ, испробует на хлор, выяснит содержание солей, количество растворенного кислорода и т. д.

Гидробиологи — Л. О. Ретовский и П. П. Ширшов — с головой ушли в ловлю «планктона»—мельчайших животных организмов, обитающих в воде.

— Для того, чтобы знать, есть ли в этом районе рыба и в каком количестве, — говорит П. П. Ширшов, демонстрируя едва заметные невооруженному глазу прозрачные существа, — совсем не нужно ее ловить. Достаточно поймать планктон, которым рыба питается, чтобы отметить, выгоден ли этот район для эксплоатации его рыбных богатств.

В сером, непродуваемом резиновом комбинезоне, измазанный с ног до головы, возится с трубкой Экмана — геолог В. И. Влодавец — известный исследователь Кольского полуострова. Еще будучи студентом, он работал на восточном берегу Онежского озера, отыскивая каменный строительный материал для Свирьстроя, а с 1922 по 1932 г. исколесил Кольский полуостров, производил геологическую съемку и выявлял полезные ископаемые в районе Хибин. До его работ там производила изыскания группа акад. Ферсмана, которая дала сугубо ориентировочные цифры запаса апатитов, не превышавшие 20 млн. тонн. В 1929 г. Влодавец открыл Восточно-Расвумчерское месторождение и определил общие запасы для всей полосы в 300 млн. тонн, которые позднейшими исследованиями доведены были до 1 млрд. тонн. В центральной части Кольского полуострова, к востоку от Хибинских тундр Влодавец обнаружил месторождение слюд, идущих на изоляционные материалы, имеющих промышленное значение. В настоящее время там работают изыскательные партии Карелгранита и Союзгеоразведки, определяющие общие запасы. В том же районе он обнаружил первые в СССР по своим запасам месторождения гранат-альмандина, идущего на образионную (шлифующую) промышленность. 4.000 клм. на ногах, пешком по тундрам и болотам, с минимальным запасом продуктов, но с колоссальным искательским стремлением, жаждой внести свою лепту в социалистическое строительство страны — вот трудовой путь В. И. Влодавца — энтузиаста и ученого.

На «Сибирякове» — его орудием производства является трубка Экмана, — подвешенный на проволоке небольшой прибор, при помощи которого он достает пробы дна.

В большинстве случаев на поверхность воды вытаскивается бледно-голубой глинистый ил, который там, далеко, в Ленинграде поступит в специальную разработку научных лабораторий.

Сбросив ход, еле-еле двигаясь вперед, дает возможность «Сибиряков» приступить к работам по изучению бентоса (сидячее и бродячее население морского дна). На стальном крепком тросе опускает в воду гидробиолог Л. О. Ретовский трал «Сигсби», драгу или дночерпатель «Петерсена», которых ледокол волочит по поверхности дна, захватывая в просторный брезентовый мешок все, что подвертывается на пути—ракушки, мелкие камни, песок, ил, глину, красных морских звезд, копошащихся в бронированных панцырях, и тараканов—желто-красные головы горгоны, нежные желтые стебли плотоядных актиний, рачков, креветок, мизид и бледно-розовый коралл.

Л. О. Ретовский—опытный, с большим стажем научный работник и исследователь. В 1923 г. он работал в горле Белого моря, где изучал характерное для этого района полное перемешивание слоев воды от дна до поверхности, а следовательно, и одинаковую температуру, одинаковую соленость, вызванную сильными приливно-отливными течениями. Он плавал матросом на гидрографическом судне «Мурман», на небольшом моторном боте на Канин полуостров и Чешскую губу, затем зимовал в Порчнихе — на Мурманском берегу, участвовал в исследовательской экспедиции на ледоколе «Седов» на Землю Франца Иосифа и Землю Северную, в экспедиции на «Ломоносове» на Новую Землю и Северную часть Карского моря.

С целью изучения почти неизвестных науке морских течений в море ученые выбрасывали огромные деревянные шары и бутылки из толстого стекла. Дно этих бутылок заполняли цементом с тем, чтобы они, плавая, не лежали, а торчали из воды. Только в этом случае бутылка будет передвигаться не под действием ветра, а под влиянием течения. Внутрь бутылки укладывалась записка с текстом на нескольких европейских языках. Если кто-либо найдет это стеклянное письмо, отобьет горлышко, то он увидит внутри почтовую открытку со следующей надписью:

«Эта бутылка брошена с целью изучения морских течений. Нашедшего ее просят сообщить об этом Всесоюзному

арктическому институту в Ленинград, указать место и время находки».

Вполне понятно, что большая часть бутылок бесследно исчезает, разбившись о крутые скалистые берега или будучи раздавленной сжатием льдов. Но все же часть из них, попав в руки сознательных людей, будет доставлена в Ленинград и тем самым поможет пролить свет на дело изучения морских течений мира.

Особенно интересует гидрохимика Б. П. Брунса — лед. Ведь до сих пор изменение цвета торосов от изумрудно-зеленого до ярко-голубого является мировой неразгаданной тайной. Почему рядом с небесно-синим айсбергом на одном и том же ледяном поле находится зеленый или бурый? — на этот вопрос не ответит ни один ученый. Не смог ответить и финн Мальмгрен, трагически погибший во время экспедиции итальянца Нобиле.

Однажды мы обратили внимание на проплывающие мимо «Сибирякова» огромные льдины красно-бурого цвета. Казалось, что эти льды, находясь где-нибудь вблизи берега, были засыпаны песком, который им и придал такую необычайную для Арктики окраску. На самом же деле было не так. Снег получает красно-бурый цвет от присутствия микроскопических диатомовых водорослей, так наз. сферен. Эти водоросли — обитательницы северных широт, развиваются при очень низкой температуре и питаются талой водой. Огромными массами несутся диатомовые водоросли от берегов Сибири, влекомые льдами к Гренландии.

Дикое впечатление производит красный снег на ровной белой скатерти льда. Кажется, что эти пятна — следы алой крови, следы только что разыгравшейся кровавой трагедии.

Участник одной из советских полярных экспедиций, известный бактериолог проф. Исаченко рассказывал, что в средние века внезапное появление красного снега вызывало ужас и панику среди суеверного населения. Это явление приписывалось «гневу божьему». Однажды в Северной Италии, в Ломбардии, в один и тот же день у всех булочников на белых хлебах появились красные пятна сферены. Поднялась дикая паника. Воспользовавшись случаем, католическое духовенство подвергло пыткам и инквизиции совершенно невинных людей, обвинив их в колдовстве.

Все ученые приступили к работам по своим специально-

стям. Не успел развернуть свою работу только охотовед Белопольский, ибо мы еще не встретили белых медведей— объектов его изучения. Но времени он даром не терял, старательно чистил винтовки, готовясь во всеоружии встретить хозяина ледяной пустыни.

В вопросах изучения Арктики советской науке бесспорно принадлежит первое место. И лучшим ее представителем является известный полярный ученый, заведывавший научной частью экспедиции «Сибирякова» проф. Владимир Юльевич Визе,— один из ближайших соратников О. Ю. Шмидта. Собственно говоря, Шмидт, Воронин и Визе — это та блестящая тройка руководителей, проведшая наиболее выдающиеся арктические экспедиции за последние годы.

Много лет тяжелых испытаний, лишений и переживаний за спиной В. Ю. Визе: поход с энтузиастом Георгием Седовым к Северному полюсу, зимовка на Новой Земле и Земле Франца Иосифа и т. д. Отсюда — колоссальный опыт, огромные знания Арктики, подкрепленные богатейшим научным багажом.

В 1930 г. проф. Визе сумел доказать совершенно изумительный факт научного предвидения.

Еще в 1924 г. в «Известиях центрального гидро-метеорологического бюро» он опубликовал свое предположение, что между Землей Франца Иосифа и Землей Северной должна находиться никому неизвестная земля. К такому заключению В. Ю. Визе пришел из следующих соображений:

Льды полярных морей,— рассуждал он,— передвигаются под влиянием двух сил — ветров и морских течений. Действием этих сил передвигалось в 1913-1914 гг. затертое во льдах судно «Анна», под начальством Брусилова, погибшее в этом районе, при чем уцелел лишь один штурман Альбанов, который доставил на материк вахтенный журнал. В журнале имелись записи об общем движении судна, его дрейфе и записи направления ветров. Теоретически приблизительно известно, с какой скоростью и в каком направлении затертое во льдах судно должно передвигаться под влиянием ветров. Зная общее передвижение судна, скорость и направление ветра, можно вычислить направление и скорость морского течения. Это и было моей

целью, когда я взялся за обработку журнала «Анны». При этом я наткнулся на любопытную особенность, которую дрейф «Анны» показал между параллелями 78 и 80 норд и меридианами 70-80 ост. Здесь судно, двигавшееся в общем на север, отклонялось от направления ветра не вправо, как следовало бы по теории дрейфовых течений Экмана, а влево. Объяснить эту аномалию я мог, допустив существование суши к востоку, недалеко от дрейфа «Анны». Ряд других особенностей дрейфа «Анны» в этом районе подтвердил мое предположение.

Более подробный анализ дрейфа «Анны» позволил мне определить место предполагаемой суши. Я нанес это на карту, приложенную к моей статье о течениях в Карском море, опубликованную в 1924 г. Позднее эта суша под названием «Земля Визе» с вопросительным знаком была нанесена ученым Брейтфусом на германскую карту и долгое время значилась как проблематическая».

Но уже в 1930 г. ледокол «Седов» сумел стереть вопросительный знак, открыл Землю Визе и ввел ее в состав территории Советского Союза. Правда, расхаживавший по своим безлюдным, мрачным владениям В. Ю. Визе довольно иронически отозвался об острове.

— Паршивенькая у меня землишка,— заявил он.

Но дело ведь не в красоте ландшафта, не в туристском искании чудных пейзажей. Дело в том, что выдающийся советский полярный ученый в кабинете, за столом открыл новую, неизвестную науке землю.

Используя каждую полынью, малейшее разводье, упорно продвигался «Сибиряков» к острову Диксон. На носу ледокола целый день, как зачарованные, стоят участники экспедиции, любуясь грандиозной развернувшейся панорамой, исключительным мастерством капитана, форсирующего ледяные громады, как полководец, решающего сложную тактическую задачу.

С полного хода налетел «Сибиряков» на тысячетонную ледяную подставу, залез на нее, нос задрал кверху и остановился: дальше лед не пустил. Тщетно пытались машины, надрывать в бешеном ритме, проломить барьер, тщетно вспенивал воду клокочущий винт — ледокол застрял. Сверху звякнул звонок телеграфа, соединяющий капитанский мостик с машинным отделением, и все стихло. Но

только на один момент, ибо в следующую секунду снова закружились огромные лопасти винта, и ледокол, медленно сползая со льда, с шумом шлепнулся в воду.

— В лоб ее не прошибить,—бормочет себе под нос Воронин,— попытаюсь взять по-другому...

Снова тусклый звонок сверху и снова передний ход. Но теперь капитан бьет льдину не прямо, а в бок, намереваясь таким маневром проскочить в большую синюю полынью.

С грохотом налетает стальной форштевень на лед и обламывает большую глыбу, при чем вклинивается в нее носом и тащит как бы приклеив, впереди себя. Обдирая свежую окраску, с трудом протаскивает ледокол свое тело в узкие ледяные ворота и, вырвавшись на чистую воду, дает полный ход.

— Владимир Иванович, льдину-то, что там зацепилась за нос, долго мы будем с собой возить? — интересуется художник Решетников.

— А вот, погоди,— загадочно улыбается капитан, довольный удачным маневром,— вывезем ее на средину разводья, да и сбросим, чтоб не мешалась...

И сделал он это блестяще. На полной скорости внезапно затормозив ход, он по инерции послал льдину вперед, заставил отклеиться от носа и, чуть изменив курс, двинулся дальше, не имея впереди себя уже никаких препятствий.

Раздались громкие аплодисменты и крики «ура». Участники экспедиции приветствовали виртуоза, блестящего мастера руля — своего любимого капитана.

В нижней кают-компании проф. В. Ю. Визе делал интересный доклад о Втором Международном Полярном Годе, частью которого являлась и экспедиция на «Сибирякове». Он подробно развертывал картину социалистического наступления на советскую Арктику, говорил о том, что республика имеет самую обширную программу работ, превосходящую наметки всех буржуазных стран, вместе взятых, что в этом году от Шпицбергена до Берингова пролива Арктику исколесят советские исследователи, строится огромное количество новых форпостов науки — радио-метеостанций и обсерваторий.

Проф. Визе, чрезвычайно популярного, даже среди судового экипажа, слушали все — и краснорожий Саша-буфетчик, юный матрос Виктор Пузанков и сам «хозяин ле-

докола» — Воронин. И доклад, как обычно, закончился бы бурными прениями, принятием обязательств, если бы не одно привходящее обстоятельство, сорвавшее твердо установившийся на ледоколе регламент.

Хлопнув дверью, в кают-компанию ворвался забывший о собрании «Марат» и что есть мочи заорал:

— Ребята, медведь...

Через минуту комната опустела. Щелкая наспех затворами винтовок, выскочили на палубу стрелки. Скрылся и Визе, растеряв своих внимательных слушателей.

У самого края горизонта, в сизой дымке тумана, на искрящемся ледяном ковре появилось темно-желтое пятно, которое по мере продвижения «Сибирякова» из мохнатого кома превратилось в маленькую фигурку зверя.

Владыка ледяной пустыни шел медленно и важно, вытянув острую морду по направлению к судну, видимо обнюхивая воздух. Вот он уж совсем близко. Сейчас уже хорошо можно разглядеть три черных точки на его голове — два зорких глаза и беспрерывно шевелящийся нос.

А на палубе суматоха. Длинной цепью выстроились стрелки, заряжая винтовки, нервничая от нетерпения и охотничьего азарта. Киногруппа уже на местах. Расставив треногу, неистово вертит ручку аппарата оператор М. Трояновский, силясь поймать в объектив мохнатое желтое пятнышко.

— Умоляю,— волнуясь рычит режиссер Шнейдеров, — только не начинайте стрелять без моего сигнала. Не сорвите мне великолепные кадры...

На расстоянии 50 шагов подошел медведь к ледоколу, ловко и изящно перепрыгивая через полыньи, брезгливо потряхивая задними лапами, случайно зацепившими воду.

— В этой шкуре не меньше полтонны весу,— уверяет охотовед Белопольский, прицеливаясь новеньким карабином.

Здесь, в Арктике, охота на медведей происходит совсем не так, как мы обычно ее представляем. Хорошему стрелку совсем не надо подкрадываться к зверю, ползти, стараться быть незамеченным. Медведь сам к нему охотно придет, ибо по силе он не знает себе равных и никого не боится, а главная его слабость — это любопытство. Он близко подходит к судну, с удивлением рассматривая незнакомого ему

«зверя», садится, нюхает заманчивые запахи, несущиеся из приоткрытой двери камбуза (кухни), даже становится на задние лапы, словом, честно позирует кинооператору, который, пользуясь бесплатной натурой, в исступлении вертит ручку аппарата.

Первого медведя беспощадно и жестоко расстреляли, выпустив по нему пуль сорок. Подраненный зверь, с глазами, в которых был безграничный ужас, пытался уйти, бросался в полынью, нырял, с трудом, видимо теряя силы, забирался снова на лед. К счастью, меткий выстрел в голову — «Марата» прикончил страдания и издевательства над бедным беззащитным животным. Огромная туша как-то сразу осела на задние лапы и безжизненно рухнула на снег. Ни стона, ни крика.

По спущенному вниз шторм-трапу на лед выскочили стрелки и, держа винтовки на-изготове, осторожно подошли к убитому зверю, закинули на него канат, чтобы на лебедке подтянуть на палубу.

Рискнул сойти на лед и толстяк Шнейдеров — впервые попавший в Арктику. Под громкий хохот и издевательства матросов, он вылез на палубу в широком брезентовом поясе с крюком, который обычно носят пожарные. Его компаньоны зацепили канатом за крюк и с большой осторожностью стали спускать драгоценный груз за борт. На побледневшем лице Шнейдерова была твердая уверенность и убеждение человека, идущего на явную смерть. Ощупью, осторожно пробовал он льдину ногой, боясь сдвинуться с места, а та была настолько толстой, что могла бы с успехом выдержать целый батальон красноармейцев.

Тушу быстро подняли на палубу, где она попала в полное распоряжение охотоведа Белопольского, занявшегося грязной и кропотливой работой — обмером и разделкой шкуры, исследованием внутренностей, кишечника, черепа и т. д.

Белопольский — ученый, охотовед и биолог, до экспедиции на «Сибирякове» работал на Кольском полуострове по заданию зоологического музея Академии наук, затем— на Чуна-тундре, Имандре и наконец — на Чукотском полуострове. В течение двух лет он жил жизнью эскимосов в легких ярангах, охотился, ел моржатину, сырое мясо и т. д. С целью обследования пушных промыслов объехал на со-

баках более 2 тыс. клм., забравшись в верховья рек Анадырь и Майны — словом, существовал на то, что добывал себе промыслом. В результате у него богатейший практический стаж и 10 научных трудов.

Шкура первого медведя была присуждена «Марату», фактически прикончившему последним выстрелом зверя. Но, когда он приступил к снятию белой шубы, то к общему конфузу обнаружил всего только три раны. Следовательно, наши «меткие» охотники 37 пуль выпустили в лед. Позднее, чтобы упорядочить охоту, Шмидт опубликовал приказ № 1, по которому все участники экспедиции делились на бригады по 4 человека в каждой, при чем бригады стреляли поочереди.

Надо сказать, что били медведей мы не только из охотничьего азарта. Этот фактор, конечно, играл немалую роль, но основной задачей стрелков было обеспечить экспедицию свежим мясом — лучшим средством для борьбы с цынгой. У медведя великолепное сочное мясо, правда, несколько отдающее рыбой. Но этот недостаток легко ликвидировать, вымачивая в пресной воде или уксусе. Во всяком случае, большинство членов экспедиции считало медвежатину за лакомство.

А вот в экспедиции на «Седове», в 1930 г. был классический случай, когда при сильной нехватке свежих продуктов команда ледокола и плотники, взятые для строительства радиостанции на Северной Земле, наотрез отказались есть медвежатину. А плотники, так те прямо заявляли:

— У нас, в Костромской губернии белых медведей не едят, и мы есть не будем.

Глупый, ни на чем не основанный предрассудок мешал правильно поставить питание на ледоколе и понижал работоспособность команды. Тогда пришлось прибегнуть к крайним мерам. Шмидт созвал собрание партийного и комсомольского актива, сагитировал их и добился постановления для всех членов партии есть медвежатину в обязательном порядке. Скоро за партийцами потянулся актив, а через несколько дней весь состав ледокола прекрасно переваривал мясо, о котором недавно лишь с отвращением думал.

Зверобои-старожилы далекого Севера рассказывают удивительные истории из жизни белых медведей о том, с ка-

кой трогательной заботливостью приготовляет медвежиха берлогу для будущего ребенка.

Обычно под берегом, на крепком припае льда или снежном, защищенном от диких ветров скалами, наносе она вырывает глубокую яму в две комнаты. В первой медвежиха родит, а во второй устраивает уборную.

Чистота в берлоге — поразительная. Там, где живет малыш, вы не найдете ни кала, ни куска грязи.

С первыми весенними лучами солнца выводит медвежиха малыша в свет. Жмуря от яркого ослепительного солнца свои маленькие глазки, нескладно ковыляя ногами, плетется за матерью медвежонок. Он присутствует на охотах, наблюдает, как опытная мать умеет обнаруживать за несколько туманных километров чуть-видное темное пятнышко тела тюленя. Тонким нюхом учится находить залежки зверя и не путать маленькие темные прорехи полыней со спящей на льду нерпой. Мать ему демонстрирует, как нужно часами, сутками, сжав тело в стальную, негнущуюся пружину для прыжка, просиживать за ропаком (торосом) у маленькой протаянной тюленями во льду лунке, в ожидании, не покажется ли когда-нибудь долгожданный круглый череп ластуна.

Медвежонок подрастает и крепнет. Он уже не плетется покорно за коротким обрубком хвоста матери, но еще пока неуклюже, нескладно носится по ледяным полям, залезает, прыгает с торосов, валяется в мягкой пушистой пелене снега—словом, не знает, куда девать, к чему применить уже появившуюся силенку.

Вот в этот-то период юношества и приводит медвежиха сына к большому разводью на первый урок плавания. Медвежонок трусит лезть в воду, боится, жалобно пищит и пятится задом от зубчатого края льда. Тогда мать сама бросается в воду, плавает, ныряет и тихим ворчанием приглашает, подзадоривает сына лезть в воду. Но когда и это не помогает, тогда поступается просто: вылезши на лед, она сталкивает его в студеную воду, заставляет беспомощно барабанить лапами по поверхности, заставляя самого, на практике научиться плавать.

Пока медвежонок постигает всю премудрость умения держаться на воде, легко и свободно в ней двигаться, медвежиха располагается на краю полыньи, зорко наблюдая за

первыми успехами, готовая в любую минуту притти на помощь.

А залезть обратно на лед, а ловить быструю треску под толстыми льдинами, думаете легко? Большую и трудную школу жизни проходит будущий властелин ледяной пустыни.

Но едва он подрастет, возмужает, как заботливая мать принуждена будет констатировать полную неблагодарность своего любимого сына. Выросший, окрепший великан с густой желтоватобелой шубой, не зная себе равных по силе противников, безжалостно бросает свою мать и самостоятельно пускается в широкие, полные заманчивых перспектив, жизненные горизонты.

Вскоре полоса льда пропала. «Сибиряков» оказался в чистой воде. Стало зыбить, а к вечеру до того раскачало, что многим без паспортов и виз пришлось съездить в небезызвестный град Ригу. Снова небольшое ледяное поле, изъязвленное прорехами полыней, и снова чистая вода. Такая обстановка держалась всю ночь. Ледокол легко и свободно справлялся с ледяными перемычками, полным ходом несясь к о. Диксон.

— Где же тяжелые льды? Где же ваши мрачные предсказания, товарищи с «Ленина»? С таким льдом, что мы встретили, «Сибиряков» мог бороться и успешно бороться.

Утром Гиршевич принес радиограмму, полученную с ледокола «Русанов», в которой начальник экспедиции проф. Р. Л. Самойлович сообщал, что они миновали Сосновецкий маяк, расположенный в Белом море, при чем от нашего летчика Иванова он никаких сведений не имеет.

Экспедиция на «Русанове» — это также часть советской работы по освоению Арктики во Втором Международном Полярном Году. Основной ее задачей является строительство новой научной станции на мысе Челюскина — самой северной оконечности Азиатского материка. На борту «Русанова» находятся 30 рабочих-строителей и 10 зимовщиков-колонистов под начальством бывшего врача радиостанции на Земле Франца Иосифа д-ра Б. Г. Георгиевского.

Пошатываясь на остатках мертвой зыби, идем чистой водой, миновав днем траверс о. Белого.

— Владимир Иванович, скоро ли дойдем до о. Диксона?— наивно спрашивает писатель Семенов, наученный ребятами,

хорошо знавшими о том, что Воронин, как и все моряки, не выносит этого вопроса.

Нахмурился капитан, нервно, быстро замахал, точно отмахиваясь от вопросов руками, и недовольно, сдерживая себя, бросил:

— Либо час, либо день, а может быть и больше, если лед встретим. Вы вот что, дорогой, об этом меня никогда не спрашивайте...

И действительно, как можно предугадать, скоро ли «Сибиряков» доберется до материка? Сейчас, правда, чистая вода, но шторм, со встречным ветром, который тормозит ход... Ну, а если встретятся тяжелые льды? Кто тот пророк, который с точностью вам ответит о сроках прихода?

— Здесь Карское море, а не Октябрьская железная дорога,— бурчит под нос капитан.— Там имеется расписание, да и то опаздывают...

В нижней кают-компании — дружные взрывы хохота. Художники Лев Канторович и Решетников заканчивают иллюстрации номера первого «Ледовитого крокодила» — судовой сатирической стенгазеты. На вершине мачты в привязанной бочке, изображен капитан, рассматривающий горизонт в бинокль. А под рисунком подпись:

— Воронину милее дома — его воронино гнездо...

Здесь же рядом—шарж на секретаря экспедиции Муханова, изображенного с паршивым щенком «Пушоней», вечно переполненным блохами, на писателя Семенова, пишущего на осколке льдины новый роман «Наталья Сибирякова», на подрывника Малера, трусливо бегущего от своего аманала и т. д.

«Ледовитый крокодил» — в самые тяжелые минуты, даже во время аварии, не переставал выходить, доставляя много радости, заставляя хоть на минуту, но забыть о грядущей опасности.

В длинные вечера, когда незаходящее солнце не давало заснуть, устраивали вечера охотничьих рассказов. При чем рассказчику разрешалось врать сверх всякой совести, но с тем, чтобы история была красочно и увлекательно подана. Но первый вечер был сорван неожиданно разыгравшимся штормом, достигшим силы в 8 баллов. Появился сильный туман и едкая изморось. Широкие валы, отвесные водяные горы вырастали перед носом ледокола. Он то зарывался

в белоснежную пену, то, тяжело скрипя снастями, взлетал высоко, задирая вверх нос. Весь горизонт заполнился синими грядами волн с блестящими барашками на гребнях.

Из протекавшего иллюминатора каюты Шнейдерова настойчиво хлестала вода, устроив на полу целое болото, с плавающими туфлями и кюветками. С дикой злобой налетали разъярившиеся волны, осыпая каскадом брызг все и вся, вплоть до высокого капитанского мостика. Точно залпы орудий били волны в железные борта ледокола. От грохота закладывало уши, рев атрофировал слух. Ноги моментально деревянели, а голова трещала, наливалась тяжелым свинцом.

Хотелось поскорее пробраться к себе на койку и спать, спать без конца.

Особенно плохо приходилось коровам, едва прикрытым тонким брезентом. Черный бык стоял с дрожащими ногами, опустив голову низко к земле и закрыв глаза, боясь взглянуть на огромные водяные горы, врывающиеся на палубу. Рядом стоящая рыжая корова усердно лизала ему морду и шею, точно пытаясь утешить.

К качке трудно привыкнуть, но однажды привыкнув—переносишь ее очень легко, постоянно чувствуя нудное раскачивание в распухшей голове. Только спокойные, видавшие виды матросы, ловко лавируя меж закрепленных ящиков и бочек, неслышно скользили по палубе, с обезьяньей ловкостью карабкались в паутине снастей, выполняя малейшее распоряжение вахтенного штурмана М. Г. Маркова.

Быстро пропал у всех аппетит, так что буфетчик Саша Лесков, с виртуозностью балансировавший огромными кастрюлями, доставляя их по крутой деревянной лесенке вниз, в твиндек, с горечью должен был относить окончательно застывший суп обратно на камбуз:

— Эх, вы,— стыдил он ученых,— спасовали,— есть не хотите. А вон, смотрите, команда — та в штормы ест за троих. У них только сейчас аппетит-то и разыгрался...

Пройдя остров Вернса с маяком на вершине, узкими кривыми проливами меж бухточек и заливов, «Сибиряков» подходил к о. Диксон, расположенному невдалеке от устья сибирской реки Енисея. Больше льдов мы так и не видели, не видели и тяжелых условий, о которых пророчествовали моряки с ледокола «Ленин».

НА ОСТРОВЕ ДИКСОН

В сильную изморось и туман из клюза «Сибирякова» в воду шлепнулся якорь. Остров Диксон — к нему мы пришли пополнить наши запасы угля для предстоящего похода к Северной Земле. На крошечной моторке, с легкостью щепки взлетая на вздыбленных волнах, обдаваемые холодными солеными брызгами, съехали мы на голый пустынный, черный от гальки берег. Весь остров расчерчен большими холмами. Топь и трясина. К морю звонко несут свои воды кристально-чистые ручейки. Мох, лишайники, веками разрушенные огромные скалы — вот картина, развернувшаяся нашим глазам.

Вдали на горе уперлась в небо длинная стрела антенны радиостанции Диксона. Но к ней не пробраться. От нас она отделена широким и длинным заливом.

У подножья крутого холма, с кучами нерастаявшего прошлогоднего снега, по которому спускаемся на подошвах ботинок, как на коньках, прилепились крошечные, наспех сооруженные домишки и бараки. Кругом в беспорядке целыми кучами навалены кости, черепа и огромные ребра белух. Здесь же и добыча — огромные жирные бело-пятнистые шкуры, развешанные для просушки на стенах домов.

От первого дома, через перешеек, по бочкам перекинуты доски. Они ведут к островку, где еще два жилья — дом, огромная парусиновая палатка и сложенная из дерна кладовая-землянка. Тонкие жестяные трубы приветливо попыхивают дымком. Окончательно промокнув, мы не выдерживаем, открываем тяжелую дверь и заходим в барак.

Посредине топится большая железная печь. Кругом — нары с отдыхающими промышленниками-зверобоями, среди которых мелькает ярко-алая повязка девушки. На веревках — только что стиранное мокрое белье. Жаркий, душный, спертый воздух.

— Батюшки, люди! — встречают нас удивленными возгласами,— откуда будете?

— С «Сибирякова»...

— Знаем, знаем, с Архангельска, значит. Мы сами оттудова...

Нас разглядывают, словно зверей, желая узнать цель приезда, а спросить, видно, неловко.

— Вот познакомьтесь, Маруся—член нашей артели зверобоев,— похлопывая по плечу смущенную, неловко закрывающуюся рукой и теребящую фартук девушку, говорит председатель, огромный, с обветренным, красным, пышащим могучим здоровьем лицом.

— А почему приехали?—не удерживается Маруся, — аль промышлять?

Мы рассказываем о целях нашей экспедиции, попутно заявляя, что конкурировать в охоте на белух с ними не будем. Это заявление, видимо, с нетерпением и ждали зверобои. Вздох облегчения пронесся по бараку. Значит, приехали друзья, не соперники, намеревающиеся завладеть промысловым районом.

— Ну, как, много набили?

— Да, уже есть. Расходы на поездку оправдали, 9 шкур вон сохнет на воле. А там — там, что бог даст,— басит седой угрюмый старик, попыхивая наивонючейшим табаком в мире,— как будет погода.

— А вы куда ж дальше-то? Никак к Северной Земле?— задает он вопрос и, получив утвердительный ответ, оживляется.—Ну, передайте тогда поклон Сереге Журавлеву — он мне сродственник, зимует там с Ушаковым, охотником...

Куда, в какие только неведомые края не заносит судьба зверобоя! На утлых лодочках, под парусами пробираются поморы в самое сердце Арктики за зверем, рискуя жизнью буквально на каждом шагу.

— Ну, это ничего,— шамкает старик,— сызмальства такая специальность...

День и ночь, круглые сутки на высокой скале, обдуваемый резким нордом, стоит часовой, следящий за ходом белух, носящихся за мелкой рыбешкой вдоль островов.

Наевшись досыта, заходят огромные 60-пудовые звери в залив. И тогда часовой поднимает тревогу. Вся артель, как один, бросается к лодкам, чтобы успеть перегородить бухту сетями, чтобы не выпустить в море драгоценную добычу.

Затем начинается охота. Зверобои целятся не в белуху, которая настолько жирна, что пуля ей много не повредит, а в точку моря впереди нее, с тем, чтобы всплеск ударившейся в воду пули заставил зверя отклонить свой путь к

берегу. Так посылается пуля за пулей, пока испуганное животное не выйдет на мелкое место, где его метким выстрелом в голову, убивают наповал.

Надо сказать, что при таком способе охоты иной раз тратится более 100 патронов. Но промысел белух чрезвычайно рентабелен, ибо дает колоссальное количество технического жира, имеющего большое применение в нашей промышленности.

— А дохтур у вас есть? — раздается с нар голос другого старика. — Хворь на меня напала, ноги опухли, да и одышка. Работать не могу и артели обуза. Облегчили б меня, я и поехал бы с первым пароходом в Архангельск. Помор я, с той стороны...

Но тут поднимается шум. С нар быстро вскакивают члены артели, горячо протестуя против отъезда старика.

— Вздор мелешь, Фролыч,— сурово заявляет председатель.—Людьми мы дорожим. Артели нужны рабочие руки. А что заболел — не беда, со всяким бывает. Поправишься, да и дохтур приедет — подмогнет. А вот насчет того, что ты артели обуза — это ты брось, людей обижаешь. Авось обчество одного-то прокормит.

Мы заверили, что завтра же утром прекрасный специалист, кремлевский врач Л. Ф. Лимчер непременно будет у больного и, попробовав любезно предложенное угощение — жирного розового омуля — вернулись к моторке и двинулись к большому заливу, где расположена полярная станция Диксона: надо было представиться местным властям.

Невдалеке от берега, на якорях стоят два суденышка — речной пароход с Енисея «Боцман Лайне» и старая облезлая шхуна «Буденный», развозящая продовольствие по становищам зверобоев, которых в этом году особенно много у Диксона.

На крутом, обрывистом берегу—целым селением раскинулась правительственная радиостанция. В центре — гигантская мачта с паутиной креплений и проволок, а несколько поодаль — сама станция с вывеской у входа.

«СССР. НКВМ. Радиостанция УБЕКОСИБИРИ — «Диксон».

Заходим внутрь и попадаем в разгар работы. Идет обивка стен железом и передача радиостанции новой смене колонистов.

— Начальник станции Матюшкин,— представляется худой с утомленным лицом человек.—А вот начальник новой колонии Крупин,—рекомендует он полного, в рабочей робе зимовщика, старого полярника, в шестой раз едущего на Север.

— Зимовка прошла вполне благополучно. Все здоровы и бодры, но медведя и песца что-то было маловато...

Около станции, в небольших конурах, на привязи, сидят ездовые собаки. Бурным визгом, разноголосым хором приветствуют они нас — неожиданных гостей, ласкаются, виляют хвостами и лижут руки.

Остроносые, с торчащими кверху ушами, белыми, бесцветными глазами, они всячески стараются обратить наше внимание в их сторону, тщетно надеясь, что спустят с ненавистных цепей. На привязи сидят только взрослые лайки, а неуклюжий молодняк свободно расхаживает по всей территории.

Около нелепого деревянного строения, которое должно изображать маяк, с фонарем и колоколом, выстроено специальное зимнее помещение для собак. Здесь для каждого пса отдельный загон, затем общий коридор и выход в уборную.

— Полюбуйтесь, товарищи,— хвастается Крупин, — какая тут идеальная чистота. Здесь, в своей конуре собака не оставит куска грязи, так уж приучены к гигиене...

В центре холма большой и вместительный дом, желтой облезлой окраски с просторными и высокими комнатами и, что поразительнее всего для севера — оштукатуренными. Здесь жилище колонистов станции, их жен и детей. В общей кают-компании кто-то пытается из вдребезги разбитого пианино выдавить звуки бравурного марша. В синих рабочих блузах, засучив рукава, с жадностью уплетают жирные щи два механика, только что окончившие работу. Рядом играют в шахматы, а в углу ребята разыскивают нужную книгу в библиотечном шкафу.

Эта станция поражает своими размерами. Когда-то Норденшельд, посетивший о. Диксон, сказал:

— Я уверен, что придет время, когда у Диксоновской пристани будут находиться большие склады и круглый год обитаемые жилища.

Время пришло, но вместе с ним пришли и новые люди, по-большевистски взявшиеся за освоение Арктики. Здесь, на Диксоне, мы впервые видим так фундаментально построенную колонию, не деревянный, разборный, как обычно в Арктике, а каменный, прочный дом. У каждого члена колонии своя собственная отдельная комната с необходимой обстановкой. Это дает возможность во время зимовки регулярно вести научные работы, заниматься самообразованием, или, устав от галдежа, от одних и тех же лиц, кото́рые уже, возможно, приелись, просто посидеть одному, побыть со своими задушевными мыслями.

На крутом берегу расположился небольшой заводик, вырабатывающий колбасу из белушьего мяса. По заявлению экспертов, несмотря на то, что колбаса мрачно-черного цвета и несколько отдает рыбой, она пользуется большой популярностью у жителей северных окраин Союза.

Нас просят расписаться в книге почетных посетителей радиостанции. Старая засаленная тетрадь хранит в себе много исторических подписей: 1915 г. — сподвижник Фритьофа Нансена — капитан Свердруп, прошедший путь, по которому идет сейчас «Сибиряков»; флигель-адъютант Вилькицкий; участник экспедиции Георгия Седова на Землю Франца Иосифа, «основатель поселка», как он себя именует, коллежский асессор Кушаков; известные советские полярные гидрографы Евгенов, Лавров; 1 сентября 1918 г. — неутомимый Роальд Амундсен, прошедший Северо-Восточный Проход на судне «Мод», 1922 г.—горный инженер, адьюнкт геолог Н. Н. Урванцев, позднее зимовщик первого человеческого поселения на Северной Земле, и наконец — славная четверка — летчики Комсеверопути — Чухновский, Алексеев, Страубе и Шелагин — полный состав исторического самолета «Красный медведь», нашедшего в 1928 г. группу итальянцев из экспедиции Нобиле.

На одной из страниц — цветная зарисовка и надпись:

«Диффракционная корона, вокруг луны, наблюдавшаяся 1 октября 1920 г. в 22 ч. 10 м., сопутствуемая идиотски-глупым, беспредельно-унылым вытьем собак, часть коих упряталась в конуры. Я же принужден был сменить белье, так как явление это было весьма страшно.
М. Тимофеевский».

— Я полагаю,— говорит Крупин,— что здесь кто-то зло подшутил, ибо, обратите внимание — первая часть записки написана по старой орфографии с твердыми знаками и ятями, а вторая — по новой. Это, видимо, забавлялся один из позднейших зимовщиков о. Диксон.

Просматривая вторично тетрадь, О. Ю. Шмидт неожиданно обнаружил подпись помощника туруханского отдельного пристава Новицкого. Здесь поднялся дикий безудержный хохот.

— Ах, так,—разыгрывая, приставали ребята к нашему экспедиционному фотографу Новицкому,— свое прошлое скрывать. Хорошо, дневник помог тебя вывести на чистую воду.

— Петя, расскажи, ты ходил в эполетах? А какие шпоры носил? «Малиновый звон» или «дамский шопот»?

Начальник экспедиции О. Ю. Шмидт написал в журнале следующее:

«Сердечный привет энергичному персоналу Диксона — форпоста социалистического строительства. Экспедиция Северо-Восточного Прохода на ледоколе «Сибиряков». 3 августа 1932 г. Шмидт и другие.

Распрощавшись с колонистами и пригласив их в гости на борт «Сибирякова», мы вернулись на ледокол, где дежурный радист Гиршевич обрадовал новостью. Летчик Иванов сообщал, что 2 августа он вылетел из с. Карельского и через 45 мин. благополучно снизился в Архангельске. 4 августа он предполагает вылететь в бухту Варнека и оттуда к нам — на Диксон.

На душе было радостно — значит, есть еще шанс иметь надежную воздушную разведку при прохождении тяжелых льдов там, впереди.

Ночью на ледоколе было тревожное настроение. Накануне вечером на берег съехала группа охотников — завхоз Малашенко, оператор Трояновский, зам. нач. экспедиции по административной части Копусов, охотник Чачба и др., которые обязаны были, согласно инструкции Шмидта, вернуться на судно не позднее 6 часов утра.

За ночь разыгрался сильнейший шторм, достигший в море силы 10 баллов. Густой непроницаемый туман ликвидировал всякую видимость. По глубокому извилистому заливу разгулялись огромные волны, раскачав хорошо укры-

того в бухте, сильно груженного «Сибирякова». Весь берег был в белой пенной кайме от взлетающих брызг, развеваемых сильным нордом.

С ближайшего островка послышались выстрелы и сквозь разодранную вуаль тумана, на момент, показались 4 мечущиеся по берегу крошечные фигурки.

А где ж остальные?

В голову полезли самые злые предположения: в дикий шторм пробирались на крошечной моторке и утонули в волнах.

После короткого совещания с капитаном Шмидт по радио снесся с речным пароходом «Боцманом Лайне» и шхунами «Буденный» и «Бурный», прося их выйти на помощь. «Бурный» сразу отказался, заявив, что его маленькую посудину непременно зальет. «Буденный» же храбро вышел из бухты, но не смог выгрести против бешеных волн, сломить их сопротивление, и, промучившись в непосильной борьбе, принужден был вернуться на стоянку. Капитан же «Боцмана Лайне» дал Шмидту чрезвычайно оригинальный ответ:

— Помощь окажу, как только стихнет шторм,—на что наш начальник вполне резонно заявил, что тогда сибиряковцы сами, на шлюпках, доберутся до берега.

Видимо, ответ Шмидта сильно ударил по самолюбию речников, ибо через полтора часа «Боцман Лайне» без вызова вышел из бухты. К этому времени шторм начал стихать и охотники, бросив на берегу дымный костер, на веслах стали добираться к ледоколу. По дороге их перехватил «Боцман Лайне» и доставил на борт «Сибирякова».

По рассказам дело произошло следующим образом: на берегу охотники набрели на становище рыбаков, принявших их очень радушно, угостивших чаем и прекрасной рыбой—омулем. Ребята, надеясь быть к утру на ледоколе, с охотой отдали хозяевам все свои папиросы, хлеб и продукты, получив взамен несколько омулей, которых решили привезти на ледокол. Ночью, под руководством проводника, пошли бить диких оленей, но, кроме нескольких уток, которых, кстати сказать, Чачба пулей бил в лет, никого не встретили. Под утро сделали попытку добраться на моторке до судна, но тут поднялись огромные волны, перехлестывавшие через лодку. Все моментально промокли до нитки,

ежеминутно ожидая, что моторку перевернет. Тут Чачба, слывший храбрым, неустрашимым охотником, вдруг неожиданно завопил:

— Не хочу в море тонуть, вези немедленно на берег...

Уговаривать его было бесполезно. Человек был возбужден до предела. Вышли на берег, при помощи пороха и выстрелов под проливным дождем развели костер и без хлеба и соли, с жадностью лопали поджаренных на углях омулей. Чтобы согреться, устроили стрельбу в цель, где завхоз Малашенко, пространно рассказывавший о том, что он снайпер, сверх ожидания показал нулевые результаты.

Нахмурившегося, помрачневшего Чачбу долго разыгрывали, намекая на его трусость и водобоязнь.

— Как же это ты опозорился, Чачь? — приставали ребята.

Чачба не выдержал и, побледнев от злости, показал едва сгибающуюся в локте перебитую пулей правую руку.

— Поняли теперь, почему вода боюсь? Дураки — плавать я не могу, как камень пошел бы на дно...

И тут же рассказал совершенно удивительную историю, в результате которой он потерял свою руку.

— В старых Гаграх, в Абхазии мой лучший друг и приятель целый год ухаживал за красивая девушка. Он потратил на нее все свои деньги, делал дорогие подарки, но она вдруг ему отказала и приготовилась выйти замуж за другого. Увидал я такая картина, и решил вместе с семерыми приятелями помочь неудачливому жениху. Мы хотели привезти ее силой к жениху. Ну, конечно, поехали в горы.

— На чем же ехали, верхом? — любопытствует художник Решетников, рисуя себе захватывающую картину похищения горцами девушки.

— Зачем верхом,—удивляется Чачба. —Поехали на извозчиках. О нашем приезде был предупрежден жених, поспешивший в горы на помощь невесте, и администрация (власти). Ну, дальше все произошло очень быстро. На полдороге мы встретили администрацию и обезоружили их, а затворы винтовок покидали в пропасть. Потом добрались до дому невесты, здесь был мал-мала бой, троих мы убили (Чачба здесь рассказывает как бы мимоходом не суть важную подробность), мне влепили пулю в локоть. А

девушку мы все-таки увезли, и она сейчас живет с мужем хорошо и имеет два ребенка. Вот мы как на Кавказе стоим за товарищи.

— Ну, а вам так и ничего не было за убийство?— не унимается Решетников.

— А за что было? Мы были правы, только я отсидел 4 месяца в тюрьме за то, что затворы покидал в пропасть, а так бы и ничего...

Охотники привезли с собой птенца-буревестника, которого устроили в общую клетку с петухом киношников, а Муханов — молодого грязно-бурого песца.

— С большим трудом,— хвастался он,— я его поймал среди камней, совершенно измучившись...

Но впоследствии «храбрый» охотник был полностью разоблачен: песца он купил на становище рыбаков.

Вечером откормившиеся и отогревшиеся охотники начали очередные «арабские сказки», при чем, не сговорившись, врали наперебой: Копусов уверял, что за оленями ходили 30 километров, а Малашенко в азарте — все 70. Но все были рады, что эта история окончилась благополучно. Недоволен был только О. Ю. Шмидт.

— Пускай успокоятся,— заявил он,— а завтра закачу выговор.

Поздно вечером в верхней кают-компании разыгрывался очередной тур преферанса, как вдруг вбежал Кренкель и быстро сунул в руки капитану телеграмму, полученную с радиостанции Диксон.

«Диксон, аварийная, ледоколу «Сибиряков». 3 августа в 11 ч. дня в море из бухты Полынья унесена шлюпка и карбас с семью рыбаками. Просим вашей немедленной помощи розыске. Идем к вам на моторке».

Через несколько минут на палубе появились три колониста с радиостанции, нарисовавшие следующую картину: три рыбака плыли в шлюпке, как вдруг начался сильный шторм. Маленькую шлюпку немедленно опрокинуло, и люди оказались в воде. Тогда с берега на помощь бросился карбас с четырьмя людьми, который выловил рыбаков, пересадил их к себе и стал грести к берегу. Но выгрести против волны так и не смог. Шторм и дикий ветер их вскоре угнали за горизонт.

Нахмурился Шмидт, нервно провел рукой по своей пыш-

ной бороде и вдруг, разом, сорвавшись с места, выскочил из каюты, хлопнув дверью.

Наверху в радиорубке, длинными шагами вымеривая небольшой квадрат пола, он диктовал Кренкелю предложение — немедленно пройти «Боцману Лайне», «Бурному» или «Буденному» вдоль пролива, тщательно осмотреть берега, не перебрались ли на землю рыбаки, в свою очередь заверяя, что «Сибиряков» сейчас же пойдет мористее, чтобы обследовать открытое море.

— Когда выходите? — искрит радиостанция Диксон.

— Ледокол готов в 15 минут...

Быстро подняли якоря и в сильнейшем тумане, когда в 20 шагах от носа судна — непроглядная тьма, поминутно давая сигналы, ощупью двинулись к выходу в море.

— Нет, надо отсюда поскорее утекать, — улыбается Шмидт, — здесь Арктика, но населенная. Здесь слишком много объектов для спасания.

Десятки биноклей сверлят еле видимый горизонт. Где-то совсем далеко за тяжелыми тучами и плотным занавесом тумана — сиротливо маячит луна, не давая никакого света.

— Ну, как, не заметил ли чего подозрительного? — волнуется вахтенный штурман Сакс.

Да, как тут заметить, когда густой туман исключил всякую видимость. А тут еще волны — огромные вспененные валы, во всех направлениях расчертили Карское море. Разве можно увидеть тут крошечную шлюпку с унесенными людьми?

Раскачиваясь на волнах, зарываясь носом в студеную воду, тщательно обыскивал «Сибиряков» каждый участок моря — и тщетно. Рыбаков мы не видали. Наконец внезапно сгустившийся туман совершенно закрыл весь горизонт.

— Отто Юльевич, придется обождать, — как-то виновато, словно оправдываясь, доложил капитан. — Ни черта не видно, искать бесполезно...

В стали в дрейф, покачиваясь как в люльке. А бинокли попрежнему сверлят туманную даль, словно пытаясь приподнять темный занавес.

Снова пошли, держа курс вдоль побережья. Ежеминутно в штурманскую рубку вбегает возбужденный капитан, хватает карту, страшно ругается и снова бежит на верхний

мостик. Всю ночь проходил «Сибиряков» вдоль островов, забирался вглубь моря и напрасно: людей не было.

— Погибли, несчастные, — решил капитан, — разве мыслимо в этакую волну удержаться...

Утром в спокойную солнечную погоду мы возвратились к месту прежней стоянки и немедленно выехали на моторке к радиостанции. На берегу разговариваю с начальником радиостанции Крупиным о пропавших. Рядом — здоровая круглолицая баба с двумя малышами. Прислушалась к нашему разговору, подошла.

— А мой-то с ними не попал? — строгий испытующий взгляд.

— Не волнуйся, — успокаивает начальник, — твой ехал вон на тот берег, а бухта Полынья отсюда верст 25...

— А нет, пожалуй, и попал, — подходит мужчина в кепке, с оспенным лицом, — он хотел дня четыре назад с того берега ехать на Полынью.

Я обалдел от такой безжалостной откровенности. Понятно, что парень совсем не хотел сделать ей больно. Сказал он просто, от души все, что думал. Но женщина не моргнула и глазом. На лице — мертвая маска, ни капли страдания. Только, подняв малыша на руки, она его крепче прижала к груди.

Здесь на Севере — люди черствеют. Здесь привыкли смерти смотреть в глаза, видеть ее каждый день, каждую минуту и от нее не прятаться.

Отойдя в сторону, женщина стала задумчиво глядеть на дальний берег.

Лишь на третьи сутки, когда из уст в уста, от одного становища к другому дошла весть до радиостанции, мы узнали, что люди, обмерзнув, с нечеловеческими усилиями добрались до бухты и благополучно высадились на берег.

В моем дневнике, который я вел регулярно всю экспедицию, написано:

«Завтра утром ждем «Русанова». От Иванова нет никаких сведений, равно как и от угольщика «Вагланд» о выходе его из Маточкина Шара. Если б не эти задержки да плюс предстоящая минимум двухдневная перегрузка угля — мы бы давно были у Северной Земли. Во всяком случае ко времени относимся пренебрежительно. А кто

знает, возможно успех нашего похода во Владивосток как-раз и будет зависеть от нескольких дней...»

Но такой авторитет, как В. Ю. Визе, успокаивает:

— В этом году чем позднее мы будем у мыса Челюскина, тем лучше, ибо весна и лето — поздние.

6 августа, утром, как-то странно, без традиционных гудков и приветствий прибыл «Русанов». Капитан Ерохин, демонстрируя свое хорошее знакомство с заливом, не останавливаясь прошел мимо нас вглубь бухты и бросил якорь.

— Ишь, что выделывает, — хитро подмигивает глазом Воронин, наблюдая заход «Русанова» в бухту. — Нам нос утирает. Ну, да мы еще своего последнего слова ведь не сказали, верно?

Через час к борту «Сибирякова» пришвартовалась моторка, и по спущенному парадному трапу на палубу поднялись проф. Р. Л. Самойлович, капитан Ерохин, будущая начальница Земли Северной Н. Демме, будущий начальник радиостанции на мысе Челюскина доктор Б. Г. Георгиевский и радист Ойлев.

За столом кают-компании, по предложению О. Ю. Шмидта, был утвержден совместный научноисследовательский рейс обоих ледоколов к о. Свердрупа. Шмидт рассуждал весьма правильно:

— Угольщик «Вагланд» еще не пришел. У нас есть свободное время, которое можно блестяще использовать для производства научных работ в районе Карского моря, наименее изученном советскими экспедициями. К тому же сам о. Свердрупа является белым пятном на арктических картах. Дело в том, что его однажды издали видел Нансен во время плавания на «Фраме», назвав в честь своего капитана о. Свердрупа, второй раз — сам Свердруп, находясь на русской службе, и в третий раз — сверху самолет Комсеверопути. Но никогда еще на этот далекий осколок материка не ступала нога человека.

Вечером, приняв на борт неудачных охотников Чачбу и Марата, в течение суток искавших диких оленей, оба ледокола, миновав длинный залив, вышли в открытое море и разошлись в стороны. Согласно договоренности, «Сибиряков» и «Русанов» пошли разными курсами, делая два параллельных гидрологических разреза Карского моря.

Никогда еще «ледяной мешок» не видел в своих холод-

ных водах столь богатой научной экспедиции. Целые сутки, беспрерывно останавливаясь на продолжительные научные станции, шли работы — измерялась глубина, брались пробы грунта дна, планктон, определялась температура воды, воздуха, направления ветров и т. д.

Впервые в истории исследования Арктики советские экспедиции осваивали далекий полярный бассейн, о котором науке ничего не было известно. Отныне этот район надо считать мореходным, ибо на карты и морские лоции нанесены точные промеры глубин, отмелей, подводных скал и рифов.

8 августа, в глубокую полночь, когда большинство членов экспедиции, свободных от научных вахт, пользуясь спокойной погодой, безмятежно спали, в кают-компании раздался радостный крик И. А. Копусова:

— Эй, вы, сони, остров Свердрупа проспите...

Вдали у самого горизонта, обливаясь потоками алых лучей утренней зорьки,— чуть видная, изменяемая рефракцией, кайма черного берега. Издали кажется, будто у большого острова — ряд мелких, не соединенных друг с другом кусочков земли. Но 40-кратный капитанский «Цейс», установленный на верхнем мостике, спешит разоблачить: остров один, далеко растянувшийся вдоль горизонта.

— Обман зрения,— поясняет боцман Загорский,— здесь это часто бывает.

И верно. Бывало чудится в голубом тумане, где-то вдали черный пунктир— точки скал, вкрапленных в лед. Впечатление — подлинной земли, застывшей в тяжелых объятиях ледников. Но сон пропадает и черные точки оказываются отражением чистой воды, белые же пятна — пловучими полями льда.

Или еще. На горизонте за торосистым полем виднеется тихий пруд, спокойная заводь, подернутая легким облачком дымки. Так стелется туман в ясный морозный вечер над озером где-нибудь под Москвой. За прудом — тонкие стволы стройного леса, блики деревьев, отражающиеся в зеркале воды. На момент забываешь об Арктике и мысленно переносишься туда, далеко, где солнце, тепло. Но мираж пропадает. Деревья оказываются отвесом расчерченных морщинами трещин ледников, а тихая заводь — обыкновенным туманом. Этот зрительный обман буквально заставляет

не верить своим собственным глазам, которые убеждены в противоположном.

Так-то усталых, изнуренных исследователей коварный мираж окрыляет эфемерной мечтой, несбыточными надеждами.

К полудню на ледоколе случилась тревога. Сильно выругавшись, капитан рванул ручку телеграфа на «стоп» и стремительно побежал вниз, где матрос при помощи лота измерял глубину.

— Пять сажен,— крикнул матрос.

— Пять сажен,—подтвердил Марат, определявший глубину при помощи специального аппарата эхолота.

«Сибиряков» с осадкой в 3,5 сажен едва не налетел на банку. Дальше итти было опасно, ибо мели могли простираться на довольно значительное расстояние, а границы их никому и никогда не были ведомы.

В воду спустили моторку. На разведку выехал старший штурман Ю. К. Хлебников, захватив с собою компас, лот и деревянную доску.

— Доска эта — для записи измеренных глубин,— смеется он,— по крайней мере вода не размочит...

Прыгая на волнах мертвой зыби, моторка ушла по направлению к острову и вскоре потонула в тумане. Два часа тщательно ощупывали они дно Карского моря, выбирая наиболее удобный путь для прохода ледоколу. Всего каких-нибудь 5—6 миль не дошли они до самого острова, убедившись, что глубины к берегу неизменно повышаются.

Снова выбрали якорь и на тихом ходу, ежеминутно закидывая лот, начали сползать с банки, которую ребята немедленно окрестили «банкой имени полярного фотографа Новицкого».

В. И. Воронин был возбужден до крайности: ведь в любую минуту наш сильно груженный ледокол мог застрять и надолго. Кто нам окажет помощь в этом районе, если мы сами не сможем сняться. Разве «Русанов»? Но гордость и самолюбие лучшего капитана Советского Севера, привыкшего подавать другим свою руку в несчастьях, отбрасывала эту мысль как недостойную.

Вот как медленно и осторожно слезал «Сибиряков» с мели, выбираясь на глубокую воду. Запись промеров:

«5,5 сажен, 5,75 сажен, 5,75 саж., 6 саж., 6 саж.,

6,5 саж., 7 саж., 7 саж., 8 саж. 8,5 саж., 10,5 саж. а дальше — и 12 саж. пронесло.

— Ну, кажется, вылезли из грязной истории,— облегченно вздохнув, словно свалив со своих широких плеч огромную тяжесть, говорит капитан,— будем в другой раз осторожнее.

С первого момента захода «Сибирякова» в мало-изученные наукой районы, у Воронина — капитана старой школы, привыкшего доверять приборам и инструментам, которыми пользовались его деды, был большой спор с эхолотом, новейшим достижением западной техники.

— Эхолот — эхолотом,— упрямо твердил он, правда, прислушиваясь все же к показаниям Марата,— а лот — все-таки киньте. Рука — она вернее отметит.

Надо сказать, что сомнениям капитана помог и сам эхолот, первое время безобразно работавший, путавший показатели глубин. Но потом работа наладилась, да так хорошо, что сам капитан, несмотря на свой неуемный характер, должен был сдаться и прекратить измерения ручным лотом. Так до самого берега и подходили, руководствуясь механическим прибором.

— Ничего не поделаешь — техника победила,— улыбаясь заявил он.

Глубины оказались довольно надежными, так что «Сибиряков» сумел подойти к острову на расстояние полутора миль и бросить якорь. А к этому времени «Русанов», которого мы едва видели дымящим на горизонте, уже достиг о. Свердрупа и успел высадить людей, о чем не преминул сообщить проф. Р. Л. Самойлович по радио.

Быстро заправив моторку, прыгая по волнам и обливаясь пеной, мы выехали к длинному, растянувшемуся берегу. Художник Федя Решетников, первым выпрыгнувший с лодки на мокрый песчаный грунт, начал дико плясать.

— Я первый человек, вступивший на эту землю. Вот моя нога отпечаталась на песке. Писатели, киношники — фиксируйте этот исторический момент в назидание вашим потомкам.

О. Свердрупа оказался мрачным и пустынным осколком материка, оставляющим самое гнетущее впечатление. Отлогий песчаный берег с массой старого полуразвалившегося от времени плавника, т. е. леса, пригнанного сюда течениями

с берегов Сибири, серый неприглядный ландшафт, топкий песок, в котором вязнут ноги, зеленые, редкие островки кочек, с жалкой хилой травкой и белыми чахлыми цветами — полярным маком.

Наши ученые разбрелись по острову для производства астрономических наблюдений и топографической съемки. Их крошечные фигурки целый день можно было видеть бродящими по острову или копающимися в земле.

Расставив треугольник, пригнулся к аппарату географ Я. Я. Гаккель, делая засъемку побережья. В широкой панаме и прорезиненном легком пальто вдали ходит И. Л. Русинова.

— Ну, как, там у вас лучше, или такая же пакость?— кричит она Гаккелю, видимо разочаровавшись в прелестях новой территории Советского Союза.

— Такая же,— несется машинальный невозмутимый ответ Гаккеля, увлеченного своей работой и не желающего отрываться от аппарата, чтобы поглядеть, что творится вокруг него.

На мокром песке много свежих следов медведя и песца. Ясно видны даже когти.

— Здесь дело для меня найдется,— буркнул охотник Чачба и, бросив всех, быстрыми шагами направился вглубь острова, за холмы.

— Остров мертвых,— кто-то дает наименование этому мрачному отрезку материка.

И верно, даже птиц, обычно густо населяющих полярные земли, здесь нет, если не считать пролетевших трех чаек, поморника и серого куличка. Остров мертвых — это название еще крепче за ним утвердилось, когда на берегу мы обнаружили остатки двух разорванных медведей и кало, с белой медвежьей шерстью. Позднее, когда мы убили одного матерого самца и, распоров ему живот, не только не обнаружили каких-либо остатков пищи, но даже желудочного сока, мы поняли, что здесь, на этом мрачном островке, когда-то разыгралась своеобразная тяжелая медвежья трагедия.

Дело в том, что ежегодно, осенью, с севера на Карское море надвигаются гигантские ледяные поля. Вместе со льдом к югу движется небольшая рыбешка — сайка. За сайкой в поисках пищи стремится тюлень, а за тюленем — в

поисках пищи — медведь. Вот таков последовательный порядок передвижения зверя на Севере.

С наступлением теплой весенней погоды льды под действием солнечных лучей отходят обратно на север. За льдами уходит сайка, за сайкой тюлени. А медведи, видимо, зазевались и упустили ледяные поля. Вообще говоря, медведь плавает великолепно, но большие расстояния он переплывать не рискует. Видимо, здесь, на о. Свердрупа так и случилось. Медведи были принуждены летовать на земле, не имея прочной продовольственной базы. В результате им ничего другого не оставалось, как беспощадно уничтожать друг друга, что они, повидимому, с успехом и проделывали. Во всяком случае эта гипотеза была единственной, получившей признание у наших специалистов — научных работников.

Вооруженные винтовками на случай встречи со зверем, утопая в мокром песке, тихо плетемся по острову, взяв направление в глубь к противоположному берегу. Нестерпимо жарко. Яркое солнце с совершенно безоблачного неба расточительно шлет свои совсем несеверные лучи. Пот обильно покрыл каплями лица, промочил теплые шерстяные фуфайки.

Не доходя до средины острова, видим вдали, на пригорке, чья-то маленькая фигурка отчаянно машет руками, стараясь обратить на себя наше внимание.

Подбегаем ближе — Чачба, в своем сожженном солнцем авиационном шлеме.

— Скорее, сюда, есть что вам показать,— возбужденно кричит он.

Вбегаем на горку и видим в долине у небольшой высохшей, едва точащей скудные воды речки — лежит белый гигант — медведь. Оказывается, Чачба едва вылез на берег, его сразу заметил и побежал по следам. Медведь, почувствовав погоню, стал удирать, так что страстному охотнику пришлось гнаться за ним более двух километров.

— Бегу я за ним,— волнуясь рассказывает Чачба,— и вдруг вижу — с того берега, наперерез медведю — бежит участник экспедиции «Русанова». Ну, думаю, перебьет он у меня зверя, и так мне стало досадно, что передать тяжело. К счастью, медведь остановился на пригорке. Воспользовавшись моментом, я выстрелил и попал ему пулей в бок на вылет. Ой, как замурчал зверь, даже страшно стало, и по-

валился. Тогда я ему вторую пулю для верности всадил, ну, он и подох.

Зверь оказался огромным экземпляром с прекрасной пушистой шкурой, но с совершенно пустым желудком. Немедленно по распоряжению О. Ю. Шмидта все занялись разделкой шкуры с тем, чтобы мягкие части животного перенести на ледокол, в подарок нашему коку.

В самый разгар работы подошел проф. Р. Л. Самойлович, собиравший образцы горных пород. Но на этот раз даже изысканно вежливый О. Ю. Шмидт не смог пожать ему руку, ибо являл собою вид самого заправского окровавленного мясника.

Здесь, на далеком отрезке материка, среди необозримых песков два руководителя полярных экспедиций Союза, выполняющие колоссальную работу по освоению Арктики, договорились о дальнейших планах исследований. Было решено, что «Сибиряков» и «Русанов» на обратном пути к о. Диксон разными курсами произведут два новых гидрологических разреза.

Р. Л. Самойлович сообщил, что медведь, убитый Чачбой, это уже третий по счету, виденный за этот день. Один молодой, несмотря на настойчивые преследования, удрал, а другого, старого, подранил русановец, а добил сибиряковский гидробиолог Ратовский, при чем ударил прикладом винтоки, разбив вдребезги ложе о крепкую голову.

Погрузив на плечи огромные куски мяса, мы двинулись к берегу, где была организована шумная охотничья пирушка. На дымном, разложенном на плавнике костре — поджаривали шашлыки, растбиф, запивая глотками коньяка, заставив Чачбу в ознаменование победы исполнить «Молитву Шамиля». А с жадностью набросившийся на полусырое мясо Муханов до того объелся, что принужден был несколько дней пролежать в постели.

Между тем небо покрылось темными тучами. Неожиданно сорвавшийся откуда-то ветер закрутил огромные волны.

— Ну, вот попали, сейчас разразится гроза или шторм,— поглядев на небо, заключил машинист И. Макаров.

Начался отлив. Кругом обнажились широкие мели. Шторм возрастал с бешеной быстротой, расчертив морщинами пенное море. С ледокола — тревожные завывающие гудки: «Возвращайся немедленно».

— Ох, наверно и капитан же нас костит за то, что зазевались!— хлопая себя по затылку, говорит матрос В. Пузанков,— новой тревоги ему еще нехватало...

Широкие мели не пускают глубоко сидящую лодку к отлогому берегу. Пришлось лезть в студеную воду и по пояс выводить ее метров за 50 от земли до глубокого места. Кое-как первая шлюпка «Малютка» ушла, но на полдороге заглох мотор, и ее пришлось другой моторке подтаскивать к «Сибирякову». Вымокли все до нитки. Открытую лодку заливало фонтаном ледяных брызг, в ногах хлюпала и тяжело переливалась вода. Особенно было трудно перебраться на трап: лодку качало, с силой бросало об борт, так что режиссер Шнейдеров, промахнувшись ногой, едва не угодил с головой в воду.

Капитан встретил мрачный и злой, не пожелав даже справиться о результатах научных работ, всегда интересовавших его как моряка и полярного судоводителя.

Немедленно были подняты якоря и, тяжело раскачиваясь на волнах, «Сибиряков» пошел к о. Диксон, делая остановки для научных вахт. К вечеру разыгралась крупная зыбь. Синие волны в ожесточении били в стекла иллюминаторов, просачиваясь в каюты. После экскурсии безумно хотелось спать, а спать было немыслимо. Ледокол неожиданно вставал боком и все тело беспомощно припадало к ногам или наоборот — голова больно билась о стенку.

У о. Диксон получили приятные новости: угольщик «Вагланд» прошел ледяные поля и самостоятельно, без помощи «Ленина» идет на соединение с нами. Летчик же Иванов вылетел из Архангельска, предполагая сделать посадку на Каниной Земле, чтобы немедленно двинуться к о. Диксон.

10 августа, после долгих ожиданий наконец-то пришел угольщик «Вагланд». Он сидел высоко. Его красная полоса ватер-линии была над водой. Видимо ленинцы с большим старанием уменьшали угольные запасы, предназначенные для нас.

Медленно подходил «Вагланд» к нашему борту. На верхних мостиках появились оба капитана — В. И. Воронин и седой, маленький, с энергичным лицом норвежец. Приложив руку к козырьку форменной фуражки, которую Воронин надел по случаю торжества, с блестящим значком Совторг-

флота, он неожиданно для всех заговорил на чистом английском языке:

— Доброе утро, каптэн, сколько угля везете?

Никто никогда не замечал лингвинистических способностей у нашего капитана, он никогда не щеголял и не бравировал знанием английского языка. Судьба забрасывает моряка в разные страны и, видимо, язык у него становится интернациональным.

Не теряя ни минуты, приступили к перегрузке угля. Вся команда разделилась на две бригады, получив задание погрузить около 300 тонн в течение 36 часов, или по 80 тонн в 4-часовую смену. Сверх ожиданий бригада штурмана Ю. К. Хлебникова, уверявшая, что норма настолько большая, что ее вряд ли кто выполнит, дружно принявшись за дело, перегрузила 83 тонны, а бригада штурмана М. Г. Маркова — даже 91 тонну. Началось соцсоревнование. В перегрузку вошло несколько добровольцев — членов экспедиции и ученых. Вышел специальный бюллетень «За уголь». Норма давно уже была перевыполнена. Ударные бригады лихо перекрывали все плановые наметки.

Этот первый аврал был прекрасным экзаменом для будущих тяжелых работ, когда ледокол попал в затруднительное положение. Уже здесь выявился основной костяк крепких, преданных людей, готовых отдать все свои силы на любой работе, во имя выполнения задания партии и правительства. И лучшим среди лучших — передовым среди ударников-ученых — был химик Б. П. Брунс, показавший блестящий пример на простой, черновой, но сугубо-необходимой работе.

Через сутки погрузка угля была закончена. Все полно ценным топливом — трюмы, карманы судна. Даже на полубаке, рядом с загонами для коров — рассыпаны кучи угля.

Вечером в верхней кают-компании был организован официальный прием начальства и радистов о. Диксон. Приехали — важные, в форменках с золотыми пуговицами. Говорили медленно, солидно, с расстановкой, равно, как и пили. Рассказали много интересных вещей.

Социалистический город Игарка, выстроенный в пустынной тундре, недалеко от устья р. Енисея при советской власти, насчитывает уже сейчас 12 тысяч населения. Всего месяц назад диксоновцы ели там парниковую редиску и гря-

довую капусту — это в городе-то, расположенном далеко за Полярным кругом. А одному из них даже преподнесли букет свежей гвоздики.

— Чудеса делает советская власть на Севере,—восторгались они,— город растет, ширится. Сооружен прекрасный морской порт, работают мощные лесозаводы, обрабатывающие древесину на экспорт, консервные фабрики, кирпичные заводы и т. д. Люди прижились, освоились и не хотят ехать на юг. В их распоряжении — театры, кино, клубы и общественные столовые. Ну, что, думается, еще нужно человеку?

Разговорились о зверях. Начальник станции Диксон т. Крупин рассказал, как один медведь повадился заходить в небольшое промысловое становище. Напугает всех, загонит в баню, а сам залезет на крышу и орет от злости. Раз как-то пошел старик за водой, повесив предусмотрительно винтовку на спину. Только нагнулся воды зачерпнуть, вдруг, видит, в десяти шагах от него стоит готовый к прыжку медведь. «Ратуйте, православные»,— не своим голосом завопил старик и, бросив ведра, побежал к дому, а медведь, испугавшись визгливого голоса — в противоположную сторону. Так винтовка старику и не пригодилась. Страх был сильнее разума.

Раздался дружный хохот, грохот простуженных на диких северных ветрах басов. И вдруг отчаянно-радостный крик:

— Ура, самолет — Иванов прилетел...

Как угорелые выскакиваем на палубу и мчимся на корму, где сооружена самолетная площадка.

Низко над волнами распластала свои стальные крылья, кренясь на правый борт, огромная птица. От радости, от возбуждения, шума мотора, красоты картины и мощи стального гиганта мы не удерживаемся и во все горло орем что-то несвязное. Сверху приветливо машут рукой. Сделав широкий круг против ветра, самолет сел в бухточке у бензиновой базы радиостанции.

Но радость и ликование были кратковременными. К полному нашему разочарованию воздушный гость оказался не страстно-ожидаемым Ивановым, а летчиками Алексеевым и Козловым на самолете «Комсеверопуть — 2».

— Иванову нас больше не догнать, — коротко конста-

тировал капитан,—завтра ухожу в море и дальше—к Земле Северной...

В последний раз навестили угрюмые берега о. Диксон. Шмидт, Самойлович, Визе, Воронин, Лимчер и я съехали на островок навестить могилу одного из участников экспедиции Амундсена — Тессема, пробиравшегося с почтой к радиостанции и замерзшего в 1½ километрах от жилья.

На пригорке, сложенный из плоских камней — бугорок, обнесенный зеленым дерном, наверху — из грубых стволов плавника — крест и вырезанная ножом надпись:

«Тессем †1920 m/s «Maud». «Norge».

Долго, задумчиво стоял В. И. Воронин над старой могилой, хранившей строгую тайну героя-исследователя, тайну бессмысленной трагической смерти и, набрав голубых незабудок, торжественно положил под крестом.

— Ну а теперь — на коробку,— тряхнув головой, словно освободившись от гнетущих мыслей, сказал он,— надо приготовиться к выходу.

ЗЕМЛЯ СЕВЕРНАЯ

Поздно вечером вышел «Сибиряков» в далекий путь к Северной Земле. Стоит тихая, безветреная погода, на море — полный штиль. Темно-синяя поверхность воды — блестяще ровная и гладкая.

— Чистые пруды, а не Карское море,—острит Шнейдеров.

В глубокую полночь вахтенный штурман Ю. К. Хлебников к западу от судна обнаружил новый, но не нанесенный на карту островок. Мы не останавливались, ибо время было дорого: и так пришлось долго ждать нашего угольщика «Вагланд».

К утру слегка зазыбило и ледокол закачало. Арктическое лето—теплое и дождливое—было в полном разгаре. В густом молоке тумана пробирался «Сибиряков» к Северной Земле, к далекому острову, где его с нетерпением ждали четверо героев — зимовщиков, проведших два долгих, полных лишений года на северном форпосте советской науки.

Плотный туман, темным занавесом закрывший горизонт, заставлял итти медленно и осторожно, поминутно давая сиг-

налы гудками, в расчете услышать эхо при приближении к скалистому берегу.

Стало заметно холоднее. С севера несется отчаянный ветер, словно забыли закрыть гигантскую форточку. К ночи температура воды и воздуха заметно упала. Но где же льды? Что сделалось с Арктикой?

— Ну и дела, — пожимает плечами проф. О. Ю. Шмидт, — только подумать, подходим к Северной Земле чистой водой. В истории полярных навигаций еще не было такого прецедента.

— Жульничество,— смеется Шнейдеров,— деньги обратно! Что же льды — нам прикажете снимать на Москва-реке, что ли?

Капитан Воронин с раннего утра — уже наверху, в привязанной к вершине мачты деревянной бочке — наблюдательном посту, откуда он в бинокль пытается нащупать где-то совсем близкие, но невидимые нам берега.

В 15 милях от нас идет параллельным нам курсом «Русанов», делая научные станции. Согласно предварительной договоренности, его курс на о. Уединения, наш — на о. Исаченко.

Темно-синее море неожиданно принимает изумрудно-зеленую окраску. Вынырнув из тумана мимо борта, медленно покачиваясь в такт волнам, проплыл огромный, зализанный прибоями, заблудившийся айсберг. Все напялили огромные тяжелые авиашубы, подняли меховые воротники, но с палубы не уходят: а вдруг расплывется туман и покажется давно желанная земля?

В радиорубке — большое оживление: Шмидт и Воронин беседуют по радиотелефону с колонистами Северной Земли.

— Вот уж полмесяца, как мы не видим льдов,— сообщает начальник колонии Г. А. Ушаков.— За два года набили 105 медведей, а двух медвежат держим живыми для киноработников. Здоровы, бодры, ждем вас с нетерпением.

Вслед за Северной Землей в громкоговоритель влезает «Русанов», сообщающий о том, что ночью они зарегистрировали два новых, не нанесенных на карту острова. Затем начались бесконечные разговоры жен колонистов, едущих на «Русанове», со своими мужьями.

— Не хочу быть свидетелем семейных сцен,— смеется капитан, выходя и захлопывая дверь в радиорубку.

13 августа ночью «Сибиряков» прошел мимо о. Исаченко, даже не заметив его. Проплыли две скромные льдинки, явно материкового происхождения и еще один айсберг, вызвавшие бурные восторги у арктических новичков. А ведь бывало, в прошлые полярные экспедиции — мы их встречали буквально на каждом шагу.

— Совершенно ясно,— резюмирует писатель Семенов,— дикое счастье сопутствует экспедиции Страны Советов.

Днем проходили траверс о. Большевик, состоящий в архипелаге Северной Земли, но тяжелый туман не давал возможности определиться по солнцу. Шли медленно, ощупью, наугад, все время сверяя глубины при помощи эхолота.

К вечеру неожиданно разбежались седые клочья тумана, и на один только момент, в полутора милях от борта мы увидели огромные горы с белыми вкраплинами прошлогоднего снега.

— Где мы находимся? Определиться нельзя. Нет солнца.

Пришлось встать и бросить якоря.

В нижней кают-компании происходит очередной доклад проф. О. Ю. Шмидта. Почувствовав нотку недовольства у некоторых членов экспедиции долгой задержкой «Сибирякова» у о. Диксон, боязнь, что не успеем в течение лета пройти весь Северо-Восточный Проход, чтобы успокоить, он привел цифры, иллюстрирующие успех нашего похода.

Из Архангельска мы предполагали выйти 25 июля, но вышли с запозданием на 3 дня. На о. Диксон, предполагая притти 5 августа, «Сибиряков» пришел 3-го. Наконец у Северной Земли думали быть 15 августа, а приходим 14-го. Таким образом получается большая экономия — выигрыш во времени против контрольных цифр.

— Третий раз я — начальник правительственных полярных экспедиций,— заявил О. Ю. Шмидт,— но такого спаянного между собою, сознательного коллектива — еще не встречал. Перегрузка угля на о. Диксон продемонстрировала образец высшей организованности, дисциплины и сознательности. У нас правильная расстановка сил, хорошо подобранный состав — от капитана, матроса до научного работника. Перед уходом в плавание «Сибирякова» у нас было много противников, заявлявших, что в устье р. Лены надо итти с востока, а не с запада, как мы предполагали. Нам угрожали тяжелой зимовкой или же — наоборот — предска-

зывали удачу лишь потому, что год в ледовом отношении ожидался благоприятным. Но меня не так-то легко было переубедить. Я заявил — если путь будет легким —тем лучше. Мы впервые пытаемся пройти путь, который нужно хорошо изучить, а изучить его лучше в легких условиях. Сейчас у нас все обстоит благополучно. Мы еще ни разу не встретили особо тяжелых льдов. Но я предостерегаю товарищей от головокружения от успехов. Мы не прошли еще полмаршрута. Впереди будут трудности и немалые. К ним я призываю всю экспедицию быть готовой.

Приступили к обсуждению заявлений лучших ударников о приеме в партию,— матросов Сизых, Дурасова, боцмана Загорского и кочегара Московского, как вдруг раздался радостный крик:

— Земля, земля...

— Спокойно, товарищи,— невозмутимым голосом перебил председатель судкома Крючков,—сейчас заслушайте телеграмму с «Русанова», а затем заседание мы прервем. Следующим докладом на повестке дня будет рапорт начальника Северной Земли — Г. А. Ушакова.

«Ледокол «Сибиряков» судкому.

Ваш вызов на соцсоревнование нами принят. Выдвигаем встречный: при 10-мильном ходе ледокола — расход угля 25 тонн и добавляем к договору, что беремся выгрузить все стройматериалы на мысе Челюскина за 60 часов круглосуточных работ. Судком «Русанова».

Выбегаем на палубу. Раздвинулся тяжелый занавес тумана, разбежались седые клочья мглы. Вдали показалась длинная, бурая, изрезанная заливами кайма острова Сергея Каменева.

Широкой, извилистой лентой раскинулась земля. В плотной туманной мгле берега ее кажутся покрытыми гигантскими куполообразными глетчерами, широкими белоснежными руслами ледников. На вершине мыса, упираясь в облака, под охраной сурового стража — синего айсберга — высилась длинная стрела антенны, а рядом, прилепившись к холму,—маленький домик научной радиостанции.

— Что делает капитан,— удивляется Шмидт,— без карт, не имея возможности ориентироваться по солнцу, он с поразительной точностью подвел ледокол к самой зимовке.

С берега отделилась и, взлетая на гребнях волн, понес-

лась навстречу «Сибирякову» крошечная моторка под красным флагом с четырьмя людьми. Нам машут руками, возможно кричат. С борта ледокола летит громкое ответное «ура».

«Сибиряков» празднично расцветился флажками. Протяжные хрипы гудка кричали о радости встречи.

Вот и они — зимовщики, радостно улыбающиеся, поздоровевшие, обветренные суровыми ветрами — начальник Северной земли Г. А. Ушаков, его заместитель, по научной части геолог Н. Н. Урванцев, радист комсомолец Вася Ходов и промышленник-зверобой, с 25-летним полярным стажем Сергей Журавлев. Протянутые руки подхватывают Ушакова, и Шмидт сливается с ним в долгом поцелуе.

— Ты что, побледнел? — обращаюсь я к прислонившемуся к стенке каюты Васе Ходову.

— Отвык уж я за зимовку от крика — голова закружилась от такого количества голосов...

— Вася, да у тебя усы выросли,— удивляется Кренкель.

— Что усы,— улыбается Ходов,— во, бородища была на зимовке...

10 минут объятий и рукопожатий, и в нижней кают-компании возобновляется собрание. Ушаков простыми, скупыми словами рассказывал о том двухгодичном миге, который отделял четырех смельчаков от жизни республики.

Их четверо — крепких, выносливых, неутомимых искателей. Сын амурского казака — Г. А. Ушаков своей исключительной настойчивостью пробившийся к знаниям. В ситцевой рубашонке, опоясанный веревками, в синих холщевых штанишках и олочах (китайская обувь) он попал в училище, как ворона на бал. Кругом него были дети местных заправил — купцов и аристократов в новеньких форменных кителях. Здесь он впервые почувствовал ту классовую пропасть, которая разделяла его от них. Над ним издевались, тянули за рубаху и называли «мужицкой свиньей». С первых дней революции — он в красной гвардии, а затем — во время интервенции — партизан в Уссурийском крае, в отряде Тетерина-Петрова. В 1926 г. Ушаков уехал начальником на о. Врангеля, где пробыл бессменно 3 года. За героическую работу был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Человек исключительной работоспособности, спокойный, уравновешенный — он настоящий тип советского полярника,

с редкой настойчивостью выбившийся из серой крестьянской среды и добившийся в любимой им области обширных познаний, выдвинувших его в славные ряды ударников Арктики.

Его ближайший помощник по научной части Н. Н. Урванцев получил большую известность многолетними исследованиями Таймырского полуострова. Это он обнаружил почту и замерзший труп участника экспедиции Амундсена — Тессема и открыл в Норильском районе богатейшие месторождения полиметаллических руд с содержанием платины. В 1928—29 гг. Урванцев проделал огромный, длиною более 8 тысяч клм. маршрут на лошадях, оленях и в шлюпке в Хантайском и Таймырском районах, где обнаружил ряд новых полиметаллических месторождений, а на Таймырском полуострове — громадный угольно-рудный бассейн.

— Очевидно, Северная Земля,— говорил перед отъездом на зимовку Н. Н. Урванцев,— является частью Таймырского полуострова, которая отделилась от него в сравнительно недавнее время (в послеледниковый, четвертичный период). Как известно, этот полуостров — богатейший по своим минеральным богатствам на всем Крайнем Севере. Там одного каменного угля по самым скромным подсчетам более 4 миллиардов пудов. Таким образом вытекает, что колоссальные богатства могут таиться также и в занесенных снегом недрах Северной Земли.

Вот эту-то основную задачу и разрешал Н. Н. Урванцев в течение 2-летней зимовки, добившись блестящих результатов.

Третий колонист Земли Северной 24-летний комсомолец Вася Ходов — председатель ленинградской секции коротких волн — связующее звено научной зимовки с далекой республикой и, наконец четвертый — промышленник-зверобой, 25 лет зимовавший на Новой Земле — Сергей Журавлев, великолепный охотник, блестящий стрелок, с большим практическим знанием зимовки на Крайнем Севере.

— Товарищи, как же это так — не успел поздороваться и тут же мое первое общественное выступление,— улыбается Г. А. Ушаков.—Ну, да ладно. Тогда разрешите приветствовать вас от имени североземельского отряда. Ведь только подумать — два долгих года мы прожили в одиночестве и сегодня вдруг увидеть ледокол и новых людей!

— Основной нашей задачей было выяснить простирание Северной Земли и произвести маршрутную съемку. Все эти задания нами выполнены полностью. Надо вам сказать, товарищи, что, находясь на островах Сергея Каменева, мы были удалены от собственно Северной Земли, отстоявшей от нас на расстоянии 45 клм. Вначале мы этого и не знали и лишь позже, во время санных экскурсий — разобрались.

Нужно писать целые книги, чтобы передать ту огромную, исключительной ценности работу, которую провели колонисты за два года зимовки.

В дикие бураны, в 47-градусные морозы, пешком и на собаках, ночуя в снегу и в тонких брезентовых палатках, люди обошли всю землю, впервые в истории составили ее точную карту, произвели детальное изучение геологического строения земли, обнаружили магнитные аномалии, ценные ископаемые и собрали богатейшие коллекции фауны и флоры.

5 с половиной тыс. километров пройдены на собаках, нанесена на карту территория в 47 500 кв. клм.— вот цифры, которые рапортует Г. А. Ушаков.

— Изучение Северной Земли,— берет слово Н. Н. Урванцев,— как района совершенно неизвестного в географическом и геологическом отношениях, представляло для нас огромную задачу. Вполне понятно, что нам было трудно осветить этот вопрос полностью, но, несмотря на это, нам удалось произвести съемку всего архипелага, составить карты — географическую и для судоходства, произвести изучение геологического строения островов. Нами выполнены геологические разрезы, составлены геокарты, сделана маршрутная съемка, создано 17 опорных астрономических пунктов, при чем в 15 пунктах долготы определены по радиоприемнику. Наконец, определены элементы земного магнетизма и обнаружены магнитные аномалии.

— На основной базе, расположенной на островах Сергея Каменева, помимо метеорологических наблюдений, которые регулярно передавались по радио в Главное метеорологическое бюро, велись наблюдения над приливами, отливами, льдами, а также и работы по аэрологии. В отношении биологии и полезных ископаемых Северной Земли нам удалось выяснить чрезвычайно интересные данные. Геологическое строение здесь весьма сложное, проливающее новый свет на всю северную часть Таймырского полуострова. Заре-

гистрированы полезные ископаемые, как например олово и др. Если б этот район не был так отдален от промышленных областей Союза, то в отношении рудных запасов мы имели бы огромные перспективы. Но, несмотря на это обстоятельство, я не исключаю возможности того, что добыча будет коммерчески-эффективной и рентабельной, принимая во внимание гигантские запасы недр. Я твердо уверен, что настанет то время, когда здесь, на далекой Земле Северной, в широких масштабах разовьется горно-добывающая промышленность, которая будет иметь огромное значение для всего Союза.

— Ну, вот и все, товарищи,— больше не могу. Уж давно я так много не разговаривал...

Взрыв бурных аплодисментов наполняет маленькую кают-компанию. Сибиряковцы, стоя, приветствуют четырех героев, проведших исключительную по трудности и достигнутым результатам работу.

Географ нашей экспедиции Я. Я. Гаккель подводит Урванцева к стене и показывает ему только-что выпущенную карту Северной Земли, составленную на основании радиоинформаций от зимовщиков.

— Нет, товарищи— смущенно улыбается Урванцев, —это все, что хотите, только не Северная Земля. Вот поедем к нам на радиостанцию, там я вам покажу настоящую карту. Наша земля состоит не из двух, а трех больших островов, как здесь показано.

Как радостно, до слез радостно видеть четырех колонистов живыми, невредимыми, бодрыми и веселыми, чувствовать их рядом с собою. А ведь всего два года назад раздался третий гудок. Резким нервным движением со стула поднялся Ушаков, окинул всех быстрым взглядом своих черных глаз и решительно протянул Шмидту обветренную загорелую руку. Наш милый капитан Воронин прижал его к груди, тщательно расцеловал, словно оставлял на зимовку своего горячо-любимого сына. Внизу у трапа затрещала моторка. Все сошли в лодку, а последним, осторожно, с банкой зеленого растеньица в руках спустился побледневший Урванцев. Ледокол «Седов» дал тихий ход и медленно, в тумане поплыла и скрылась моторка, с крошечными, машущими руками, фигурками. Четверо героев остались на зимовке. Как-то

они проживут?— вертелась в голове настойчивая сверлящая мысль.

— Вы не можете себе представить, товарищи,— как мы все безумно рады видеть вас победителями,— волнуясь, говорит О. Ю. Шмидт.—Два долгих года мы с неослабевающим вниманием следили за вашей работой — газеты полностью печатали отчеты о путешествиях вглубь островов. Напечатали даже карты, которые оказались неправильными. И лишь потому, что вся республика и заграница хотели знать о ваших трудах. Когда мы уходили в эту экспедицию, то первым нашим желанием было увидеть вас, и мы встретились, хотя для этого и пришлось сделать значительный крюк. Я поздравляю вас с исключительно ценной победой на новом фронте завоевания Советского Севера.

70 большевиков густыми басами запели «Интернационал» и среди них, побледнев, запели четверо героев-зимовщиков, впервые за два года ошеломленных таким потоком звуков.

Собрание закончилось. Внизу у борта «Сибирякова» нетерпеливо тарахтит моторка, ожидающая пассажиров для доставки на берег.

Длинная отмель серой гальки образует узкий мелкий пролив. Недалеко от берега, под прикрытием холма расположилась колония. Тот же домик, который мы, спеша, торопясь удрать от близкой зимы, выстроили два года тому назад, но уже не блещущий прежней свежестью. На крутом каменистом наносе гордо торчит вверх деревянная радиомачта, которую с таким трудом врывали в вечную мерзлоту.

Ближе к морю — новая неизвестная нам постройка — сооруженная из досок, обитых черным толем,—магнитная будка, где вел свои наблюдения, а иногда и ночевал Н. Н. Урванцев.

Нетерпеливым визгом и лаем встречают ездовые собаки непрошенных гостей. Черные, белые, серые, с густой, торчащей в разные стороны шерстью, узкими раскосыми глазками и обрубками хвостов, опустив головы, они заискивающе подползают к Журавлеву, требуя ласки. «Тускуй», «Ихошка», «Мартын», «Беркут», «Шайтан», «Негра», «Песец»— сколько их тут, незаметных героев, вынесших на своей спине все тяжести исследовательских рейсов.

У старого охотника Журавлева, всю жизнь прожившего с четвероногими друзьями, особый, понятный для собак

язык. Огромного и мрачного вожака собачьей стаи «Беркута», с которым Журавлев промышлял еще на Новой Земле, он подзывает — «бр-бр», грязную, извалявшуюся в углях «Серушку»—«хей-хей», ленивого скептика «Махно», не желающего знакомиться с гостями и предпочитающего наблюдать издали—«кусь-кусь», а черную и ласковую «Тайгу» — «ля-ля».

И все собаки внимательно прислушиваются к его голосу, покорно подходят на кличку, подчиняясь грубым ласкам хозяина. Собственно говоря, на гостей они меньше всего обращают внимания, тщательно следя за возбужденным, размахивающим руками Журавлевым.

Вдали на кучах угля растянулся худой, отощавший пес «Козел». На него страшно сметреть. Грязный, вылинялый, с торчащими из-под редкой шкуры ребрами, он едва приподнимает голову при подходе Журавлева.

— Этот у нас на социальном обеспечении,— ласково похлопывая по морде, говорит он,— работать больше не может. Во время санной экспедиции от острых кристаллов льда, он стер всю мякоть на лапах и порвал связки. Сейчас еле ходит на одних костяшках. Но сани не бросил — дотащил до радиостанции. Герой он труда — за это и кормим...

У дома развешаны пятнистые шкуры белух, морских зайцев, а под брезентом аккуратно сложено в пачки все богатство колонии — 105 шкур белых медведей. Тут же рядом на канате сохнут 4 свежих шкуры, только вчера убитых животных. У сарая, сбитого из досок ящиков — самоедские нарты (сани для езды на собаках), шлюпка и остатки угля — топлива на зиму.

У небольшого заливчика на земле лежит труп маленького медвежонка — самки — чем-то объевшейся, а рядом — плачущий, пискливый голосок крошечного самца. Он кричит, глухо стонет, безнадежно качает головой, закрывает глаза в отчаянном горе от потери подруги. Набравшись храбрости, стаей на него налетают собаки, но медвежонок ловко удирает в холодные воды залива, куда разъяренные псы не рискуют проникнуть.

— Жаль,—говорит Ушаков,—медвежат берегли для ваших киноков, а теперь остался только один.

Близ крыльца — собачьи кормушки и две огромных,

ободранных туши медведя, которых сытые собаки лениво дерут.

В холодных сенях радиостанции бесцеремонно устроились пушистые щенки ездовых собак. Здесь — запасы консервов, инструменты, лыжи и снова скатанные мехом внутрь шкуры белого медведя.

Тяжелая, хорошо утепленная дверь ведет в крошечную кухню, блещущую чисто вымытой, расставленной на полках посудой, ярко-медным, надраенным примусом и умывальником. На столе — свеже-испеченный чьей-то опытной рукой белый хлеб.

— Готовим все поочереди,—показывая помещение, говорит Г. А. Ушаков,—при чем в приготовлении пищи существовало необъявленное соревнование. Каждый старался поразить каким-нибудь особенным блюдом. Обычный наш утренний завтрак — это яичница, кофе или чай. На обед же каждый готовил по своей специальности. Журавлев делал котлеты и пироги, Урванцев — отбивные котлеты из медвежатины или битки. Ходов навострился на кашах, а я—на беф-строганове.

Налево — каморка радиостанции — полновластное владение Васи Ходова, с коротковолновым передатчиком, с постоянным возбуждением, стабилизацией, бензиновый мотор в 2,5 л. с. типа «Дуглас» и динамо в полтора киловатта. На стене — записная книжка метеорологических наблюдений, которые Ходов производил регулярно каждый день.

Узенький коридор ведет в довольно просторную комнату, но явно малую для четырех человек — спальню, столовую, рабочий кабинет, гостиную и т. д. Словом, здесь в четырех деревянных стенах сосредоточена была вся жизнь и работа северного форпоста науки.

Вдоль стен, одна над другой для экономии места — по две койки. Смятые постели свидетельствуют о том, что люди только что встали, разбуженные приходом «Сибирякова». У тусклого окошка — письменный стол, на нем — наковальня для мелких поделок, выше — полки с книгами, тетрадями, фотоаппаратурой и химикалиями.

В центре комнаты — обеденный стол, с давно застывшей жареной медвежатиной и остатками коньяка.

— Во время зимовки — пили мы мало,— рассказывает Ушаков,— разве что Журавлев, у которого была к вину

определенная потребность. Он и выпил все наши запасы. Ходов — отчаянный трезвенник, я, чтобы поддержать компанию, пил только виноградное вино, да и Урванцев — тоже. Но, по правде сказать, бывали моменты, когда было необходимо напиться, это — когда чувствовалась какая-то нервозность, когда люди начинали киснуть и придираться друг к другу. Тогда я сам ставил вино. Обычно вначале ребята грубили, но вскоре же переходили на взаимные любезности, и все оканчивалось хорошо. Урванцев начинал бесконечно философствовать, а Журавлев — петь. Словом, нарушенное равновесие быстро восстанавливалось, и можно было быстро приступать к работе.

Над столом среди портретов Ленина, Калинина, Ворошилова и С. С. Каменева — охотничьи ружья, полевые бинокли, карты Северной Земли, будильник, зеркало и огнетушитель на случай пожара, а направо—маленький столик для научных работ, кирпичная печь и полка для сушки одежды.

Вот и вся незамысловатая простая рабочая обстановка жилища четырех смельчаков, в которой они провели два долгих тяжелых года — без лишних, ненужных и громоздких вещей. Здесь, в этой комнате зарождались гениальные планы освоения грандиозного отрезка материка, здесь шумно и горячо обсуждались дальнейшие планы поездок, здесь в рассказах переживали давно пережитые трудности, лишения и опасности.

— Георгий Алексеевич,— обращается писатель Семенов к Ушакову,— а поехали бы вы еще раз в Арктику?

— На год хватит обработки добытых материалов, а там,— улыбается он,— вот откроете Землю Санникова — тогда можно будет и поехать. Разве от Арктики оторвешься?

Конечно, не оторвешься. Так по крайней мере решили присутствующие, глядя на смелое и решительное лицо. Человек с колоссальной силой воли, неисчерпаемой энергией, он привык доводить начатое дело до конца.

— А никто у вас не болел? — интересуется Семенов.

— Никто не смел заболеть — недосуг было, — угрюмо вставляет Журавлев, с сердцем, при помощи огромных болотных сапог, распихивая бесцеремонно пробравшихся в комнату псов.

12 часов ночи, а солнце без отдыха шлет свои холодные негреющие лучи на землю. Без просьбы, как-то сами собою развертываются воспоминания о прошедших днях великой битвы с суровой природой. Страница за страницей раскрывалась история первого человеческого поселения на Северной Земле, жизнь четырех смельчаков, рискнувших проникнуть в самое сердце Арктики.

Мы сидим в комнате в шубах — Урванцев — в кожаной куртке и кубанке, Ушаков — в кожаном пальто с коричневым мехом, а собаки, высунув языки, подыхают от жары, до такой степени они привыкли к холоду и приспособили к нему свои пушистые шкуры.

«Все пролетело, как мимолетный сон, — вспоминает Ушаков. — Прогудев, ушел ледокол «Седов» и через пять минут навсегда потонул в тумане. Словно бежал от нас. Какая-то тяжесть сдавила грудь. Первое ощущение, — что мы совершенно оторваны и находимся на какой-то другой планете. Кругом нас — льды, плоская равнина островов, синее море и мертвая тишина.

Нужно работать, отвлечь себя от тяжелых навязчивых мыслей. И мы принялись за отделку помещений, разостлали на полу линолеум, установили койки, заготовляли мясо для прокорма собак и к первому обеду разогрели мясные консервы. Так началась наша жизнь на окраине света.

Много терпения и сил пришлось затратить на собак, большинство которых было необъезжено. Мы их запрягали, учили, тренировали и глубоко расстраивались. Впоследствии собаки великолепно втянулись в работу, и значительный процент успеха в освоении Северной Земли — по праву принадлежит им.

Все сразу пришлось делать — конопатить дом, настилать крышу и бить зверя. Собаки дерутся от голода, а пеммикан (специальное концентрированное питание для собак, употребляемое, главным образом, в поездках) тратить жалко. К тому же медведи по ночам повадились захаживать к станции, при чем однажды задрали сразу четырех псов.

В первую очередь мы разработали детальный план наших исследовательских работ, в котором были предусмотрены заброски продовольственных депо в ряд пунктов с тем, чтобы с весны начать рекогносцировочные рейсы вглубь земли.

21 октября в последний раз видели солнце. Снова оно показалось через 4 месяца. Наступила большая ночь. Круглые сутки горело электричество. Только хронометры сообщали о наступлении утра, звали на работу, приглашали к обеду и сообщали о наступлении ночи. Море сплошь было покрыто льдом и вздыбилось хаосом непроходимых торосов. Арктика казалась мертвой. Только вой ветра нарушал тишину. Все живое скрылось еще в сентябре — улетели розовые и белые полярные чайки и исчезли тюлени.

Не зная хорошо местных условий, а также и расстояния до собственно Северной Земли, в октябре 1930 г. мы выступили в санную экспедицию на трех нартах — одна веером и две — цугом. Неожиданно ударила мятель. 18 километров пришлось итти против ураганного ветра с сильно груженными санями, пока окончательно измучившиеся собаки не отказались работать — легли и никакая сила не могла заставить их встать. Разбили брезентовую, насквозь продуваемую палатку. На рассвете — слышу придавленный голос Урванцева:

— Журавлев раздавил...

А на того навалило гигантский сугроб снега и придавило к палатке, похоронив собак. Достигнув берегов земли, мы выбрали место для базы и таким образом наметили основную точку для дальнейших работ. Это был мыс, которому мы дали наименование — Мыс Серпа и Молота. Все 4 рейса были проведены в исключительно тяжелых условиях. А ночи здесь — абсолютно черные. Эту работу закончили лишь к марту месяцу, но дальше продолжать не смогли, так как погода не благоприятствовала: был сильный снегопад и морозы.

При первой же возможности на собаках мы все же вышли в поход, достигли пролива Красной Армии, где прошли 250 км., и образовали новое продовольственное депо. Самое замечательное это то, что мы так и не заметили, что шли по проливу — все было занесено сугробами снега, в который по плечи проваливались собаки. Погода ухудшалась с каждым днем. Наша одежда и спальные мешки — оледенели. Здесь мы попали в хаос айсбергов, откуда едва выбрались. Дойдя до о. Октябрьской Революции, мы вернулись обратно.

После этой экспедиции мы отправились к восточному бе-

регу. Это было первое пересечение земли. Мы прошли до залива Матусевича и дальше — до мыса Берга, где устроили новое депо.

После продолжительного отдыха собак, Урванцев, Журавлев и я выступили в основной поход. В течение 35 дней нам удалось окружить всю северную оконечность земли о. Комсомолец, при чем много времени потеряли из-за туманов, останавливавших, не дававших производить топографическую съемку. Окончив переход, мы дали двухдневную передышку собакам и двинулись во второй маршрут с целью обойти центральный остров, предполагая, что он соединяется с о. Большевик.

Снова отправились втроем, оставив Ходова одного на радиостанции для производства метеорологических наблюдений. Дойдя до мыса Берга, мы разделились на две партии. Урванцев и я пошли дальше, а Журавлев вернулся на остров Сергея Каменева для доставки коллекций, собранных в прошлом году у мыса Ворошилова. Еще выходя в поход, мы предвидели значительное повышение температуры и, следовательно,— распутицу. Но то, что мы встретили, превзошло все наши ожидания. 20 июня снег стал совершенно рыхлым — сани, собаки и люди стали тонуть. Температура воздуха поднялась до + 5 град.

С этого дня путь стал одинаково мучительным и для людей и для собак. Переходы в 5 километров за день, требовавшие затем продолжительного отдыха собак, стали считаться достижениями. Маленький караван буквально тонул в снегу, в котором с каждым днем скапливалось все больше воды. Снег отказывал держать сани, собак и даже лыжи. Часто приходилось один участок проходить несколько раз, сбрасывая груз, пробивая дорогу и возвращаясь обратно.

25 июня тронулись все реки. Движение по берегу стало невозможным. В море лежали непроходимые торосы, с глубокими озерами или еще более глубоким снегом. Единственно-возможной дорогой оказалась узкая полоса прибрежных ровных льдов, залитых водой. День за днем шла экспедиция в ледяной воде, часто на протяжении десятков километров не встречая льдины, на которой можно было бы дать отдохнуть и согреться замерзающим собакам. Марш-

рут от пролива Шокальского, расстоянием в 250 верст, шла в течение месяца, вместо 10 дней нормальных.

30 июня экспедиция была близка к катастрофе. Пересекая один из многочисленных мелких заливов, караван проходил вблизи кромки торосистых льдов, оставляя ближе к берегу льды, где скопилось слишком много воды. Неожиданно подувший с берега резкий ветер погнал воду, прижал ее к стене торосистых льдов. В течение 15 минут уровень воды поднялся до половины человеческого роста. Всплывшие сани погнало ветром. Плавающие собаки начали захлебываться. С трудом удалось повернуть упряжки против ветра, оттянуть их на более мелкое место, затем выйти на прибрежный лед, с которого вода совершенно исчезла. Продолжавшийся ветер на следующий день прижал воду к одному из мысов, лежавших на пути экспедиции. Дорогу к берегу отрезал бурный поток. Попытка перейти его выше, по течению, не дала результатов. Экспедиция попала в целую сеть непрерывающихся глубоких протоков и принуждена была вернуться на побережье и ожидать перемены ветров.

В течение пяти суток туман, снег сменяли друг друга, держали нас на одном месте, лишая возможности определить астрономический пункт. Расходовалось продовольствие и топливо. Собачьего корма осталось на пять суток. От главной базы нас разделяло расстояние в 150 миль. Состояние дороги позволяло проходить максимум 10 клм. в сутки. Перспектива была такова — или, прекратив работу, гнать форсированным маршем ослабевших собак на главную базу, или продолжать работу, начать кормить собак — собаками, или же, наконец — итти и тащить сани самим.

Решение подсказала сама Арктика. 6 июля на льду был замечен медведь. После продолжительной погони по озерам накопившейся воды, между торосами зверь был убит и вывезен на берег. Через несколько часов по следам крови пришел к лагерю и был убит второй медведь. На следующий день к лагерю подошли уже три новых медведя, но в них нужды уже не было. Располагая мясом, экспедиция могла ожидать необходимых условий для работы и провела в лагере четверо суток. С 8-дневным запасом корма мы двинулись дальше.

На следующем переходе дорога еще ухудшилась. Вновь

появились трещины, полыньи, сплошная вода, снова — ледяной барьер. Собаки начали отказываться от работы. К концу перехода несколько из них уже лежало на санях, а у многих на разбитых лапах стали обнажаться кости. На протяжении многих километров не было ни клочка сухого льда для бивуака. Сильный ветер пронизывал совершенно мокрые одежды. Наконец, был достигнут залив Сталина, лежащий к югу от мыса Серпа и Молота. На северо-западе узкой лентой показались острова Сергея Каменева, где должна быть и наша колония. Но выход на берег отрезала полынья. Пришлось поэтому лагерь разбить на льдине, отколовшейся от глетчера и окруженной трещинами. Путь к заливу также оказался отрезанным скопившейся здесь, благодаря ветру, сплошной водой.

14 июля мы перенесли груз, сани и собак через трещину и поднялись на ледниковый щит, по которому прошли на совершенно обнаженный от снега берег. Здесь в каждые сани поочереди впрягали всех способных работать собак, впрягались сами и тащили по голой земле, переправляясь через реки, а затем неизменно возвращаясь за следующими санями. Проходя таким образом 20 километров, мы продвигались в действительности всего лишь на 5 километров.

После перемены ветра вода очистила льды залива Сталина. Построив ледяной мост через трещину, снова вышли на лед и пересекли залив. В течение двух суток непрерывно шел дождь. 18 июля на полуострове Парижской коммуны сомкнули маршрут последней точкой, нанесенной на карту осенью прошлого года.

На льду появились трещины и полыньи, через которые, за отсутствием льдин, уже нельзя было переправиться. Две собаки подохли от истощения, пять — вместе с передовиком — лежали в санях, остальные, отдавая последние силы, начали падать в воде. Корм окончился. Мы отдали остатки сливочного масла и шоколада, сами же питались одним рисом, который, кстати сказать, приходил к концу. На 50-й день пути, 20 июля главная база была достигнута и маршрут, длиной в 700 клм., закончен.

Результаты работ первого года следующие: пройдено на собаках, включая и подготовительные работы, свыше 3 тыс. клм., проведено 1.500 клм. маршрутной съемки, охватыва-

ющей площадь около 25 тыс. кв. метров и опирающейся на 13 астрономических и магнитных пунктов. При астрономических наблюдениях долготы определялись по радио. Принимались ритмические сигналы станций Науэн, Регби и Бордо. Походный радиоприемник с питающимися батареями и всеми принадлежностями, весом в 28 кг., составлял нагрузку одной собаки. Экспедицией выяснено простирание Северной Земли к северу, ее общая конфигурация, площадь, рельеф и гео-морфология. Главную массу земли составляют три больших острова, которым мы дали следующие наименования: центральному острову — остров Октябрьской Революции, южному, отдельному от центрального проливом Шокальского — остров Большевик, северному, отделенному проливом Красной Армии — остров Комсомолец.

К ним примыкает ряд мелких островов, собранных большей частью в небольшие группы. Самую значительную из последних представляют острова Сергея Каменева. Пролив Красной Армии закрыт многолетним льдом, айсбергами. Второй, открытый нами пролив — Шокальского — в самом узком месте имеет ширину в 20 километров. По всем данным, этот пролив часто вскрывается от льдов и проходим для судов.

Выяснено в основном геологическое строение земли, представляющей древнюю складчатую страну весьма сложного строения, с опрокинутыми, местами разорванными и надвинутыми свитами. Собраны материалы, доказывающие опускание страны в четвертичную эпоху, затем новое поднятие, по целому ряду разломов, определяющих в основном современное очертание земли. Признаки продолжающегося поднятия почвы в настоящее время обнаружены во многих местах.

Экспедицией геологически обследован весь пройденный берег, на протяжении которого осмотрено около 200 обнажений, собрано несколько сот образцов горных пород, открыты признаки ряда рудных месторождений. При пересечении земли получены данные для полного геологического разреза. Собраны материалы по оледенению земли, по режиму окружающих ее льдов, а также материалы по флоре, фауне, в частности по промысловому зверю (белый медведь, песец, морской заяц, нерпа, белуха и т. д.). Общий резуль-

тат работ — обследовано и заснято 70 проц. всей Северной Земли.

Дальше — начали подготовку ко второй зимовке. Все было сделано для того, чтобы сохранить собачью стаю. Надо было добыть корм. В море виднелось несколько открытых полыней, но береговой припай отделял базу от моря. Тогда выставили охотничью базу ближе к воде и добыли большое количество зайцев и медведей. Но тут разыгрался шторм, вскрывший пролив и унесший в море все заготовленное мясо и часть имущества. Снова пришлось начинать заготовку. К счастью, вдоль берега начался ход белухи, которая дала нам возможность обеспечить собак мясом на всю зиму.

Подготовка к маршрутам второго года началась с февраля месяца. Необходимо было сосредоточить на о. Большевик, отстоявшем от нас на расстоянии 300 клм., продукты и корм для собак, чтобы обеспечить маршрут вокруг всего острова.

Вышли в поход. Но уже в заливе Сталина нас захватила сильнейшая мятель. В результате нам пришлось в течение трех суток мокнуть в палатках при температуре минус 7°. Но едва мы возобновили поход, как ударил мороз в 43 град. и отчаянная мятель. Пришлось отступить и возвратиться на базу. Но некоторое время спустя, мы все же добрались до о. Большевик и забросили продовольствие, пополнив запасы убитыми медведями.

В основной маршрут мы отправились вдвоем с Урванцевым. Весь путь продолжался 45 дней, при чем прошли 1.250 клм. Впервые остров Большевик был обойден кругом и заснят. Дойдя до мыса Неупокоева, в двух километрах от него в конце апреля мы увидели открытую воду, уходившую за пределы видимости, вплотную к мысу Челюскина.

Наконец, последний наш маршрут — это рейс к южной части о. Комсомолец, где мы открыли о. Пионер, отделяемый от о. Комсомолец небольшим проливом. Вот что нам удалось сделать за два года зимовки...»

Ушаков улыбнулся — из-под роговых очков быстро стрельнул глазами на слушавших, словно спрашивая: «Ну, как, хорошо?»

— Да-а-а,—протянул раскинувший свои длинные ноги

Журавлев.— Арктика требует к себе дрожи (внимания) на каждом шагу.

— Вот, которые о полярных красотах пишут,—оживился он,—не знают они их вовсе. А красоты эти за душу тянут на зимовке, даже о бабах не думаешь...

Я просматриваю его подробный, регулярно ведшийся дневник. Старый полуграмотный зверобой огромными, нескладными каракулями, с трогательной наивностью передает свои впечатления, переживания на охоте, с головой уходит в отчаянную лирику, захлебываясь от восторга, описывает природу, северное сияние и как старый, опытный полярник не забывает непременно отметить, какая была погода, температура воздуха, состояние льдов и откуда дул ветер. Его дневник, которому вероятно никогда не увидеть света,—великолепный материал для изучения далекого отрезка материка, прекрасный учебник полярной практики.

— Ну, ребята,— катитесь из комнаты,— выпроваживает Ушаков лаек, бесцеремонно расположившихся на полу, — беседа еще не окончена.

— Хорошую вы нам избу построили, — продолжает он, — температура в самые отчаянные морозы, доходившие до 47 градусов и при ветре в 25 метров в секунду — всегда была нормальной, а спали обычно с открытой форточкой. Двухгодичный запас продуктов так и не съели. Все у нас — любители медвежатины, а сластен— таких не было. Конфеты, печенье — остались. Только Урванцев сумел съесть ящик фиников.

— Был у нас один трагический случай во время зимовки. В первый год мы долго не могли наладить радиосвязь с материком, а когда наладили, то получили телеграмму, адресованную Журавлеву: «Безнадежно больны двое детей, третий больной». Телеграмму я Журавлеву не показал и считал это правильным при тех нервных настроениях, которые тогда существовали в момент полярной ночи. Лично я понял между строк телеграммы, что двое детей умерли. Потом это подтвердилось через два месяца новой депешей. Много ужасных мучительных минут мне пришлось пережить. Журавлев обожал своих ребят, часто о них вспоминал, рассказывал с теплотой и подробностями, а ты сидишь, все знаешь, переживаешь и не смеешь сказать правду. Когда окончилась полярная ночь, начались поездки, и у

всех моментально изменилось настроение. Появились бодрость, жизнерадостность и энергия.

— Вот в это-то время я и поехал с ним на охоту, а во время отдыха в палатке — все рассказал. Тяжело переживал Журавлев, запивал свое горе, но вскоре же работа отвлекла его от мрачных мыслей. Тогда я понял, что был прав, не сообщив ему о детях во время полярной ночи. Интересен один факт, произошедший в связи с этим событием Скрыв от Журавлева, я рассказал эту историю Урванцеву. К этому времени у нас опять порвалась связь с материком, при чем восстановить ее не удавалось в течение полутора месяцев. И вдруг Урванцев заскучал, занервничал и предъявил мне обвинение в том, что я скрываю телеграмму от его жены, с которой вероятно что-нибудь случилось. Целый месяц он мучил меня запросами, не веря моему отрицанию. Наконец, потеряв всякое терпение, я торжественно встал и дал честное слово в том, что никаких тревожных телеграмм от его жены не получал. Только тогда он поверил, растрогался и в знак того, что у него нет больше сомнения — с чувством пожал мне руку.

— Вот, товарищи, какие необычайные моменты случаются во время зимовки. Когда не было санных экспедиций, жизнь колонии была строго регулирована. Организовали недельные дежурства по уборке помещений, огапливанию и приготовлению пищи. В студеные вечера обычно читали, иногда даже вслух, полярную литературу и советскую беллетристику. Урванцев изучал английский язык, слушали радио, при чем я заметил, что к женским голосам наши слушатели относились куда внимательнее, нежели к мужским.

Однажды пела голландская певица, а за нею — баритон. Не понравилось это Журавлеву: «Буза, — говорит, подошел к рупору, да как крикнет:

— Даешь «Кирпичики»!

И что б вы думали? Раздался сухой голос диктора, объявивший, что сейчас будет исполнен популярный русский романс «Кирпичики». Мы все обалдели от неожиданности: певица пела, точно по заказу.

Перед окончанием полярной ночи, в последний месяц все как-то напряглись. Санных экскурсий нет, сидим в одной комнате уже много месяцев подряд и все, что только можно

было — рассказали друг другу. Начали нервничать, а порою и грубить. Вот тогда-то я и издал свой первый приказ:

«Проводя вторую зимовку, мы вступаем в тяжелый момент. Надо выполнить задание правительства во что бы то ни стало. Между тем я замечаю упадок настроения, невыдержанность, грубости и т. д., что совершенно недопустимо на нашей зимовке. Основными причинами этих явлений считаю не только долгое пребывание вдали от материка, но и нежелание держать себя в руках. Поэтому считаю необходимым предложить каждому дежурному следить за санитарным обслуживанием, во-время приготовлять пищу, тушить свет в 23 часа и с этого времени до 8 часов утра его не зажигать. Запрещаю ложиться в постели в течение дня и курение в помещении. Устанавливаю обязательный 8-часовой рабочий день. Даю индивидуальные каждому задания. Нарушившим этот приказ — выговор с предупреждением, за второй раз — выговор с доведением до сведения Арктического института и в третий раз—освобождаю от работы».

Целью этого приказа было не напугать, а желание наладить дисциплину — дать каждому определенную работу, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей. Самое трудное в освоении Арктики это — освоить человека, понять его, установить правильные взаимоотношения. В этом, я считаю — залог успеха.

Праздники, которые там, на материке, так торжественно справляются, у нас были нерадостные. В эти дни безумно хотелось быть в море флагов и колонных демонстраций.

В общем жили дружно и все работали хорошо, а мой приказ был лишь для пущей строгости, ибо и без него каждый честно и самоотверженно выполнял свои задания. Особо надо отметить Урванцева — незаменимого человека в экспедициях. Я такого преданного и верного товарища еще нигде не встречал. Благодаря Урванцеву наша двухлетняя зимовка дала богатейшие научные результаты. Его прекрасное знакомство с Таймырским полуостровом дало возможность безошибочно ставить диагнозы в то время, как новичок здесь учился бы.

— Ну, что же вам еще рассказать, — оглядывает слушателей Ушаков, — ведь все равно всего не передашь. Были, например, две радиопереклички с семьями, но лично я был

против таких выступлений, ибо видел, как это расстраивало людей, психически тяжело действовало на них.

— Ну вот и будя, — как бы с облегчением говорит он,— лучше скажите, сколько сейчас времени?

— 8 часов...

— Ну, рано, можно еще поболтать...

— Вот именно рано...

— Позвольте, ведь 8 часов вечера, да?

— Ха-ха-ха — утра!

— Ну, у меня ум горячий, как говорят самоеды...

Солнце попрежнему невозмутимо проделывало свой очередной незаходящий путь. В маленькое окошко откуда-то издали с края горизонта заглянули тяжелые, налитые свинцом облака.

— Треханет вас маленько, — как-то по-собачьи потянув носом, констатировал Журавлев, — ну, да вам не привыкать: тертые ведь, небось?..

В ЛЕДЯНОЙ ПЕТЛЕ

Вечером начался шторм. Дикий ветер, достигший силы в 8 баллов, раскидывал огромные горы вспененных волн. Воронин заторопился — бухта небольшая, открытая, надо немедленно удирать в море.

Наиболее удобным и кратчайшим вариантом на восток— к устью р. Лены надо было считать пролив Вилькицкого, проходящий мимо северной оконечности Азии — мыса Челюскина и южной оконечности Северной Земли. Так, собственно говоря, направился бы любой мореплаватель. Но здесь О. Ю. Шмидт неожиданно выдвинул другой, интереснейший, но чрезвычайно рискованный проект.

Он рассуждал так: поскольку нам везет в этом году, поскольку на всем пути мы еще не встретили особо тяжелых льдов, не стоит ли нам воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами и попытаться обойти вокруг Северной Земли, т. е. побывать там, где не было ни одно судно в мире, видеть то, что не удавалось увидать лучшим исследователям Арктики. Вполне понятно, что выбор этого маршрута целиком оправдывался и в научном отношении.

Некоторые, правда очень немногие, склонны были видеть в этом необычайном предложении своеобразный аван-

тюризм. Но надо хорошо знать Отто Юльевича, чтбы понять его неугомонную, неспокойную, вечно в исканиях нового, неизвестного науке, натуру. Мне приходилось с ним плавать не раз, и поэтому необычайное предложение О. Ю. Шмидта меня не удивило. Сколько раз я бывал свидетелем, как Шмидт добавлял, расширял основную программу работ новыми исследовательскими рейсами. Он пользовался буквально малейшей возможностью, чтобы сделать новый вклад в дело изучения наших северных окраин.

Сильно возражал капитан, мотивируя тем, что у нас еще впереди долгий и тяжелый путь, а времени мало, что у него есть основное задание партии и правительства пройти Северо-Восточный Проход и что никаких побочных заданий он знать не хочет. Но в душе, я уверен, он был рад и горд быть первым капитаном, обогнувшим с севера Землю Северную.

Поворчав для формальности, он вдруг быстро пошел на уступки и согласился с неопровержимыми доводами. Распрощавшись с зимовщиками, сделав медленный круг в бухте, «Сибиряков» двинулся к выходу в открытое море. К этому времени на горизонте, сильно качаясь, показался «Русанов», которому всю ночь пришлось простоять в 15 милях от берега из-за сплошного тумана. Он шел, держа курс на бухту, которую мы только что покинули, для смены колонистов, — «Сибиряков» — резко на север. Без гудков и приветствий мы разошлись в разные стороны.

Получили радиограмму от председателя арктической комиссии при Совнаркоме СССР—С. С. Каменева.

«Горячо благодарю экспедицию «Сибирякова» за выполнение первого правительственного задания — достижения Северной Земли — и твердо уверен в выполнении всего рейса».

Ночью шторм достиг огромной силы — началась килевая и бортовая качка. Затихли звуки расстроенного пианино в нижней кают-компании: большинство участников мучилось приступами гнусной болезни. Грянул ливень, смешанный с мелким колючим снегом. Весь ледокол — палуба, каюты, снасти и мачты покрылись плотной, застывшей коркой льда.

Маленький штурман А. Е. Сакс, скрываясь на капитанском мостике за огромным брезентовым полотнищем, натя-

нутым от ветра, едва рискует выглядывать—ветер и острые кристаллы льда беспощадно режут лицо. Снова все стадо—коровы и свиньи — приняло ледяной душ. Тысячи брызг, поднимаемых ветром, потоками врываются на полубак. Ледокол идет вдоль бесконечных берегов Северной Земли, обнаженных от снега, вдоль бурых опухолей голых холмов.

— Началась наиболее трудная часть экспедиции, — записано у меня в дневнике от 14 августа.

Почему я в то время решил, что мы — накануне тяжелых испытаний — не знаю. Наоборот, нам сопутствовало отчаянное счастье и везение. Куда ни взглянешь — волны, волны и ни одной льдинки. А ведь в 1930 г. в этом районе мы едва выбрались без зимовки из стальных объятий льда. Сейчас же — сплошное открытое море.

К утру волны смирились. Ледокол слегка, как в люльке, подкидывала старая затихающая зыбь. Льда все еще нет. Навстречу плывут, тяжело раскачиваясь в волнах, огромные айсберги. С левого борта показался большой куполообразный белый пирог о. Шмидта, покрытый вечными ледниками, и вскоре «Сибиряков» вошел в толстые, разрозненные, изъеденные прибоем ледяные поля. Ловко обходя белые громады, а когда необходимо — и форсируя их, ледокол уверенно продвигался вперед.

И вдруг неожиданный тормоз. Выбегаем на палубу. В 50 метрах от борта, с любопытством рассматривая невиданного зверя, стоят медвежиха с малышом. Мать настойчиво поводит носом, исследуя незнакомые запахи, а малыш робко прячется сзади, точно за мамкиной юбкой. Затрещал в исступлении киноаппарат, защелкали затворы нетерпеливых охотников.

— Можно начать, — скомандовал Шмидт.

Первая пуля «меткого» охотоведа Белопольского угодила в зад медвежихи. От боли и неожиданности 30-пудовая туша резко подскочила вверх и, повернувшись, злобно укусила медвежонка за голову, вероятно полагая, что он и является причиной ее внезапных страданий. В следующий момент она была уже в полынье, торопясь плыла к дальней льдине. У ее короткого обрубка хвоста, отчаянно работая лапами, испуганно скосив глаз на ледокол, спешил медвежонок. Вылезали на лед, снова бросались в воду, плыли, ныряли до тех пор, пока мать не прикончили.

— Малыша доставить живьем, — распорядился Шмидт.

Для того, чтобы поймать медвежонка, мы знали, что существует старое поморское правило: тело матери не убирать с льда. Тогда медвежонок, чувствуя ее запахи, далеко не уйдет, будет бегать вокруг, кричать и звать на помощь.

Мы так и сделали. Тело матери оставили лежать на снегу, а с правого борта спустили моторку, захватили веревки и втроем — моторист Денисов, матрос Паша Сизых и я — отправились на поимки.

Первой нашей задачей было спугнуть малыша со льдов, заставить его плыть в полынье. У людей существует совершенно неправильный взгляд на медведя, как на зверя косолапого и неуклюжего. Даже поговорка существует — «косолапый, как медведь». Здесь в Арктике — это в корне неправильно. Вы бы посмотрели, с каким изяществом и ловкостью белый гигант перепрыгивает через огромные полыньи, как он стремительно и быстро бежит. И, конечно, медведя на льду не поймать и от него не уйти.

Мы быстро согнали его в огромное разводье и, тарахтя моторкой, ринулись в погоню. Медвежонок плыл быстро и хорошо, как заправский спортсмен. Но в наших руках была техника и техника победила. Расстояние с каждой секундой все сокращалось. И вот он уже совсем близко, рядом от лодки, распластавшись на поверхности воды, из последних сил, задыхаясь, старается удрать.

Скрученная петлей веревка свистит в воздухе, но медвежонок ловко ныряет, пряча голову в воду. Несколько раз мы пытались его зацепить и бесполезно. Он неизменно выскакивал от вот-вот уже настигшей его петли. Потеряв всякую надежду, я делаю последнюю попытку, и веревка крепко обвивается вокруг его шеи.

— Тащите к борту, — несутся нетерпеливые крики с ледокола.

Но тут происходит первый конфуз. Наша моторка тянет в сторону ледокола, а задыхающийся, теряющий силы медвежонок яростно гребет в противоположную сторону, и в результате моторка беспомощно тарахтит на месте. Но техника и на сей раз победила. Медвежонок выбился из сил, и медленно нам удалось притащить его к борту. Дальше уже было значительно проще. Лебедкой его подтянули на борт, правда, с большим риском, ибо ребенок был

полуторагодовалый ростом выше любой собаки, с огромными когтистыми лапами, с легкостью своротившими бы подвернувшийся череп. Мы развязали затянувшуюся петлю, быстро из досок, в углу полубака соорудили узенькую клетку, куда и посадили полярного гостя.

Весь Северо-Восточный Проход прошел с нами этот медвежонок, доставив массу веселых минут и удовольствия. С ним няньчились, за ним ухаживали, из шланга поливали холодной морской водой, специально били тюленей для прокорма, словом, на это маленькое пушистое существо перенесли всю свою накопившуюся, неизрасходованную нежность. А авиационный механик Н. Г. Игнатьев скормил даже весь свой паек сгущенного молока, заметив, что медвежонок в нем чувствует большой недостаток.

Не успели покончить с медвежонком, как рядом, в 10 шагах от ледокола, выглянул круглый череп моржа, с прекрасными длинными бивнями. Тяжело отдуваясь, он маленькими узкими, заплывшими от жира глазками спокойно разглядывал ледокол. И вдруг грянул выстрел — пуля шмыгнула в щеку под глаз. Морж сразу пропал. Лишь на момент показалась его бурая спина и большое, расплывшееся по воде пятно крови и сала. Пока снаряжали моторку, зверь утонул. Так это и должно было быть, ибо в это время года, т. е. весною, моржи и тюлени — без жира.

— Кто посмел без разрешения выстрелить? — раздался грозный голос О. Ю. Шмидта.

Виновником оказался Марат, от волнения и охотничьего азарта забывший приказ не стрелять без разрешения начальства.

— Ну, засыпался, — издевались над ним ребята, — винтовку у тебя отберут и лишат права стрельбы на несколько охот. Вот увидишь...

Поздно вечером, пройдя чистой водой северную оконечность Земли Северной—мыс Молотова, на широте 81 град. 25 мин. встретили кромку сплошного льда. Это было толстое многолетнее поле, бесконечно тянувшееся во все стороны. Широкой белоснежной скатертью раскинулась ледяная пустыня. На совещании руководящей тройки — О. Ю. Шмидта, В. И. Воронина и В. Ю. Визе—было решено дальше на север не итти, а направиться к югу, вдоль восточных

берегов Северной Земли. «Сибиряков» взял курс зюйд-зюйд-ост.

16 августа в полдень ледокол попал в ледяную петлю. Со всех сторон неприступными крепостями встали ледяные громады. Пришлось повернуть обратно к мысу Молотова. Но через два часа, воспользовавшись полосой разреженных льдов, снова переменили направление на юг и прошли траверс мыса Розы Люксембург. Дикое зрелище представляют гигантские ледяные поля. Они совершенно искрошены в мелкие куски, превратившись в кашу — крутую и жирную.

В 5 часов вечера в сильный 6-балльный ветер мы окончательно встали в нетолстом одногодовалом льду со множеством полыней, уже успевших подмерзнуть. Если б не было сильнейшего сжатия, ледокол прекрасно мог бы форсировать эти поля. Но сейчас все попытки продвинуться вперед были безуспешны. На полных оборотах работают машины, сзади кипит, бурлит водоворот воды, выбрасывая зализанные волнами бледно-синие льдины. Но вверху — сам капитан и его старший помощник Ю. К. Хлебников испробовали уже, кажется, все возможные способы, — били лед, отходили назад, уходили в сторону в поисках убойного места — бесполезно. Ледокол был в крепких объятиях ледяных полей.

Заскрипело судно, тысячетонные глыбы под действием ветра навалились на «Сибирякова», грозя уничтожением клепок, скрепляющих отдельные листы бортовой обшивки. Пришлось выходить на лед, обкалывать пешнями, отталкивать их баграми. С огромным трудом, при самоотверженной работе всего экипажа «Сибиряков» сдвинулся с места, но через 10 минут снова застрял. Снова бросились на лед, снова в исступлении били громады прозрачных кристаллов. Томительно долго кипела вода, всклокоченная лопастями винта, который пытался сорвать «Сибирякова» с места и двинуть вперед. Опять прошли несколько метров и опять встали. Так было много раз, и казалось, никогда нам не пройти эти бесконечные льды. Все, кто впервые плавал в Арктике и говорившие «ну, где же трудности пробивания через льды?» — теперь были полностью удовлетворены.

Решили использовать последнее средство—аммонал. Впереди на почтительном расстоянии от ледокола вырубили широкую прорубь, спустили под лед несколько пачек взрыв-

чатого вещества. Подрывник Малер с лицом человека, идущего на явную смерть, поджег фитиль и, трусливо, несладно разбрасывая ноги, бросился бежать, перепрыгивая через торосы, спеша к ледоколу. Долго мы ждали красивого и эффектного взрыва, мечтали увидеть победу техники над суровыми льдами Арктики, и не дождались. Когда Малер с матросом, дрожа, вернулись к страшному свертку, то оказалось, что шнур затух. Только здесь на Севере выявилась неопытность и неумение нашего подрывника, на которого возлагалось столько надежд, производить взрывы ледяных полей. Впоследствии руководящая роль во всех операциях перешла к членам экспедиции, быстро овладевшим техникой взрывных работ.

С огромными трудностями поздно вечером вырвались из ледяной петли и беспрерывно форсируя льды, ежеминутно встречая тяжелые поля и огромные айсберги, продвинулись вдоль красивейших берегов Северной Земли, крутых, серебряных от снега и нависшего тумана, гор с огромными глетчерами, к широкому проливу Красной Армии.

А вдали, на юге — светлая золотая полоска освещенного солнцем льда. Там —открытое море, там тепло, там — свобода, до которой всего лишь миль сорок.

«16 августа. Пробиваемся ударами в тяжелом припае, выбираясь на виднеющуюся вдали воду. Берег закрыт туманом. На льду идут подрывные работы. Хлебников», — сухо повествует вахтенный судовой журнал.

«17 августа. Продолжаем стоять во льду, в ожидании благоприятных условий. Туманы по горизонту и берегу. Сакс».

«18 августа. Продолжаем итти тяжелым льдом. За сутки пройдено около 8 миль. Марков».

Так, день за днем, из последних сил, бесполезно тратя драгоценный для нас уголь, выбивался ледокол на чистую воду. А бывали моменты, когда за 4-часовую вахту, при полной работе машин «Сибиряков» после непрерывных отходов назад продвигался на половину своего корпуса вперед. Трое суток воздух стонал от взрывов аммонала, при помощи которого люди старались добыть себе свободу. А лед был исключительно крепким. Под его гигантским напором, как бритвой срезанные, летели стальные заклепки.

Погода, как на зло, стояла теплая и солнечная. Восполь-

зовавшись даровым освещением, режиссер Шнейдеров, забыв свой сложный график туманных дней, составленный им для оправдания перед правлением Межрабпома, погонял оператора Трояновского, заставляя снимать все и вся.

«Сибиряков» попал в окружение гигантских айсбергов. Больше сотни изумрудных колоссов неподвижно стояли вокруг, не давая льдам расходиться, как бы руководя сжатием. Проснешься утром,— в иллюминатор бьет яркое, до боли в глазах, ослепительное солнце. Кругом — те же льды, разводья и айсберги, что мы видели и вчера и позавчера.

— Продвинулись на 20 метров,— мрачно радует штурман Марков.

Круглые сутки без сна и отдыха — капитан наверху. Побледневший, осунувшийся и издерганный Воронин волнуется: запасы пресной воды с бешеной скоростью улетучиваются. До 30 тонн уходит в сутки угля. Ледокол легчает, теряет свою маневренную способность, способность огромной тяжестью давить льды.

Вот уже вторые сутки, как мы безуспешно бьемся у фиорда Матусевича. Так много рекламированный аммонал — не дает необходимого эффекта. Вся сила взрыва уходит вверх, в воздух. А на месте закладки патрона — небольшая лунка раскрошенного льда, но не трещина, которая нам так необходима. Единственно, где аммонал приносит пользу, это когда ледокол застревает и не сможет сдвинуться с места. Тогда небольшой заряд метрах в 5 от носа «Сибирякова» дает сильную подводную волну, помогающую судну сорваться с невольного ледяного причала. Очистить же большое пространство льда — аммонал не в состоянии.

Был у нас еще термит, о котором в трудную минуту и вспомнили. Но подрывник Малер, позабыв по оплошности какие-то специальные принадлежности, несмотря на бурные протесты химика Брунса, горячо отстаивал свою точку зрения, заявляя, что термит действует лишь через 24 часа после закладки, что нас, конечно, никак не устраивало.

Вот в таком безнадежном положении мы провели трое суток. Впереди манила темная синь воды, а пробраться туда у ледокола не было сил. Судно беспомощно топталось на месте.

Воспользовавшись случаем, участники экспедиции возобновили охоту на медведей. Прыгая с ловкостью заправских акробатов через полыньи, уже подернутые тонкой хрустящей, как черствый хлеб, коркой льда, проваливаясь в воду, обдирая руки, лица о колючие острые кристалы, уходили они далеко от судна, уверенные в том, что без них ледокол все-равно не уйдет. Вокруг «Сибирякова» стайками расположились на льдах белоснежные чайки, потеряв вместе с движением судна — бесплатный обед.

Для того, чтобы определить расстояние, отделявшее «Сибирякова» от чистой воды, мы залезли на огромный айсберг. Карабкаясь по отвесной скользкой, глянцевой и твердой, как гранит, стене веками спрессованного голубого льда, с темными прожилками трещин, мы забрались на небольшое плато с крошечным озерком пресной кристально-чистой воды. Над вершиной гиганта, в воздухе черный поморник настойчиво преследовал белую чайку. С гортанными криками чайка стремительно взвивалась вверх, то камнем падала к воде, но хищник неотступно преследовал ее и время-от-времени бил в голову острым клювом. Казалось, что еще мгновение — и чайка погибнет. Но тут неожиданно явились на помощь две подруги, храбро бросившиеся в атаку. Силы были неравные, и хищник позорно удрал.

— Эх, нету дробовика, я б его,— начал охотовед Белопольский,— но его охотничий пыл моментально охладел, как только ему напомнили случай, когда он в медведя разрядил всю обойму и ни одной пулей не попал.

Сверху открылась чудесная панорама, бесконечная, сверкающая бриллиантами кристаллов ледяная пустыня, изъязвленная темными прорехами полыней, с белыми, тонкими и узорчатыми перемычками. Вдали, под охраной двух суровых стражей-айсбергов густо дымит «Сибиряков», тщетно пытаясь пробраться к совсем уже близкой синей полоске воды.

Вечером, едва успели поужинать, как получили приказ — всем выйти на взрывные работы. Забираем тяжелые нескладные пешни и спускаемся вниз. Впереди носа ледокола научные работники и матросы пробивают лунки для закладки аммоналом. А лед крепкий и толстый. Иной раз $1^1/_2 — 2$ метра приходится обкалывать, продвигаясь по сантиметру вглубь. Яма быстро наполняется холодной во-

дой. В стороны летят студеные брызги. Все мокрые от воды и обильно струящегося пота, стекающего по лицу и спине.

Приходится раздеваться. Здесь, в Арктике, в бесконечной ледяной пустыне люди работали, обнаженные до пояса, отдавая последние силы, чтобы вывести ледокол на чистую воду. Нестерпимо хотелось пить. Подходишь к затянутой тонким стеклом льда полынье, разбиваешь лед и как в зеркале видишь свое красное и потное лицо.

Пачками, штук по 15—20, в непромокаемой обертке закладываем аммонал, устанавливаем капсули, опускаем сверток с колосником под лед, зажигаем длинный шнур и разбегаемся в разные стороны, наблюдая, как долго стелется тонкий дымок на поверхности льдов. Минут через 5— сильнейший подводный удар, и гагантский фонтан сверкающего на солнце снега, воды и ледяных осколков с грохотом вздымается вверх, осыпая нас, как снарядами.

Капитан делает новую попытку продвинуться вперед и, потеряв всякую надежду, стопорит ледокол. Снова пробуем пройти вперед, снова с каким-то бешенством и безумной злобой колем стальные льды, закладываем аммонал и так без конца, иной раз всю ночь напролет. А на утро очередной мрачный штурман обрадует:

— продвинулись, так чтобы не соврать, не более, как на 10 метров...

18 августа у самой кромки, куда метр за метром прополз «Сибиряков», лед стал несколько разряженнее, вернее, был больше изъеден водою. Но и здесь, в 5 саженях от чистой воды, мы едва не застряли, выбравшись в море лишь после 4-х взрывов аммонала, заложенного под самым бортом ледокола.

Протиснув широкие борта в узком пробитом ледяном коридоре, «Сибиряков» вышел на чистую воду.

На ледоколе был праздник. Громкое раскатистое «ура» победно огласило окрестности, эхом отдавшись в далеких горах.

Полюбоваться выходом «Сибирякова» из льдов вышли и чумазые, насквозь пропитанные угольной пылью, кочегары, но тут же удрали вниз.

— Холодно у вас тут на палубе что-то,— заявили они, привыкшие к адской жаре.

Сделав продолжительную научную станцию, ледокол взял направление вдоль Северной Земли, не имея возможности повернуть на восток, так как к берегу прижимали нас льды. Вскоре снова начали попадаться разреженные поля, толщиной до 3 метров, с которыми «Сибиряков» легко расправлялся. На одной из льдин видели крупного медведя, поджидавшего у полыньи нерпу, и, прокричав ему «здорово, старик», не останавливаясь, прошли мимо. Воронин спешил нагнать потерянное в неравной борьбе со льдами драгоценное время.

Стоит полный штиль. Поверхность воды,— гладкое, всеотражающее озеро. На голубом ясном небе длинные, приплюснутые сверху, напоминающие своим видом дирижабль—облака.

— Это — «лентикулярис»,— объясняет Н. Л. Русинова,—а форма такая у них потому, что наверху, видимо, страшный ветер, который их и приплюснул.

Все спокойны и радостны, — точно навсегда освободились от трудностей и лишений. В верхней кают-компании, как ни в чем не бывало, возобновился розыгрыш первенства игры в домино, а в нижней — художник Решетников, барабаня на пианино, изводил куплетами молоденькую жену геолога — Олечку, случайно попавшую в экспедицию и едущую с группой изыскательской партии Союзгеоразведки зимовать на Чукотский полуостров.

— Ах, зачем и почему
По какому случаю,
На Чукотку еду я,
Сама себя мучаю.
— Меня, милую красотку,
Потянуло на Чукотку,
Не поеду я в Париж,
Милый,— не уговоришь.

Впервые за всю экспедицию радисту Е. Н. Гиршевичу удалось поймать обрывки политических новостей.

— Отто Юльевич,—докладывает он Шмидту, — случайно уловил, что офицерство в Берлине устраивает большой вечер-бал.

— Ну, вот,— смеется начальник,—теперь все ясно: в Германии, значит, еще нет революции...

Утром, 19 августа, разрозненные, изобиловавшие большим количеством полыней льды окончательно скрылись.

Едва оправившись от первой изнурительной схватки, мы попали во второе сражение, но на сей раз с сильнейшим противником. «Сибиряков» попал в гигантские, сильно-торосистые, многогодовалые поля, в дикий хаос нагроможденных друг на друга глыб. Создавалось впечатление вспаханного чьей-то могучей рукой ледяного месива. Толщина льда в отдельных случаях стала доходить до 8 метров и более. Продвигаться вперед в таком окружении стало весьма тяжело. Начались беспрерывные застревания.

Вклинится ледокол в огромную многотонную глыбу, с наторошенными на ней льдинами, подомнет под себя, бросится на другую — раздавит, на третью, четвертую, и, ослабев, потеряв инерцию — станет.

Внизу в кочегарке — безумная работа, адские темпы — только успевай подносить и подкидывать угля. А пара — все равно нехватает.

Полный назад — но и этот маневр не удается. Боковые огромные льдины со страшной силой сжимают борта, а внизу под килем — ледяная подушка, с которой никак не может сползти ледокол. В прожорливые пасти топок летит ценнейший для нас уголь — и все понапрасну. Уголь пускаем на ветер.

А ветра-то как раз и нет, но нужен он нам до-зарезу, ибо только он один может с легкостью раскидать или раздвинуть вплотную сомкнувшиеся, спаянные молодым упругим ледком поля. Снова безнадежно рвем льды аммоналом, но результата никакого.

К вечеру окончательно измотавшийся капитан велел сбросить пары и остановиться.

— Когда человек устал,—устала и машина,—заявил он.—Здесь лучше всего остановиться и итти спать. Сколько бывало вечером бьешься на ледяной перемычке, не можешь ее пройти, а утром,— чуть встал,—она уже позади...

Стало тихо-тихо, как в ледяном склепе. Льды не шуршат, не трутся с треском о борта ледокола. Не шипит зловеще вода, сгоняемая мечущимися льдинами в бурный водоворот. Лишь где-то далеко, в машинном отделении, заунывно и тонко свистит вырвавшийся из котлов пар.

«А вдруг зимовка?» Эта мысль, кажется, впервые пришла в голову с момента отъезда.

Действительно, картина жуткая. Кругом — лед, лед, тя-

желый и мрачный. Арктика приложила все усилия, чтобы не пустить нас к сибирскому берегу. А до материка уже недалеко. «Сибиряков» вертится где-то в районе мыса Морозова у входа в пролив Вилькицкого, но впереди из-за густого тумана — никакой видимости.

Ночью О. Ю. Шмидт разговаривал по радиотелефону с Р. Л. Самойловичем.

Поздравив «сибиряковцев» с блестящим успехом — обходом вокруг Земли Северной, Р. Л. Самойлович сообщил, что 17 августа «Русанов» в проливе Шокальского, у мыса Бубнова построил большой солидный дом, который будет служить промежуточной базой между зимовщиками Земли Северной и мысом Челюскина. На базе оставлен запас дров, керосина и продовольствия. Сейчас «Русанов» делает гидрологический разрез от мыса Бубнова до фиорда Тельмана и дальше — к мысу Челюскина, где он ссадит первых колонистов на самой северной точке азиатского побережья.

До 4 часов следующего дня «Сибиряков» терпеливо простаивал на месте, а ветра, так страстно ожидаемого ветра— все не было. Попрежнему — полный штиль, только яркое солнце торопливо спряталось за плотную завесу мглы. Тепло. Все гуляют в легких рубашках, а кругом грязные бурые торосы — прибрежный припай. К вечеру течением ледокол несколько продвинуло вперед и к берегам Северной Земли.

— Владимир Юльевич,— хорошо ли это? — спрашиваем проф. В. Ю. Визе.

— А кто знает, — неопределенно машет он рукой, погруженный в какие-то мысли.

— Вот это ладно,—довольно потирая руки, заявил капитан,—дождь льды размочит, сделает мягче, а следовательно, и немного уступчивее.

И правда, не прошло и двух часов, как «Сибиряков» медленно стал продвигаться вперед. Что тут подействовало — дождь или тот факт, что льды стали тоньше — не знаю. Но ко всеобщему изумлению мы шли вперед. Во всяком случае, вчера о таких темпах мы не могли мечтать. Случилось это, как и все наиболее интересное, на вахте штурмана Ю. К. Хлебникова. Он какой-то монополист на крупные решающие моменты в нашей экспедиции.

В нижнюю кают-компанию влетает возбужденный Муханов с заявлением, что «Сибиряков» неожиданно изменил

курс и идет обратно к проливу Шокальского. Ошеломленный, ничего не понимая, бегу на спардек к штурману Маркову. В чем дело?

— У вас слухи идут из поддувала,— спокойно отвечает он. — Муханов вечно все перепутает.

К утру лед стал значительно легче. Это были большие торосистые поля с полыньями, так что ледокол мог их легко на полном ходу раздвигать. Ледяные торосистые поля—это какой-то фантастический город со сложной системой переулков, тупичков, улиц и домишками, разбросанными в беспорядке. Идешь вдоль таких мертвых, застывших в вечном сне городков и думаешь, кто же тот искусный мастер, кто их создал.

Вечером пришла печальная телеграмма, в которой сообщалось, что летчик Иванов, отчаявшись нас догнать, вылетел из Канина Кия обратно на Архангельск и у о. Мудьюга, в 60 клм. от города потерпел аварию — скапотировал в сильном тумане, при чем никто из экипажа не пострадал.

Итак, нам суждено итти без самолета. А он нам так нужен. Вот здесь, хотя бы в этих льдах воздушный разведчик давно бы указал нам правильный путь, избавив от лишней траты угля, сил и энергии.

Утро встретило пасмурной, дождливой погодой. В воздухе сырость и тепло, совсем как в Москве ранней весной. Все мокро—палуба, поручни, кожаная куртка, а по лицу бегут мокрые капли брызг. Огромные бурые, грязные от водорослей льдины как-то осели и заплакали горькими, чуть подсоленными слезами.

На полубаке, в крошечной клетке мечется медвежонок. Его уже два раза окатывали из шланга ледяной водой. Сердито фыркая, он бьет крепкими лапами о решетку, кося позеленевшие от злости глаза на матросов. И вдруг, повернув голову к маленькому отверстию в борту, он жалобно и пискливо воет...

— М-м-м-а-а.... у-а-а-а...

Проносящиеся мимо судна льды, видимо, напоминают ему мать, которую он так тщетно и зовет.

Из третьего трюма матросы перегружают уголь в карманы. Мелкая пыль проникла повсюду — в камбуз, лаборатории и нагло пробралась в личные каюты на постели.

22 августа днем миновали острова святых Самуила и Фаддея.

— Тут они высланы за ненадобностью,— смеются матросы и взяли курс к о. Куба (оказывается, и в Арктике такой имеется).

Тусклое солнце спряталось за сиреневые облака. Лишь вдали где-то стрельнул золотой луч, на момент залив светом длинную полосу льда. Идем медленно в тяжелых торосистых полях, а впереди, во всю ширь горизонта — темно-синее водяное небо и даже, кажется, чистая вода. Ледокол трясет, словно в лихорадке, мелкой, порывистой дрожью. В голове появляется жуткая мысль, не отбили ли льды лопасть винта? Спросить — бесполезно, все равно никто не ответит. О таких вещах на ледоколе стараются не говорить. Но судовой журнал — черствый барометр экспедиции — безжалостно констатирует:

«23 августа. 16 час. замечена неправильность работы гребного винта. Можно предполагать потерю лопасти Хлебников».

Первое несчастье внезапно свалилось на голову. Никто уже не предполагает,— все уверены в том, что у ледокола три лопасти, ибо машина работает неправильно и характерная дрожь сотрясает все судно. Во всяком случае ясно, что потеря винта повлияет на ход ледокола, не даст возможности с прежней уверенностью форсировать льды.

В 10 час. вечера три мощных гудка возвестили экипаж о радости выхода в чистую воду. Вылезаем на палубу — льды далеко позади, чуть виднеются светлыми пятнами. Небо синее, зловеще подернутое темно-серыми тяжелыми тучами. На горизонте краешек неба залит золотом солнца. Все— льды, вода и торосы переливаются в тончайших причудливых красках. Огромные глыбы льда неожиданно оказываются бледно-розовыми или зелеными.

— Ну вот, — восхищается художник Кантарович — разве кто-нибудь на материке поверит, что льды бывают красного цвета? Это фантазия, скажут, художника...

В 200 метрах от «Сибирякова» на льду безмятежно спит морской заяц. Услышав треск и скрежет ломающихся льдин, он нехотя открывает маленькие заспанные глазки и, увидев судно, быстро ныряет в воду.

— Меня боится,— самодовольно улыбается Чачба,— знает, что охотник едет...

24 августа «Сибиряков» вошел в море Лаптевых. Попрежнему пасмурная, хмурая и туманная погода. Многочисленные промеры показывают небольшие глубины. Поэтому идем медленно, боясь налететь на банку. Температура воды достигла 5 градусов тепла. Сильно пониженная соленость говорит об огромном влиянии впадающих в море Лаптевых крупнейших сибирских рек — Лены, Оби и Индигирки. Радиосвязь с материком окончательно потеряли — телеграммы передаем через «Русанова». Лишь поздно вечером, проходя губу Бархая, впервые удалось связаться с новой радиостанцией Тикси. Радист сообщил, что он с 9 августа упорно выстукивает: «Всем, всем, слушайте меня», а с ним никто, даже рядом расположенный Булун — разговаривать не хочет. На радостях радист предложил нам разговаривать хоть каждый час.

— Застоялся малый, — смеется Кренкель, — руки, видимо, зудят.

Радиостанция Тикси сообщила также о том, что в бухте находится караван ленских речных судов, привезших нам 250 тонн угля, да к тому же на берегу имеется около 200 тонн топлива. Словом, углем «Сибиряков» обеспечен на все время пути до Берингова пролива.

В БУХТЕ ТИКСИ

27 августа, поздно вечером, делая частые промеры глубин, «Сибиряков» вошел в бухту Тикси, расположенную невдалеке от устья крупнейшей сибирской реки Лены. Из темноты, в сиреневом тумане надвигались огромные мрачные горы. И впервые за всю экспедицию мы увидели яркие звезды, точно такие, как мы их оставили там, далеко в Архангельске.

В полночь где-то в темноте пронзительно пискнул тонкий задорный голосок гудка. Болтаясь, как в шторме, на едва заметных для нас волнах, к правому борту ледокола подходило историческое суденышко «Лена», приведенное сюда в бескрайные, безлюдные просторы первым человеком, прошедшим Северо-Восточный Проход — Эриком Норден-

шельдом в 1877 г. по заданию купца Александра Сибирякова. Замечательное стечение обстоятельств: в бухте Тикси — сибиряковская «Лена» и ледокол «Сибиряков», названный именем человека, положившего много сил и энергии на освоение Севера.

— Привет полярной экспедиции, — встречают якуты первое советское судно, достигшее с запада устья р. Лены.

Бухта Тикси для Якутии — это ворота в Европу. Когда-нибудь здесь, на пустынных берегах, вырастет огромный морской порт международного значения, который свяжет далекие окраины необъятной Якутской республики с культурными центрами страны и мира. «Сибиряков» — это первая ласточка, первое советское судно, пробравшееся к устью р. Лены. Поэтому-то так и велика радость якутов, понимавших все огромное значение нового морского пути.

Стоя на верхних мостиках, оба капитана перебросились через рупора несколькими словами, и «Лена», сверкая освещенными, захлебывающимися в волнах иллюминаторами, пошла вперед за лоцмана, указывая своему старшему собрату путь вглубь бухты.

Глядя на крошечную жалкую скорлупку, дерзко ныряв-шую в волнах впереди нас, я вспомнил слова Норденшельда и расхохотался.

«Лена, — писал Норденшельд, — благодаря своей сильной машине, быстро удалилась от прочих судов».

Трудно представить себе, какой же была «Вега», на которой шла вся экспедиция Норденшельда, если черепашья скорость «Лены» была для них недосягаемой.

На борту «Сибирякова» — гости: высокий, худой, с орлиным носом начальник новой научной станции в бухте Тикси, которая открывается в этом году, — Фрейберг, прошедший свой жизненный путь в боях от Казани, Якутска до побережья Охотского моря, зимовавший на Командорских островах; и смуглый, раскосый якут — Богатырев — первый командир норденшельдовской «Лены», наш старый знакомый — геодезист Войцеховский, с которым мы вместе плавали в 1930 г. на ледоколе «Седов» на Землю Франца Иосифа и Землю Северную, начальник речного каравана, перебрасываемого на р. Колыму — Чечехин и зимовщик-метеоролог — Криднер.

За столом кают-компании развертывается беседа. Гости

очень заинтересованы нашим походом, о котором имеют весьма смутное представление.

— Товарищ Богатырев, — интересуется Шмидт, — а что можно вывозить из Якутии?

— Отсюда можна вести пуснина, можна соли, можна рыба, а сюда — все можна, — улыбается Богатырев. Тысячи мелких морщинок опрометью разбегаются по всему лицу.

— А много раз вы бывали в бухте Тикси?

— Не так много, но больше меня никто не бывал.

Глаза его расцветились чарующим весельем, на лице заиграла улыбка.

33 года — таков капитанский стаж у якута Богатырева— лучшего водителя речных пароходов по мелководной порожистой Лене.

— Я удивляюсь, — говорит Фрейберг, — как он вел пароход по устью Лены, без карт и промеров, сворачивая от песков, узнавая мели по цвету воды.

— Для пополнения запаса свежего мяса, — говорит Войцеховский, — мы для вас приобрели 10 оленей. Правда, это мало, ибо на команду в 70 человек надо сразу подать 3 штуки, — но больше не нашли. Вокруг нас нет никакого населения. Ездовых собак для радиостанции и то пришлось доставлять из Якутска.

На моторной лодке, из бухты Булункан, где остановился «Сибиряков», мы отправились к берегу осмотреть речные пароходишки и баржу № 62, привезшую нам уголь. Кривой извилистый берег с огромным количеством небольших заливов. Вдали, в легком тумане — срезанные густым сочным облаком — беспорядочные нагромождения черных гор. В небольшой бухте на поверхность воды высунулась длинная труба исследовательской яхты «Заря», затонувшей здесь много лет тому назад.

— Красные партизаны, — рассказывает Богатырев, — во время борьбы с белогвардейскими бандами, ощущая недостаток в боеприпасах, забрались на «Зарю», разобрали свинцовый пол и перелили его на пули.

В маленькой бухточке у самого берега стоят три речных колесных парохода и три баржи. На длинных шестах вялится только что пойманный максун. Вдоль залива с массой принесенного течением плавника — штабеля заготовленных, свеже-распиленных дров. На борту парохода «Пропаган-

дист» открылся митинг. Мы рассказали якутам о целях нашей экспедиции, о том громадном значении, которое имеет поход «Сибирякова» для развития всего народного хозяйства Якутской республики.

В ответ грузчики заявили о своей готовности бесплатно, в порядке соцсоревнования перегрузить уголь на борт ледокола.

На трех небольших речных пароходах из Якутска в устье р. Лены прибыла большая партия рабочих-грузчиков, женщин, детей с тем, чтобы их перевезли по морю Лаптевых в устье р. Колымы, где сейчас развертывается огромное строительство, где ощущается большой недостаток в рабочей силе и речном тоннаже. Проводить эти пароходы и перевозить людей должны были не мы, а ледокол «Литке» под начальством Евгенова, который вышел из Владивостока и сейчас находился где-то у побережья Чукотского полуострова. Но уже подходя к бухте Тикси, наши радисты перехватили радиограммы Евгенова, адресованные в центр, в которых он сообщал, что его экспедиция находится в чрезвычайно тяжелых льдах и не сможет в этом году зайти в устье Лены для проводки каравана речных судов, ибо время уже позднее и что счастьем будет, если он сам выберется без зимовки.

Тогда-то у начальника экспедиции О. Ю. Шмидта и зародилась новая мысль: не стоит ли нам рискнуть и провести эти пароходики к устью р. Колымы. Собственно говоря, это не входило в нашу основную программу действий, но желание оказать помощь строительству на Колыме оказалось выше рассудка.

А рассудок говорил о том, что в море Лаптевых мы можем встретить тяжелые льды, и тогда наши пароходики, имея тонкую бортовую обшивку, затонут буквально не от столкновения, а от одного прикосновения со льдом. Тогда — авария, спасение, возня, а у нас основное задание партии и правительства — пройти Северо-Восточный Проход без зимовки.

У Шмидта был большой разговор с капитаном. Честный, преданный своему делу Воронин никак не мог понять необходимости взять на себя это побочное задание.

— Как хотите, Отто Юльевич, а «велосипеды» я не поведу, — говорил он, намекая на колесные пароходики.

И все же согласился сам, добровольно, убедившись в весьма веских доводах. Уж очень Шмидт умел уговаривать.

К вечеру приступили к перегрузке угля. Гиганты — якутские грузчики, в своеобразных синих костюмах, широкополых войлочных шляпах, полотняных кушаках и огромных украинских шароварах, на шитье которых, как они уверяли, уходит 10 аршин материи, с привычной ловкостью и каким-то небрежным изяществом быстро таскали тяжелые корзины с углем. Мы долго интересовались, для чего у них такие огромные и вместительные шаровары?

— В жаркую погоду в них ноги не потеют, — смущенно улыбались они.

А один так откровенно сознался: в этих бездонных штанах, при желании, можно скрыть огромное количество муки, крупы, сахара, т. е. всего того, что им приходится перегружать.

Вся эта банда, количеством в 100 человек, переправляется на р. Колыму. В большинстве своем—авантюристы, искатели счастья и приключений, прослышав об открытии на Колыме россыпей золота, они бросили семьи, заработок, заразившись «золотой лихорадкой».

Утром на «Сибирякове» был назначен субботник. Все участники экспедиции выехали на берег, чтобы помочь новым колонистам в строительстве радиостанции и дома для жилья. На моторной лодке подъехали к обрывам черного сланца, окаймленным двумя лагунами, с массой разбросанного плавника. Вдали плескались пенные волны о Караульные камни — огромные скалы, охранявшие вход в бухту Тикси.

На пригорке — дощатый сруб будущего дома и несколько брезентовых палаток, где временно живут колонисты с дымящимися железными печурками, а за ними — огромной стеной — крутые острые сопки, чуть подернутые легким туманом и синей дымкой мглы. Из дверки одной из палаток смущенно выглядывает крошечная черноглазая якуточка — дочь охотника колонии, растерявшись перед наставленным на нее фотоаппаратом неутомимого экспедиционного фотографа П. К. Новицкого.

В отдалении бродит стадо ездовых оленей — белых и серокоричневых с бархатными ветвистыми шерстяными рогами. Черный бык «Мишка» здесь работает за лошадь. За-

пряженный в самодельную телегу с нелепыми тяжелыми колесами, выпиленными из целых стволов плавника, он возит скудную, густо перемешанную с деревянной трухой землю к стройке для засыпки чердака.

— Цоб-цобэ, — вспомнив родную Украину, погоняет его хворостиной длинноногий, сутулый старик — механик радиостанции.

Вдали полощатся алые флажки на временных радиомачтах. Под ними белые точки метеобудок. У яркого раздуваемого свежим ветром костра хлопочут две женщины — в темно-синих байковых лыжных костюмах и шароварах.

Здесь, в бухте Тикси советское правительство ставит первый опыт заселения научной полярной станции семейными колонистами. Люди приехали зимовать с женами, маленькими детьми. Но жены — не только домашние хозяйки, но предварительно окончив в Ленинграде специальные курсы, они — полноправные научные сотрудники станции — метеорологи и биологи.

— Опыт заселения семейных колонистов, — говорит Фрейберг, — должен удаться. Спокойная атмосфера, отсутствие тревоги за оставшихся там далеко на родине детей должны увеличить продуктивность работы. У меня лично опыт в этом уже есть. Мой сын даже родился на Командорских островах, а дочурка, ну та пусть попробует...

Дружно принявшись, коллектив сибиряковцев проработал весь день. Шмидт, Визе наравне с другими таскали кирпичи, дрова, возили землю, прибивали обшивку стен и настилали полы. Вечером в совершенно еще пустой комнате радиостанции был устроен торжественный завтрак. Причин для празднования было много: открывался новый научный форпост на далеком берегу Ледовитого океана, исполнился месяц, как «Сибиряков» отшвартовался от пристани в Архангельске и экспедиция отправлялась в новый, наиболее тяжелый этап своего гигантского пути.

На столе — все, чем богаты зимовщики — консервы, коньяк и великолепная жирная рыба — максун.

— Сами ловим — ее здесь много, — говорит Войцеховский, — хотим даже сделать запас на зимовку...

Граммофон хрипло запищал марш, и из больших аптекарских бутылей стали разливать вино. Начались бесконечные тосты: Фрейберга — за благополучное окончание

нашей экспедиции; Шмидта — за первое поселение в бухте Тикси и первых зимовщиц-женщин; Визе — за капитана Богатырева и других якутов, «подготовивших почву и благодаря трудам которых наша работа будет плодотворной».

Вечером на «Сибирякове» была закончена погрузка угля и розданы почетные грамоты безвозмездно работавшим грузчикам. Принятых на борт запасов топлива нам должно хватить до Берингова пролива, если, конечно, не зазимуем. Но об этом несчастьи ни у кого нет и мыслей. Весь экипаж, от матроса до научного работника, твердо убежден, что и вторую половину пути, наиболее трудную, дружной работой, общими усилиями мы пройдем в одну навигацию.

Стоят дивные темные ночи, от которых уже успели отвыкнуть. Как-то чудно видеть темную палубу и расцвеченный разноцветными фонариками ледокол. Появились первые отблески северного сияния, еще раннего, слабого. Через все черное небо перекинулась молочно-бледная дуга, за ней другая, третья, теряясь в темноте.

Вспоминаю рассказы первого начальника Земли Франца Иосифа П. Я. Илляшевича, во время полярной ночи неоднократно наблюдавшего сияния огромной силы.

— Это чудная незабываемая картина,—говорил он.—Вы представьте себе: темное небо, залитое как бы светом гигантского прожектора. Мигающие, то вспыхивающие, то угасающие лучи в форме корон, драпри, правильных дуг, в хаосе движутся, устремляются куда-то в неизвестность. И вдруг вспыхивает, переливаясь красно-бело-зеленой окраской, огромный венец, с исходящими в стороны лучами. На небе — неразбериха — все сверкает, движется, танцует в какой-то газовой оболочке. Мы часами могли, не смотря на отчаянный холод, любоваться дивным видением...

В свободных каютах «Сибирякова» расселили несколько человек — ответственных работников с женами, чтобы доставить их в устье р. Колымы, сгрузили на берег аэросани и распрощались с голубоглазым механиком — Денисовым, изъявившим желание зимовать в бухте Тикси. 30 августа, ночью «Лена» подвела к «Сибирякову» два речных парохода для буксировки к Колыме, которых зацепили стальным тросом.

— Все-таки придется мне вести «велосипеды», — как бы

не веря себе, ворчит капитан, следя за правильным прикреплением пароходов на буксир.

На берегу, говорят, стоял дикий стон и плач. Большинство рабочих, их жен и детей мы перевозить отказались, да иначе поступить было нельзя. Свободных мест на «Сибиряков» не имелось, а везти этот груз на совершенно неприспособленных для морских переходов речных пароходиках — было рискованно. Всегда, в любую минуту могло случиться несчастье, и тогда, — лови на вздыбленных волнах моря Лаптевых сотни людей. Говорят, бабы ревели, падали в обморок, заявляли, что бросятся в воду. Их горе было понятно. Большинство женщин с детьми, бросив квартиры в Якутске и распродав обстановку, ехали на постоянное жительство к законтрактованным на Колыме мужьям. Мы их не берем — им надо возвращаться обратно. Но куда? В Якутске у них нет даже своего угла.

Распрощавшись гудками, «Сибиряков» двинулся вдоль длинных берегов к открытому морю. Впереди важно шла «Лена», выводя нас глубоким фарватером.

— А зря нас, ребята, ссадили, — кричит загорелый грузчик, — все равно у вас двое едут...

И правда, едва берега скрылись за горизонтом, и «Сибиряков», волоча на буксире два парохода, свернул на восток, как в уборных штурман Хлебников обнаружил двух зайцев — якутских грузчиков.

— Теперь не высадите на голый берег, — уверенно заявили они, — все равно довести придется, а от работы — мы не отказываемся.

Эти ребята побросали свои чемоданы, уехали, не получив 2-месячного жалованья (около тысячи рублей), не захватив даже с собою верхней одежды. Но уехали, ибо по слухам на Колыме «золотая горячка», там близкое счастье, богатство и бесконечные радужные перспективы.

— Отправить их в кочегарку, пусть там работают за проезд и прокорм, — сердито буркнул Воронин, — тоже чертей носит...

Стоит ясная солнечная погода и полный штиль. Но оба суденышка, тянущиеся за нами на привязи, болтает, словно в крепкий шторм. Что же будет, если мы попадем в непогоду? Ведь бросить пароходы на произвол судьбы капитан никогда не позволит?

У наших радистов сегодня большая загрузка, — радиограммы сыплются, как из рога изобилия. Прежде всего узнали, что летчик Линдаль, который должен был лететь на Землю Франца Иосифа, потерпел аварию у с. Карельского, т. е. в том же месте, где недавно скапотировал наш Иванов. Проф. Р. Л. Самойлович доносит в Москву С. С. Каменеву, что «Русанов» бросил якоря у мыса Челюскина и начал разгрузку продовольствия и стройматериалов. Льда в проливе Вилькицкого совершенно не видно, исключая отдельных разрозненных глыб. На берегу они видели следы медведя, лемминга, оленя и песца. В море — стадо белух. Все это говорит о том, что место, выбранное для сооружения радиостанции, весьма удобное для зверобойных промыслов. Местом станции они избрали правый берег реки у знака, поставленного в 1919 г. Свердрупом — участником экспедиции Амундсена на судне «Мод». В знаке высотою в два человеческих роста проф. Р. Л. Самойлович обнаружил исторические записки — одну, написанную по-английски собственноручно Амундсеном, гласящую:

«Экспедиция на «Мод». Норвежская полярная экспедиция на «Мод» прошла мыс Челюскина 9 сентября 1918 г., но была остановлена льдами через 4 дня у мыса Мод на 77 градусе 32 мин., 6 сек. норд и 105 град. 40 мин. ост от Гринвича и принуждена была там зазимовать. Подробности нашей экспедиции можно найти в главной квартире, на восток от о. Локвуда, в 24 милях от этого мыса, на зюйд-ост 40 компасный. Все благополучно. Роальд Амундсен. Гавань Мод. 1 мая 1919 г.».

Эти письма Самойлович взял в музей Всесоюзного Арктического Института для сохранности. В память Амундсена русановцы дали троекратный залп из винтовок.

Наконец перехватили целый ряд телеграмм от Евгенова и капитана парохода «Совет» — Дублицкого, пробирающегося к о. Врангеля для смены колонии.

Евгенов доносит, что его огромный караван находится в тяжелых льдах близ мыса Сердце-Камень, у Чукотского полуострова. Продвижение вперед осложняется громоздкостью каравана, буксирами, затрудняющими маневрирование судов во льдах, большой осадкой пароходов и неповоротливостью лесовозов, а в довершение ко всему—поздние сроки прибытия на Колыму.

Его телеграммы настроены весьма пессимистически. Между строк проглядывает явная тревога, что всем судам придется зазимовать во льдах.

В таких же траурных тонах звучат телеграммы Дублицкого, который на виду о. Врангеля попал в огромные ледяные поля, многолетний полярный пак, которым срезало гайки болтов, скрепляющих фланцы гребного вала. Словом, надежды на достижение о. Врангеля и смену колонии — весьма проблематичны. Что-то нас ждет впереди? А ведь «Сибирякову» придется итти именно в этих районах.

31 августа — тихая ясная погода. Нашим пароходикам — зверски везет. Но, несмотря на полный штиль, капитану Воронину, ездившему на шлюпке во время научной станции на «велосипеды», заявили:

— Качает нас жутко, а речных матросов, не привыкших к морю, беспрерывно тошнит...

РАДИОСТАНЦИЯ НА ЛЯХОВСКИХ ОСТРОВАХ

Днем на правом борту показались высокие крутые горы материка (Святой Нос) и тут же следом — на левом борту открылись остроконечные пики Ляховских островов.

К полуночи «Сибиряков» подходил к черневшей вдали, во тьме, озаренной пылающим заревом заката темной громаде горы Титьки, у подножья которой расположена радиостанция. Ближе 10 клм. к берегу нам подойти не удалось. Бросили якорь и дали три продолжительных хрипа гудка.

Через час из темноты вынырнула сначала одна, а затем и вторая моторная лодка. Это приехали колонисты Ляховской радиостанции и участники экспедиции гражданского воздушного флота под руководством Ландина, производящие изыскание воздушной трассы.

Первый вопрос, который был нами услышан после обычных приветствий, это «есть ли у вас доктор?» Нас это совсем не удивило. К этому вопросу уже все привыкли. Где бы мы ни останавливались, первое, что интересовало людей, это — есть ли у нас доктор. Врачей на Севере мало, а в них так здесь нуждаются.

Оказывается, один из участников экспедиции Ландина — капитан Кириллов, разряжая ружье, случайно всадил весь

заряд дроби в плечо. Врача на зимовке нет. Пришлось лечить кустарным способом, руками вытаскивая баранью шерсть шубы, забившую огромную разорванную рану.

Съехали на берег. Доктор Лимчер перевязал раненого и стали осматривать колонию.

Есть в Советском Союзе образцовые форпосты науки, как например на Земле Северной, Земле Франца Иосифа и т. д. Но оказывается есть и такие, где никакой работы не ведется, где мерзость запустения, где люди два года живут на зимовке, получают большие полярные оклады и... ничего не делают. Даже радиостанция — и та не работает.

— Ни к чему, — невозмутимо ответили нам зимовщики, — все равно нас никто не слушает. А раз так — то зачем же стараться?

На берегу — деревянный, крытый толем дом на 8 комнат, сооруженный первым зимовщиком — известным полярным исследователем Пинегиным. Рядом — полуразрушенные сараи, с выбитыми дверьми и окнами. Вся земля покрыта прогнившим тряпьем, мусором, остатками валеной обуви, ржавыми консервными банками, разбитыми ящиками и т. д. Проф. В. Ю. Визе, побродив по острову, с удивленными глазами подошел ко мне и заявил:

— Вы помните, в 1929 г. мы с вами были на Земле Рудольфа и там обнаружили остатки американской экспедиции Болдуина, зимовавшей в 1902 г. Вот там, на острове была такая же картина полного разрушения. Но ведь люди там зимовали в 1902 г. и за это время все имущество, находившееся на берегу, конечно, могло притти в негодность. А здесь? Ведь здесь люди живут, а вид поселка такой же, как и на Земле Рудольфа.

В доме колонии — грязь, копоть, давно нестиранное белье на постелях, в кухне — немытая посуда, заплеванный пол и т. д. Да и люди — неряшливые, опустившиеся, в черных от пота нижних рубашках, небритые, с длинными космами волос.

Достаточно привести один маленький пример, чтобы понять, какая атмосфера царит на научной станции, призванной сыграть немалую роль в проведении Второго Международного Полярного Года, о котором, кстати сказать, они не имеют ни малейшего понятия.

Радист станции заключил соцдоговор с другим зимовщи-

ком — не стричься, не бриться и не мыться за все время двухлетней зимовки. Вы бы посмотрели на эти чудовища с грязными нечесанными волосами, обросшими бородами, в давно не сменявшемся белье. Мы попробовали было сагитировать 18-летнего радиста, но, кажется, наша агитация не дала никакого практического результата.

Отбросив вполне законное в данном случае омерзение, мы попробовали с ними поговорить. Оказывается, они не одни на Ляховских островах. Здесь в 30 клм. от радиостанции, у р. Дымной находится Охотсовхоз, занимающийся разведением песцов. Помимо того, в зимнее время у зимовщиков хорошая связь с материком на собаках и оленях. Тогда же им доставляют и запасы продовольствия. Словом, — они не оторваны бесконечными льдами от культуры, и эта причина не является оправданием их полного разложения, потери человеческого облика. Все дело здесь, видимо, в людях. Такой уж подобрался негодный состав колонистов.

— На островах, — заявили они, — водится белый медведь, песец, волк, встречается горностай, полярная куропатка и нерпа.

— Ну что ж, охотитесь? — интересуется Чачба.

— А, нет, ни к чему, своего продовольствия хватит...

Гора Титьки считается у якутов местом священным. На ней и даже вблизи нее они не охотятся, хотя на горе спариваются олени, которых в это время легко бить. Проезжая через вершину, якуты всегда оставляют жертву мстительному богу, в виде старой монетки, тряпочки, а кто побогаче — и песцового хвоста.

На станции богатая арктическая библиотека, но ею не пользуются. Ценные редкие книги перемешаны с «основами кулинарного искусства», плохонькими старинными романчиками и т. д. А на столе, весь залитый маслом, явно нечитанный «свежий номер» Известий от 1/VII 1930 г., посвященный организационному отчету ЦК XVI съезду ВКП(б).

У наружной стены дома мы нашли небрежно брошенный металлический барельеф полярного исследователя Толля, погибшего где-то в районах Новосибирских островов. После смерти Толля эта доска была прислана его женой в Ленинград Академии наук для водружения на о. Беннета, где, как предполагали, Толль и погиб. На доске изображен портрет Толля со следующей надписью:

Baron Edward v. Toll und seinen getreuen Friedrich G. Seberg, Nicolai Protodjakonow, gen: Omuk, Wassilij Gorohow, gen. Basilei Tschitschägi.

По земле, в беспорядке разбросаны огромные куски ценных бивней мамонта.

— В Сибири, — писал в свое время Норденшельд, — встречаются не только целые скелеты мамонта, но и целые животные, вмерзшие в почву, с застывшей кровью, с мясом, кожей и шерстью. Из этого можно вывести заключение, что мамонт вымер в период времени, в геологическом смысле не особенно отдаленный. Ляховские и Новосибирские острова издавна славились чрезвычайным богатством мамонтовых костей. Здесь же попадаются в большом количестве части скелетов других животных, мало известных науке, но весьма важных для исследования фауны позвоночных, современной царству доисторического слона на сибирских равнинах.

— Не так давно, — говорят зимовщики, — бивней мамонта было много. Они составляли для якутов почти основной промысел, но сейчас уже все растаскали, по крайней мере вокруг нас. А вглубь островов — мы не добирались, нечего там делать...

На моторных шлюпках к радиостанции матросы перебросили 12 тонн грузов для колонистов, отправляющихся зимовать на о. Котельный.

Начальник острова — метеоролог Соколов, метеонаблюдатель 20-летний комсомолец Дудкин и трое якутов-промышленников, с упряжками на 45 оленях, с наступлением зимы отправятся на о. Котельный, пройдут оба пролива — Этерикан и Санникова—и прозимуют в небольшой брезентовой палатке. С собою забирают двухгодичный запас продовольствия, но всего — в минимальном количестве. С наступлением весны, из собранного плавника силами колонистов предполагается построить небольшой домик — радиометеостанцию, в котором будут жить и вторую зиму. В эту сумасшедшую по риску, опасности и трудностям экспедицию люди идут с огромным желанием и энтузиазмом.

— Лишения будут большие, — спокойно говорит комсомолец Дудкин, — но никто из нас их не боится. Впервые в истории мы освоим о. Котельный.

Долго оставаться на острове не имело смысла. Хоте-

лось скорее покинуть эту неприветливую мрачную землю. Быстро подняв пары, «Сибиряков» проливом Дмитрия Лаптева вошел в Восточно-Сибирское море, увозя с собою нового пассажира — раненого капитана Кириллова, которому необходимо было быть под неослабным наблюдением врача.

ВСТРЕЧА С «ВЕЛИКОЙ АРМАДОЙ»

Температура воды резко упала. Вдали на горизонте показалась огромная стамуха (айсберг, сидящий на мели). Видимо где-то неподалеку от нас — ледяные поля. Тяжелой пеленой закрыл густой непроницаемый туман всякую видимость. Задний пароход, болтающийся в волнах на буксире— едва можно разглядеть. Спереди и с левого борта появилось характерное ледяное небо. Капитан ходит мрачный и злой, надвинув пушистую меховую ушанку на самые глаза. Пошел на корму, облокотился об реллинги и задумчиво наблюдает за покачивающимися, осыпаемыми каскадом брызг пароходиками.

— Чует мое сердце, — говорит он, — что «велосипеды» придется тащить до самого устья р. Колымы, ибо Евгенов навряд ли завтра дойдет до Медвежьих островов. А бросить пароходы даже в бухте — нельзя, мало ли что может случиться? Это выйдет медвежья услуга у Медвежьих островов. Поднимется волнение и их в момент выбросит на берег, ибо на «велосипедах» нет даже приличного топора или якоря. Вот доведу до р. Колымы и с облегчением скажу: «катитесь на все стороны». А иначе поступить мне нельзя — можно сорвать всю операцию, — безнадежным голосом заканчивает Воронин.

Густой туман, пробиравшийся вначале с левого борта ледокола, сплошной, все увеличивающейся стеной надвинулся на «Сибирякова». С палубы — мостик и то плохо видно. В Арктике туман иногда достигает невероятных размеров, подвергая путешественников огромному риску и путая ориентировку. Норденшельд описывает интереснейший случай во время одной из его экспедиций:

— Во время поездки на лодке мне необходимо было через пловучий лед пробраться к острову, отстоящему на расстоянии нескольких километров. Мы выехали при ясном небе, но вскоре, в то время, как были заняты охотой на

дичь, окрестность погрузилась в густой туман. Это произошло так неожиданно, что мы даже не успели по компасу определить положение острова и принуждены были грести наугад, среди пловучих льдов, несомых течением с большой стремительностью. Все старались отличить во мраке остров, на берегу которого можно было найти безопасное пристанище. Вскоре на горизонте показалась темная полоса, которую мы приняли за очертание искомого острова. Темная полоса затем быстро поднялась — мы приписали это явление рассеянию тумана и более ясному выступанию берега. Несколько времени спустя по обе стороны земли показались два белых снежных поля и вдруг все превратилось в морское чудовище в виде головы моржа, величиной с гору. Голова вскоре оживилась, стала двигаться и наконец превратилась в голову моржа, покоящегося вблизи лодки на льдине: белые зубы представляли снеговые поля, темно-бурая округлая голова породила гору. Как только фантасмагория успела исчезнуть, так матрос закричал: «Земля, у носа — высокая земля». Перед нами предстала альпийская страна с горными вершинами и глетчерами. Но и эта картина через несколько мгновений превратилась в край льдины, покрытой темным слоем земли.

На Шпицбергене во время поездки на санях мы много били медведей. Когда случалось заметить медведя, мы останавливались и все, за исключением стрелка, прятались за санями, чтобы не испугать косолапого гостя. Стрелок же, устроившись поудобнее, подпускал зверя на расстояние ружейного выстрела. Однажды на льду залива Валенберг, в тумане, мы выжидали приближения медведя, ясно различаемого всеми. Но вдруг медведь, вместо того, чтобы подкрадываться к избранной жертве, развернул в момент прицела стрелка исполинские крылья и улетел в виде небольшой белой чайки. В другой раз мы в палатке услышали крик повара: «медведь, белый медведь, нет, олень, маленький олень». В тот же момент раздался выстрел и загадочное животное, оказавшееся небольшой лисицей, поплатилось жизнью за несколько минут призрачного существования в виде большого зверя. Из всего этого видно, как трудно плыть в туманах среди движущегося льда по неизвестному фарватеру.

— Мы прошлой зимой, — говорит раненый капитан

Кириллов, — были свидетелями поразительного случая рефракции, когда траву приняли за деревья и страшно удивились, увидав лес на крайнем побережьи азиатского материка. А однажды — приняли спящего песца за медведя, при чем наш проводник-якут вместе с нами ошибся.

В такие серые, пасмурные, туманные дни, когда на палубе нечего было делать, оживала общественная жизнь в нижней кают-компании. Устраивались доклады, вечера, концерты прекрасного пианиста проф. В. Ю. Визе или же импровизированного джаз-банда. Рождались новые номера «Ледовитого крокодила», стенновки, изобретались куплеты на злобу дня. Неутомимый весельчак Федя Решетников придумывал очередной розыгрыш — наполнял резиновые шары-пилоты, при помощи которых определяют направление ветров, водой и, подсовывая их под перину подрывника Малера, или, опутав свою каюту бесчисленным количеством тонких, невидимых ниток, он зазывал к себе химика Бруса, при входе которого в каюту — на голову и на плечи обрушивались запутанные нитками банки консервов, щетки, коробки и палки. Словом, каждый веселился как мог, старательно заполняя смехом и шутками нудно-тянущееся время.

Писатель Семенов предпочитал резное искусство. Круглыми сутками, нацепив очки, уткнувшись в работу, сидел он над вытачиванием из мамонтовых и моржовых бивней— дамских шпилек для подарка жене.

Владимир Шнейдеров открывал широкую дискуссию о возможностях и шансах на зимовку, при чем попрежнему твердо и безапелляционно заявлял, что вся киногруппа, в случае несчастья — не покинет ледокол и вместе с командой останется проводить большую ночь на судне. В душе каждый из нас считал его несомненным героем, непоколебимым в своих решениях.

Радиосвязь окончательно потеряли. С материка не имеем никаких известий, да и наши информационные телеграммы безнадежно валяются на радиостанции Диксон, заваленной работой по проводке Карской экспедиции.

С. С. Каменев рекомендует наладить коротковолновую прямую связь с Москвой, гарантируя круглосуточное дежурство радистов в Центральном доме Красной армии и флота. Но к несчастью наша коротковолновая установка в самый

последний момент отказалась выбивать тире, став никуда негодной, занимающей лишь место аппаратурой.

Оба радиста — Гиршевич и Кренкель — близко принимают к сердцу это несчастье. Гордость, задетое самолюбие не дают им покоя. Круглые сутки безуспешно выстукивают они «КАНЕ», позывные «Сибирякова», в надежде, что кто-нибудь прицепится и освободит их от груды наваленных на столе телеграмм, приготовленных для передачи на материк. С огромными трудностями удалось установить кратковременную связь с краболовом, находившимся на громадном расстоянии от нас, на промысле, где-то в Охотском море, радист которого любезно согласился перекинуть в центр хотя бы самые срочные депеши.

В темную звездную ночь, зловещими белыми пятнами из тумана вынырнули ледяные поля. «Сибиряков» вошел в сильно-разряженный, крупно-битый лед. На «велосипедах» поднялась отчаянная паника. Начальник каравана Чечохин немедленно распорядился зажечь все сигнальные огни, а матросам, уцелевшим от вынужденной поездки в Ригу, посменно стоять на вахте, на носу, чтобы баграми распихивать льдины.

— Видали идиотов, — веселится Воронин, — да разве я эту скорлупу с 3-сантиметровой бортовой обшивкой поведу в тяжелые льды? Ну, а если мы все-таки попадем, то что они сделают с этими иголками в руках, да еще на хорошем ходу. Эх братцы, плавать вам на реках и не соваться в чужое море...

Проф. В. Ю. Визе вспоминает, как в 1921 г. в Карском море у о. Белого затонули два транспорта «Обь» и «Енисей», старые дырявые калоши, капитаны которых послали следующую телеграмму:

«От соприкосновения со льдом суда затонули...»

И действительно, это так и было. Оба транспорта пошли ко дну не от столкновения или удара, а буквально от одного прикосновения льдин, ибо этого им было достаточно, чтобы получить пробоины.

3 сентября, в сильный мороз, заставивший всех снова зябко кутаться в теплые шубы, и резкий северный ветер «Сибиряков» прошел траверс Медвежьих островов, находящихся вблизи устья р. Колымы, и острова Четырехстолбо-

вые, с огромными торчащими вверх, как антенны, черными скалами.

Мы накануне завершения непредвиденной до похода задачи — доставки речных пароходов с р. Лены на р. Колыму.

На виду у мыса Баранова, несмотря на все усилия капитана избегнуть нежелательной встречи, попали в ледяные поля. Сразу же сильно сбавили ход и начали осторожно лавировать между льдинами. Оба парохода тщательно обходили каждый осколок, даже такой, на который «Сибиряков» не обращал никакого внимания. Идет мелкий, крупичатый снег, настойчиво напоминая об уже близкой в этих краях зиме. Из длинных тонких труб обоих пароходиков неожиданно повалил густой черный дым.

— Ребята, никак речники пары подняли? — интересуется кочегар, тыча пальцем по направлению кормы.

— Здорово, не видишь, что ли? Это они картошку на камбузе жарят, — издевается боцман Загорский, надраивая до ярчайшего блеска медное кольцо иллюминатора.

К вечеру стало штормить. Снова сбавили ход до тихого, чтобы волна не заливала и так захлебывающиеся пароходики. Особенно достается заднему, у которого сняты колеса. Его немилосердно заваливает на бок и кидает носом в зеленую муть. В Восточно-Сибирское море ворвался неуемный порывистый ветер. Море раскидывает налетевший шквал. Материк уже совсем близок. В сизой дымке тумана ясно видны даже невооруженному глазу — синие, покрытые снежным наносом — возвышенности.

Глубокой ночью, в сильно разыгравшуюся волну зоркий глаз капитана В. И. Воронина сквозь туманную даль, с левого борта заметил едва-видные, мигающие сигнальные огоньки кораблей, шедших длинной растянувшейся лентой.

Кто может быть в этом районе, у этих пустынных берегов, где за много десятилетий суда насчитывались единицами?

— Понял, — вдруг неожиданно громко крикнул капитан, — кто же здесь еще может быть, как не экспедиция Евгенова. Ясно — они.

Вбегаю на мостик, щурю глаза, как от яркого солнца от дикого ветра, заставляющего слезиться, и вижу крошечные мигающие точки.

«Сибиряков» и 20 кораблей евгеновской экспедиции разными курсами подходили к устью р. Колымы. Никогда еще холодные воды Восточно-Сибирского моря не видали такой большой и грозной эскадры.

— Полный вперед,—рванул ручку телеграфа Воронин,— чорт с ними, с «велосипедами», пускай их поваляет — теперь мы уже не одни...

На ледоколе зажгли сигнальные огни — на верхушке мачты, на правом борту зеленый и левом — красный фонари. Воздух прорезали мощные басы евгеновских транспортов — «Анадыря», «Севера», «Сучана», лесовозов — «Урицкого», «Микояна», буксиров — «Чукотка» и «Тунгуса». Все суда празднично расцветились флажками.

Так состоялась историческая встреча двух полярных экспедиций, шедших по Великому Северо-Восточному Морскому Пути: «Сибирякова» — с запада. Евгенова — с востока. В 10 клм. от берега «Сибиряков» бросил якорь. Невдалеке от нас расположились суда «Великой Армады».

В 5 час. утра на борту у нас ранние гости. Небольшого роста в морском кителе — начальник экспедиции по проводке торговых судов на р. Колыму — Евгенов, белый, как лунь, доктор Старокадомский — участник знаменитого похода гидрографа Вилькицкого, прошедшего тот путь, по которому мы сейчас стремимся, и открывшего Северную Землю, метеоролог с ледореза «Литке» и специальный корреспондент «Известий» — Макс Зингер.

Крепко жмем руки, поздравляем с удачной проводкой каравана во льдах, вежливо выслушиваем неповторяемые морские традиционные комплименты и ведем гостей в верхнюю кают-компанию, чтобы поделиться переживаниями.

— Вы опять пустились в плавание по старому пути,— обращается Шмидт к доктору Старокадомскому.

— Да, не усидел, Отто Юльевич, сами знаете, как тянет в Арктику.

Его глаза загораются свежим, совсем юношеским задором.

— Ну, как обстановка у Чукотского побережья? — заметно волнуясь, выпаливает капитан свой наболевший вопрос.— Как льды?

Нам дают совсем неутешительный ответ. Евгенов заверяет, что за всю свою многолетнюю полярную практику он никогда не видал таких тяжелых торосистых льдов.

— Это какие-то стальные льды, полярный пак,— говорит он,— 10-метровой толщины, образовавшийся, видимо, тысячи лет тому назад и принесенный к побережью откуда-нибудь из районов полюса.

Начинается захватывающий рассказ о бесконечных трудностях, которые им пришлось перенести при переходе от Берингова пролива до устья р. Колымы.

— Прошлый год был тяжелый, а этот — еще хуже,— говорили чукчи. Особенно тяжело было «Шмидту» и «Колыме» — двум транспортам, зазимовавшим с прошлого года во льдах. Во время полярной ночи они совершенно обезуглились. В топки летела мука, каютные перегородки и палуба. У мыса Якана они встретили непроходимый лед и с трудом пробрались при помощи аммонала.

Евгенов сообщил, что им получено категорическое распоряжение наркомвода т. Янсона о том, чтобы «Литке» во льдах не зимовать и приложить все усилия для того, чтобы вернуться в этом сезоне во Владивосток. Но Евгенов сильно сомневается в возможности выполнения этого распоряжения. Дело в том, что на 20 судах, пришедших к Колыме, доставлены 12,5 тыс. тонн разных грузов, которые надо перекинуть на берег. А чтобы выполнить приказ — надо максимум через 10—12 суток уходить в обратный путь. Между тем, «Литке» к этому времени может остаться без угля, ибо его 7 тыс. лошадиных сил пожирают огромное количество ценного топлива.

— Не знаю, как и быть,— печалится Евгенов,— хочется и суда выручить, но и о себе приходится думать, ибо сроки уже поздние.

Трудности во время проводки каравана во льдах были огромные. Большая часть пароходов — сильно потрепаны, полетела клепка, электросварка и т. д. Даже сам флагман «Литке» обмят с кормы, а с правого борта — огромная вмятина, от льдины, внезапно вынырнувшей из воды.

— Целую республику мы везем на 20 пароходах,— говорит Зингер,— тысяча человек — мужчин, женщин и детей. Во время похода несколько матерей родило ребят, здесь женились, разводились, а один плотник даже умер от перепоя и был брошен в брезентовом мешке с колосниками на ногах в море.

На всем побережьи Чукотского полуострова морские знаки сняты чукчами.

— Моржа они пугают,— заявили им жители.

Итак, перспективы рисовались самыми незаманчивыми. Но, по правде сказать, мы Евгенову не особенно поверили. Однажды, у берегов Новой Земли начальник Карской экспедиции — Шевелев нам также предсказывал тяжелые ледяные поля, но ледокол их так и не встретил.

— Может быть и на сей раз проскочим? — вертелась в голове мысль.

После долгих инсценировок для киногруппы, поехали осматривать ледорез «Литке», оказавшийся чрезвычайно красивым судном, с острым носом, прекрасной отделкой внутренних помещений, широкими проходами на палубе, огромной светлой кают-компанией. В машинном отделении установлено 18 котлов, в то время как на «Сибирякове» их всего лишь 6.

— Чукчи,—рассказывает д-р Старокадомский,—как только завидят пароходы, немедленно плыли на своих легких, сделанных из моржовой кожи шлюпках навстречу флотилии. И ничто, даже полный ход — не могли остановить их твердого намерения побывать на судне. С акробатической ловкостью забирались они на палубу и тотчас же открывали базар резных из кости изделий, а затем ходили по каютам и «славили», не уезжая с судна до тех пор, пока не набирали необходимых вещей. А бывало и так: вскочит чукча на судно и спрашивает: «куда идет пароход». И что бы ему ни ответили, какой бы путь ни указали, он на все ответит: «ну, и я с вами» — до такой степени сильно желание проехаться в необычайно большой лодке.

— Счастливцы вы,— безнадежным голосом говорит Зингер.—«Сибиряков»-то уж наверное выберется в чистую воду. Вам и осталось-то всего пройти вдоль Чукотского побережья до Берингова пролива. А у нас — дело безнадежное. Нам не успеть до начала зимы перекинуть грузы на берег, а если даже успеем, то застрянем во льдах при проводке каравана. Словом, я считаю, — зимовка нам обеспечена.

— Вот что,— обращается он ко мне,— передай это письмо моей жене в Москве. Это, кажется, будет последней от меня почтой. И если можешь, то достань бутылку клюквен-

ного экстракта — во время полярной ночи это средство обережет от цынги.

Я пробую его утешить, но чувствую, что сам не верю в благополучный исход экспедиции, что слова мои неискренни, нарочито подобраны.

К вечеру, распрощавшись долгими гудками с «Армадой» и передав им речные пароходики, «Сибиряков» выбрал якоря и взял курс на восток.

— Полный вперед! — возбужденно крикнул Воронов в слуховую трубку.

НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ПУТИ

Советская арктическая экспедиция вышла в последний этап своего грандиозного путешествия. На душе было радостно за успех и спокойно. Кто в тот момент думал о возможном несчастьи или зимовке? Весь состав, от матроса до профессора были уверены в окончательной победе, в точном выполнении задания партии и правительства. Правда, впереди нам пророчили льды, но казалось, что нет таких препятствий, преград, которые не смог бы преодолеть «Сибиряков».

Вечером радист Кренкель принес только что полученную телеграмму:

«Ледокол «Сибиряков». Шмидту. Получив сообщение о героическом переходе ледокола «Сибиряков» из Архангельска в устье р. Лены и последующем плавании в устье р. Колымы, президиум якутского ЦИК, восхищаясь проведенным вами большевистскими темпами и геройством, знающим мало примеров в истории заполярным рейсом, имеющим огромное значение для северных районов Союза, шлет вам, командиру и команде свой горячий привет с пожеланием дальнейших успехов в заполярном плавании. Председатель ЯЦИК'а Субурусскай».

5 сентября ледокол вошел в ледяные поля. Стояла холодная ветреная погода, заставлявшая кутаться в шубу и прятаться за прикрытия палубных надстроек. К полудню на траверсе о. Айон, находящегося у входа в Чаунскую губу, лед стал плотнее, толще и торосистее. В огромной кожаной авиашубе, В. И. Воронин полез в свою бочку, что-

бы оттуда, с вершины мачты, биноклем нащупывать наиболее удобный путь в ледяной пустыне.

Резко упали глубины — с 23 до 8,5 саж. Далеко от нас, у самого берега, в сильно разреженном льду, навстречу прошел лесовоз «Зиновьев», отгружавший товары на одной из факторий Акционерного Камчатского общества. Но вдоль берега сильно груженный «Сибиряков» итти не мог. Малые глубины и неизвестный фарватер гнали его мористее, в тяжелые объятия ледяных полей. Сегодня в судовом журнале рукой старшего штурмана Ю. К. Хлебникова выведена жуткая фраза, заставившая оптимистов быстро переоценить силы и возможности «Сибирякова».

«При работе машины малым передним ходом — был слышен сильный удар винтом. Видимость плохая — вошли в сплоченный лед»...

Что же это такое? Если мы поломали вторую лопасть винта, то наше положение становится чрезвычайно напряженным. Потеря второй лопасти не даст возможности с прежней ловкостью маневрировать во льдах, заставит быть осторожными и, вместо того чтобы форсировать льды — терпеливо пережидать их разноса ветрами. Расстроившийся капитан целый день твердит О. Ю. Шмидту о больших шансах на зимовку. Шмидт мрачно выслушивает и упорно молчит.

Отдельные льдины сковало молодым ледком, тонкими матовыми пластинками стекла или жирного сала. Небо серое, мрачное. Тускло проглядывает из-за густых облаков бледное полярное солнце.

С правого борта ледокола бесконечной извилистой лентой тянутся вздыбленные серебряные от свеже-выпавшего снега берега Чукотского полуострова. На самом краю горизонта появилась узкая белая полоска ледяного неба — отражения бесконечных ледяных полей.

Вдали показался большой черный округлый выступ мыса Шелагского, срезанного пополам седым обрывистым облаком.

Море зажглось гигантским пожаром — в горах заходило раскаленное, как расплавленный металл, багровое солнце. Небо озарилось ярко-красным пламенем. Покраснели и льды, сверкая розовыми, блестящими искрами.

Ледокол идет медленно и осторожно, лавируя в темных полыньях между льдин. У нас уже две поломки—повреждения двух лопастей винта. Жестокая Арктика не любит шутить, и победа над ней достается с огромными трудностями.

Вал расшатался. Ледокол, точно в приступе лихорадки, трясет день и ночь. Двери монотонно стучат, звенят металлические предметы. Какой-то дикий джаз-банд сопровождает нас на последнем этапе похода.

С нескрываемой тревогой ожидаем мыс Биллингса, где, по словам Евгенова, он встретил 10-балльный лед. Почувствовав ледяные поля и увидав их в круглый отсек палубы, заволновался маленький пленник — медвежонок. Круглые сутки он жалобно стонет, носится в клетке, лапами проделывая движения, точно плавает в воде. Редкими крупными хлопьями пошел липкий снег, устлав палубу и спардек белым пушистым ковром.

На палубе, едва освещенной тусклым светом электроламп, в темноте проносится черная фигура д-ра Л. Ф. Лимчера. Ежедневно для моциона, а по мнению матросов «чтоб не загнуться», он делает быструю пробежку.

Впервые в верхней кают-компании установили громкоговоритель, и мы с наслаждением слушаем заунывные, непонятные нам напевы Якутии.

Ночью на правом борту показался длинный черный пирог мыса Биллингса. Льды стали плотнее и толще. Все почувствовали, что Евгенов был прав, предсказывая значительные трудности.

Впервые за всю экспедицию остановились на ночлег. Темные звездные ночи пришли на смену круглосуточному яркому до боли в глазах свету незаходящего солнца. Наступила полнейшая тишина, такая, что бывает только в великих просторах Арктики. Кругом — абсолютный мрак. Как-то чудно на ледоколе, да и Арктику в темноте приходится видеть впервые. Лишь луна серебрит темную поверхность редких полыней. Небо хмурое с седыми, спешащими куда-то облаками. Льды тихо шуршат, трутся друг о друга, танцуя бессмысленный крутящийся танец. Голоса людей раздаются громче обыкновенного. В немом оцепенении застыли воздух, вода и белые пятна льдин. Да и морской зверь — не плеснет, не пролетит докучливая вечная спут-

ница— чайка, надоедающая своими гортанными криками. Арктика спит.

И вдруг заполыхало небо и расчертилось блеклой дугой северного сияния, озарив на момент темно-синий небесный свод. Только вежливо-тихо, чтобы не разбудить тишину, нервно работает помпа, подающая воду в машинное отделение.

— Слышишь,— толкая меня в бок, хитро подмигивая глазом, шепчет молоденький, безусый матрос Паша Сизых,— слышь, что поет машина? «Пройдем, пройдем» — поет. Ну, знай, так и будет.

Паша Сизых у нас лучший матрос, лучший ударник. Его глаза горят таким бесконечным оптимизмом, верой в светлое будущее, в свои молодые силы, что невольно хочется верить.

— Пройдем, Паша — до Берингова пролива ведь уже недалеко...

Утром прошли траверс мыса Якана и Олений утес. По-прежнему с усилиями пробираемся в тяжелых ледяных полях. Кругом — крутая каша из крупных льдин и осколков. Воздух стонет от несмолкаемого гула, треска и пушечных ударов налетающих на борта и с ожесточением бьющихся ледяных громад, скрежета ударяющихся друг о друга полей. В диком смятении гигантские потоки воды выбрасывают на поверхность крошечную сайку. Несколько секунд она извивается, пытаясь соскользнуть с ледяной подставы в воду, а затем, замерзая, замирает. Ее тут же на лету ловко подхватывают настороживщиеся чайки и моевки, устраивая дикую драку из-за легкой добычи. Все скрипит, стонет, ворочается. Суп из тарелки к явному недовольству буфетчика Саши опрометью бросается на скатерть, а карандаш вырисовывает на бумаге таинственные иероглифы, которые потом автору не разобрать. Стол неожиданно становится боком и посуда с грохотом летит на пьяный, шатающийся пол. Висящая на стене кожаная куртка вдруг отделяется от простенка и виснет как бы в воздухе.

Налетаем на огромную льдину и с силой бьем ее в бок. От страшного удара она глубоко уходит под воду, перемещается центр тяжести и из-под нее, с шумом водопада, обливаясь сверкающими брызгами воды, выныривает голубая, как нежное небо, подстава. В темной полынье с уди-

влением выглянул морж, испугался — нырнул, но снова появился — на сей раз подальше.

— Стоп машина, — кричит капитан сверху из бочки — Андрей Евгеньевич,— обращается он к вахтенному штурману Саксу,— дай оглядеться — ни одной хорошей полыньи не видать...

Каким-то необъяснимым чутьем, повышенной интуицией, когда кругом, кроме белого савана льда ничего не видишь, находит он незаметные неопытному глазу лазейки — крошечные разводья и так от одного к другому, уверенный в своих силах, знаниях и опыте, выводит «Сибирякова» из ледяного мешка.

Снова ударили в льдину и из-под нее высоким сверкающим фонтаном брызнула алая кровь воды — красная от присутствия водорослей — сферен.

Вечером, проходя плоскую лагуну Куй-Пильхин, впервые увидели постоянных жителей побережья—чукчей. У подножья мрачных полузакрытых облаками скал расположилось 6 яранг, у дверей которых, вытаращив глаза, стояли 8 обитателей. Из яранг струился легкий сизый дымок.

— Вот наверное они думают,— говорит широкоплечий гигант — матрос Гриша Дурасов, что это в этом году случилось? Недавно целая эскадра прошла, а теперь еще новый пароход....

«Сибиряков» был уже далеко, а люди все еще стояли, все глядели вслед уходящему чуду.

С часами у нас происходит большая путаница. То и дело стрелку приходится передвигать на один час вперед. Сейчас, например, мы часы отодвинули вперед на целых 13 часов по сравнению с Гринвичем. Случилось это потому, что человечество условилось, что при переходе через 180-й меридиан, с запада на восток, один день должен выпасть и— наоборот. Таким образом у нас должно было получиться два 7 сентября, т.-е. два рождения заместителя Шмидта по административной части И. А. Копусова, которые мы с большим торжеством и справляли.

Известный мореплаватель Маггелан,— говорит гидробиолог Ретовский,— проплавав вокруг света, вернулся в Португалию в большой церковный праздник. Так как он все время переставлял часы по солнцу, то естественно отстал

на один день и о празднике забыл. В результате духовенство обвинило его в кощунстве и несколько человек сожгли на костре.

МЫС РЫРКАПИЙ

8 сентября утром «Сибиряков» подошел вплотную к огромной граненой из черного сланца громаде — мысу Северному или Рыркапьему (моржовому), как его называют чукчи. Проф. О. Ю. Шмидт решил сделать высадку на берег для свидания с исследовательским самолетом проф. Обручева и летчика Страубе, облетевшим весь Чукотский полуостров и побывавшим даже на о. Врангеля. Для этого необходимо было ледоколу завернуть за мыс и направиться в широкую бухту, весьма удобную для стоянки. Но вывернуться «Сибирякову» в гигантских нагромождениях торосов было чрезвычайно тяжело.

Старший штурман Хлебников выехал с матросами для промера глубин. Они подплыли к самому отвесу громадной горы, с астрономическим знаком на вершине. Пошел мелкий липкий снежок. Сквозь туман — вдали видны яранги, которые «Сибиряков» приветствует троекратными гудками. Большими стаями носятся черные, длинношеии бакланы, которых китайцы приучают ловить рыбу, а чтобы они ее не глотали — на шею надевают узкие кольца.

Зацепив лот между камней, Хлебников принужден был перерубить конец и вернуться на ледокол ни с чем. Под руководством неспавшего уже много часов капитана для того, чтобы повернуть нос судна на восток—закинули ледяной якорь. Но кругом были огромные глыбы, не дававшие ледоколу возможности развернуться. Пришлось всю работу бросить, подломав лебедку. Немедленно вызвали подрывника Малера, мобилизовали весь состав экспедиции и начали взрывать огромную перемычку, не пускавшую «Сибирякова» в бухту. Но и взрывы не давали никакого результата. Кругом нас был многолетний полярный пак,— толстый и крепкий, как сталь.

Отчаявшись, мы снарядили моторку и, лавируя между льдин, понеслись к берегу. Вдали показались небольшие деревянные строеньица и темный яранг. В этом районе от мыса Рыркапьего до р. Ангуэмы — кочевое и полуоседлое

население составляет всего 1.170 человек, из коих около 70 чел. живут у самого мыса.

На берегу — большой серый, по образцу американских, из волнистого железа с ярко-зеленой крышей амбар и домик в одну комнату, с вывешенным красным флажком.

«Рыркапинская пушная фактория АКО», — извещает небольшая вывеска.

Рядом — круглое стандартное зданьице, с массой окон — зимовка геофизического института и школа-интернат на 17 детей.

Стучим в окошко фактории. Оттуда выглядывают два удивленных лица и быстро скрываются, но дверь нам так и не открывают. Обходим кругом — двери не видно. Снова, теперь уж настойчивее барабаним в стекло. Из совершенно гладкой стены появляется дверь и на пороге — плотный мужчина в роговых очках, в зеленой английской рубахе и непромокаемых торбасах, сделанных из нерпичьей кожи и прошитых оленьими жилами.

— Венедиктов — управляющий факторией,— знакомится он, строго и внимательно приглядываясь к незнакомым ему людям. Но у Шмидта — весьма тонкое вежливое обращение, да плюс окладистая борода, делающая его лицо исключительно симпатичным и доверчивым.

— Заходите, — сдается хмурый управляющий, — гостями будете...

Небольшая, оклеенная обоями комнатка, скромная обстановка, постель, полка с книгами и железная печь. За столом хозяйка и двое парней доканчивают жареного дикого гуся.

Венедиктов недавно прибыл на мыс Рыркапий, а до этого три года работал в бухте Провидения. Он великолепно говорит на чукотском языке и славится как специалист художественной резьбы по моржовой кости, при чем этому искусству с большой охотой обучает местных жителей. После его отъезда из бухты Провидения резьба по кости у чукчей стала одной из основных частей дохода.

Рядом с жилой комнатой, сообщаясь полутемной клетью, расположена лавка, заваленная мешками американской белой муки, табаком, мануфактурой, предметами домашнего обихода и искусственным жемчугом — любимым украшением чукчей и чукчанок. Здесь происходит меновая торговля

на пушнину — песца, волка, лисицу, белого медведя, моржа, а также и на тюлений жир, мамонтовую кость и оленье мясо.

— Я не могу придерживаться строго порядка,— говорит Венедиктов, — выдавать товар только за пушнину. Мы обязаны поддерживать и бедняков. В этих случаях я согласовываю вопрос с председателем нацсовета — Есалом — вон с тем, что приближается к нам (огромного роста с обветренным лицом, в пестром из матраца балахоне). Он же следит за теми, кто продал пушнину скупщикам, спекулянтам, или же скупает муку для самогоноварения.

Выходим из дома. В стороне — школа, где уже второй год учительствует комсомолец Кудрявцев. До него на мысе Рыркапьем работал некто Шнакенбург, который на зимовке, воспользовавшись отсталостью и некультурностью чукчей, одурачивал их фокусами, демонстрируя простейшие опыты из химии и физики, прослыл шаманом и извлекал из этой профессии немалые прибыли.

— Постановлением нацсовета,— шамкает, смутно напоминая русский язык Есал,—мы его выслали в центр. Нам таких «учителей» не нужно...

До сих пор еще на Чукотке шаманы играют значительную роль, хотя их авторитет заметно ослабевает. Культура, хоть и медленно, но все же начинает проникать и сюда, на далекий полуостров. Поэтому шаманам приходится спешно приспосабливаться к новой обстановке.

Один из них, например, однажды воткнул длинный шест в землю и всенародно объявил, что при помощи этого шеста он разговаривает с богами. Словом, изобразил нечто в роде радиомачты. А ненасытные боги требуют от жителей муку, моржовое мясо, песцов и тюлений жир. Все принесенные блага шаман вешал на шест, а ночью воровал, заявляя, что боги приняли дар. Когда над ним был устроен показательный суд, то на заданный вопрос, почему он жульничал, шаман нагло и откровенно ответил:

— Чукча — она дура, все равно не понимает...

Одно время шаманы, чувствуя свои последние дни, начали действовать организованным порядком. Распустили, например, слух о том, что нельзя рыть общественные ямы для сохранения запасов моржового мяса до конца зимы,

когда чукчи из-за неумения экономить обречены на полуголодное существование.

— Эти ямы хорошо видны с моря,—заявляли они,—моржи увидят, уплывут обратно и расскажут другим. Промысла у нас не будет — мы умрем.

Точно так же они всячески противились регистрации и нумерации зверобойных лодок, заверяя, что от лодки, имеющей номер, моржи будут удирать.

В одной семье заболел основной работник. Он отправился к шаману за советом, который заявил, что, если он хочет выздороветь, то пусть задушит старика-отца. Не поверил чукча и отправился к другому шаману. Второй знахарь заявил, что прежде, чем душить отца, надо разбить промысловый вельбот, а если это средство не поможет, то тогда можно будет и отца прикончить.

Старый пройдоха решил лишить семью средств для производства охоты, обречь ее на голод, чтобы постепенно забрать в свои руки. Вельбот сын разбил, но это лекарство, понятно, не помогло. Тогда решили произвести суровый приговор над стариком и если б не появившийся в последний момент работник райисполкома на мысе Рыркапьем — темным и суеверным населением было бы произведено гнусное убийство.

В 1930 г. шаманка распустила слух о том, что на мыс Чаплин пришел американский крейсер и разогнал райисполком.

— Грабьте кооператив,—науськивала она чукчей, — а то нам от крейсера попадет.

Национал, председатель нацсовета, почувствовав назревающую тяжелую атмосферу, решил отговорить от эксцессов.

— Подождите, — заявил он,—грабить, я съезжу на мыс Чаплин и погляжу, пришел ли крейсер...

Понятно, что крейсера не было и в помине. Все оказалось гнусной провокацией старой шаманки, которую впоследствии выкинули из селения.

Вот в такой тяжелой обстановке приходится работать на Чукотском полуострове, ведя беспрерывную борьбу с остатками шаманства, по существу являющемуся контрреволюционной силой на Севере.

Маленькая группа ребят веселой ватагой вбежала в по-

мещение школы, где два смуглых раскосых чукчонка старательно обтачивали моржовые бивни.

Анкалин делает белого медведя, Акка — мундштук с головой нерпы, напевая что-то смутно, напоминающее «яблочко».

— Ну как, набили вы чаек и уток?—спрашиваем мы ребят, узнав, что они на шлюпке выезжали охотиться.

— Нет, не набили — они хитрые, — тонким голоском, скороговоркой отвечает черноглазый малыш, в кухлянке из грязного брезента.

Все ребята коротко подстрижены. Это, оказывается, огромное достижение учителя, комсомольца Кудрявцева, ибо обычно дети носят большие пучки на головах.

— Сколько тебе лет? — пристаем мы к курносой с быстрыми глазенками, с пестрыми бусами на шее девочке. Она смущенно опускает голову вниз и чуть шепчет:

— Коо (не знаю).

— Ей приблизительно 6—8 лет,— поясняет Венедиктов,— ибо точного счета чукчи не ведут.

Механик Игнатьев ей дарит конфетку. В черных глазах моментально вспыхивают искорки, на лице — смущенная улыбка, а из полуоткрытого рта сверкают жемчужные зубы.

В школе начинается урок рисования, В полукруглой, светлой, с массой окон комнате, на правом крыле за партами усаживаются учащиеся первый год, налево — второгодники и третьегодники — всего 13 мальчиков и девочек.

— Каждый рисует что хочет,— говорит им учитель в синей английской робе и высоких сапогах.

Над партами склонились черные стриженые головки. Работают очень старательно: головы на-бок, посапывая и тихо крадучись, перешептываясь между собою.

— Вуявун,— подходит учитель к девочке,— не спеши, рисуй хорошо...

Маленький Матлю, чье имя в переводе обозначает дохлого моржа, выброшенного на берег, а следовательно — даровую добычу, с поразительной точностью, не забывая малейших деталей, выводит вельбот.

Уговорившись заранее с учителем, я предлагаю художнику Канторовичу закурить папиросу. Неожиданно подни-

мается парнишка в клетчатой пестрой рубашонке и важно, с достоинством произносит:

— Товалыс, здесь нельзя кулить, здесь скола...

Это, оказывается, следит за чистотой председатель санитарной комиссии Кавак, что в переводе значит — утка.

На передней парте рисуют брат и сестра. Как и все мальчики, Укмак выводит моржей, медведей, ружья, винчестеры, пароходы и лодки. От возбуждения он покраснел, а крошечные точки ноздрей—раздулись. Его сестренка — крошечная куколка Умканаун (белая медведица) — смуглая, с черными щелками глаз, в красном балахоне, загорелыми пальчиками вырисовывает домашнюю утварь, замысловатые рукоделия — вышивки.

— Когда на уроке рисования даешь ребятам произвольную тему,— говорит учитель,— то 95 проц. всех девочек рисуют предметы обихода и одежды, в то время как ребята — зверей и орудие, т.-е. каждый интересуется больше всего тем, с чем ему придется иметь дело в жизни и работе.

Открываю тетрадку второгодника Унахсика (палка). Здесь — все этапы его учебы — длинный путь от старательно выведенных «а-а-а, ма-ма-мама» до простейших элементов алгебры. Но наперекор судьбе — на обложке тетради все же выведено «арехметика», а под рисунком ветвистого оленя надпись: «Алинь».

Все школьники разделены на две бригады — одна бригада охотится, другая — занимается костеизделиями и — наоборот. Сюда, на далекий Север уже проникло соцсоревнование. Бригады соревнуются между собою на больший заработок, который идет на покупку письменных принадлежностей и продуктов, добавляемых к бесплатным горячим завтракам, организованным нацсоветом.

Жена чукчи — это полновластная хозяйка яранга. Муж в ее дела не вмешивается и в полную противоположность востоку, где жена в рабстве у мужа — ее уважает. Все коммерческие сделки происходят при непосредственном участии хозяйки дома. Многоженство среди чукчей и эскимосов — большая редкость и является в большинстве случаев следствием бесплодия.

— Люблю я свою жену,— говорил один чукча, —а она мне детей не дает. Ну и пришлось взять вторую.

Детей чукчи особенно любят. Приласкать ребенка, сде-

лать ему пустячный подарок — это значит установить тесную дружбу с родителями. Когда в поселке родятся мальчик и девочка, то родители договариваются между собою, что дети — будущие муж и жена. По негласному обычаю жених должен бесплатно отработать у отца невесты 3 года, показать себя блестящим охотником, хорошим хозяином и промышленником. В этом обычае есть вполне объяснимое стремление получить в семью хорошего работника, надежную смену путем естественного отбора. Правда, и в этом случае бывают ненормальности. Так, один шарлатан заставил проработать на себя трех женихов по полтора года каждого, при чем по истечении этих сроков неизменно заявлял:

— Ты — работник плохой — дочь я за тебя замуж не выдам...

Пришлось вступиться райисполкому, приостановить наглую эксплоатацию, устроить показательный суд и выдать девушку за четвертого, подвернувшегося жениха.

Чукчи очень любят приобретать от русских детей, инстинктивно видимо чувствуя необходимость обновить кровь. Им нравятся белокурые ребята, являющиеся предметом восхищения всего поселка. Был случай, как один русский работник, живший на мысе Рыркапьем, оставил чукчанке сына, а сам навсегда выехал в центр. Все селение знало, что ребенок родился от русского, при чем мать это не только не скрывала, но явно гордилась. Когда отца матери вызвали в райисполком и объяснили, что существует закон, по которому муж должен платить алименты на содержание и воспитание ребенка, и предложили отыскать ему адрес, то старик, почесав голову, заявил:

— Ну что ж, пожалуй, найдите его адрес — нам пригодится. Я ему в благодарность за наследника пошлю 10 пыжиков и 5 песцов.

— Обычное питание чукчи, — говорит Венедиктов, — это два килограмма нерпичьего мяса и 500 грамм жира того же животного в день. Болезней почти нет, за исключением сильно распространенных краснухи и корковой экземы, которые появляются из-за того, что жители вовсе не моются.

Идем по главной и единственной улице поселка, мимо опрокинутого остова байдары и грязных круглых, покрытых нерпичьими шкурами или же просто брезентом — лег-

ких продувных яранг. Заходим в жилище председателя нацсовета Есала. Полутьма. В углу тлеет камелек, на углях которого старая морщинистая ведьма поджаривает белые лепешки. Весь яранг грязным пологом разделен на две половины. Из-под занавеса, за которым обычно спят, выползает крошечный черноглазый малыш. Мать наклоняется к нему и, что-то бормоча на гортанном языке, показывает на нас. Обстановка — самая примитивная — пол не застлан половиком, а густо усыпан пеплом. Холодно — как только люди здесь ночуют! Сбоку навалены просаленные мешки с нерпичьим жиром, который идет на отопление и освещение. Вся семья спит друг на дружке, в узеньком квадрате, плотно закрытом толстыми шкурами со всех сторон, отапливаемым крошечным светильником-плошкой.

— Жарко у нас там, — улыбается Есал.—Спим даже голые зимой.

Подходим к другому ярангу. Здесь живет определенно бедняк, ибо в жилище нет вообще никакой обстановки. У входа встречает в грязном балахоне, накинутом на голову— древний старик. По-русски разговаривать не удается. Жестами, мимикой, старик очень умело дает нам понять, что он одинок, сын его умер и лежит в земле (старик сложил обе руки вместе и, положив на них голову, лег на песок), а второй — уехал учиться (старик берет палочку в руки и чертит на своей ладони). Он — в дешевом пестром ожерелье, грязен, рван и, видимо, не моется.

На самом конце поселка — радиостанция Наркомпочтеля. Здесь так же, как и на Ляховских островах — станция беспризорна. Зимует радист уже второй год, платят ему полярное жалованье, кормят, обмундировывают, а работы никакой и не спрашивают. Радиостанция не действует. Да и спрашивать работы нельзя, ибо радиостанция установлена мощностью в... 20 ватт. Здесь, видимо, было допущено формальное выполнение постановления правительства о радиофикации северных окраин. Главное — это открыть станцию, занести ее в список новых предприятий, а работает ли она или нет — это никого и не интересует.

Заходим в соседний яранг, заметив, что туда, низко опустив головы и спрятав лица, в шароварах из кожи морского зайца — пробежали две девушки. Надо сказать, что еще в устье р. Колымы участники евгеновской экспедиции рас-

сказывали о чукчах, говорили, что на мысе Рыркапьем мы увидим местных красавиц.

Действительно, чукчанки — полная противоположность большинству единоплеменниц — были на редкость красивы. Молоденькие, лет 15—16, смуглые, с черными чуть раскосыми умными и пытливыми глазами, с задорно-вздернутыми носиками, гладко расчесанные на прямой пробор, они при виде незваных гостей стыдливо опустили головы, спрятав лицо, и повернулись задом ко входу. По местным нравам это обозначало безбожное кокетство. В течение пяти минут мы тщетно старались с ними заговорить, в надежде увидеть их лица. Неожиданно выручил появившийся малыш с лицом европейца. Механик Игнатьев его поманил белоснежным печеньем, и он храбро, не зная еще дедовских обычаев и условностей, протянул руку незнакомцу. Но ведь за ребенком же нужно следить. И обеим девушкам волей-неволей пришлось поднять голову и улыбнуться простой очаровательной улыбкой, когда Игнатьев с галантностью заправского джентльмена преподнес им плитку шоколада. Но это была лишь мимолетная вспышка, а затем они снова и на сей раз безнадежно поникли.

Из соседнего яранга на нас стали подозрительно покашиваться чукчи. Чтобы не скомпрометировать девушек, пришлось срочно отступать.

В последний раз заходим в факторию. В комнате сидит старик и молоденькая, на вид уже совершенно взрослая девушка, в пестром, вычурном, с нашитыми лентами и яркими лоскуточками наряде, в брюках и торбасах. Обе руки ее — в медных, ярко начищенных кольцах. На коленях — одетый в замечательный комбинезон из оленьего меха, шерстью внутрь — плаксивый малыш. Все целое — штанишки и куртка. Как только ребенок рождается, его одевают в эту одежду, тогда еще для него очень просторную, и он ходит в ней, не снимая до тех пор, пока ее не перерастет. Такая одежда для детей, здесь на Чукотке, совершенно необходима, ибо едва научившись ходить, они целыми днями ползают на улице по грязи. Понятно, что о принципах гигиены здесь говорить не приходится — ребят просто не моют, уже с детства приучая к вековой грязи.

— Познакомьтесь,— говорит жена Венедиктова,— эта девушка комсомолка со звучным именем Панарультена. У

нас здесь в Рыркапьем есть чукчи грамотные, существует крепкая партийная и комсомольская ячейки.

Мы пробуем заговорить с Панарультеной, но несмотря на то, что по-русски она немного понимает,— на наши вопросы она предпочитает не отвечать и вдруг, зардевшись, бросив малыша на пол, убегает.

— Смутилась,— смеется старик-чукча,— не привыкла видеть столько женихов.

Самолет проф. Обручева нам увидеть не удалось. Местный радист, вернувшись с лагуны, где приземлилась стальная птица, сообщил, что в день прихода «Сибирякова» на мыс Рыркапий самолет на рассвете вылетел на восток к о. Врангеля.

Распрощавшись с Венедиктовым и получив в ответ «счастливо дотопать», мы на моторке помчались к выходу из бухты, где с нетерпением, уже неоднократно сигналя, нас ждал ледокол. Сзади, захлебываясь в волнах, спешила крошечная байдарка, переполненная ребятишками, торопившимися вблизи увидеть «Сибирякова».

Вечером подняли якоря и тронулись в путь. Попрежнему продвигаемся в тяжелых торосистых полях, близко от берега, ибо здесь, хоть и изредка, но попадаются небольшие полыньи. В течение трех часов настойчиво бил «Сибиряков» ледяную перемычку, за которой виднелось большое разводье. Напрягались люди, стонали на полных оборотах машины, но пробить ледяные ворота так и не удалось. Пришлось ее ликвидировать при помощи аммонала.

Днем неожиданно случилось происшествие, едва не окончившееся тяжелыми последствиями. Во время очередного промера лотом матрос Сергеев испуганно крикнул:

— Глубина 3 сажени...

Капитан моментально побледнел. Он прекрасно знал, что осадка «Сибирякова» 3½ саж. В ту же секунду дно ледокола зацарапали камни. Мы сели на банку.

— Проклятье,— ругался Воронин,— карт у меня нет. Мористее из-за льдов итти нельзя, а здесь — мели...

К счастью тревога продолжалась недолго. 2 400 лош. сил «Сибирякова», медленно сползая, по сантиметру вытащили ледокол на глубины. За сутки прошли очень мало, едва достигнув к вечеру траверс р. Ангуэмы.

Ночью, во время ставшей теперь обычаем стоянки, ради-

сты поймали радиограммы с самолета проф. Обручева. Летчик Страубе вне своего основного задания, решил помочь пароходу «Совет», тщетно бьющемуся во льдах на виду от берега, сменил колонистов о. Врангеля. Самолет блестяще выполнил это задание — перевез на «Совет» старых зимовщиков и доставил новую смену, а также запас продовольствия. Но начальник колонии сообщил, что по «техническим причинам» он не сможет передать руководство станцией новому человеку, и остался на четвертую зимовку. По мнению Шмидта, он, видимо, нашел нового начальника совершенно неподходящим, ибо в вежливой форме в виде «технических причин» ему отказал.

ДНИ ИСПЫТАНИЙ

10 сентября — день, который у каждого из нас навсегда зарубится в памяти, было солнечно. Ледокол шел вдоль красивейших берегов, огромных старых скал, с вкрапленными смелыми мазками, пятнами свежего снега.

Вдали показалась лагуна, с оставленными жителями полуразрушенным становищем. Кругом все блестит и сверкает. Вода и льды — в сумасшедшем освещении. Воронин и вахтенный штурман Марков впервые за всю экспедицию — в очках с желтыми стеклами. Пол и стенки кают дрожат в лихорадке: раненый винт, точно в агонии, бьется в громадных, подносимых течением осколках глыб.

— Спать не могу,— жаловался исстрадавшийся второй механик Корытов,— точно мое тело топорами рубят...

Кинорежиссер Шнейдеров в огромной тяжелой авиашубе, делавшей его, толстого, неимоверно раздутым, пользуясь даровым освещением, восторгаясь развернувшейся панорамой, будоражил свою группу. Прислонившись о реллинги, молча созерцали картину участники экспедиции.

Днем подошли к плоскому, бурому, глубоко выдающемуся в море, мысу Ванкарэму. На плоской земле, между морем и лагуной расположен дощатый дом с красным флажком на крыше, видимо — фактория, а рядом — 15 яранг. По условиям Севера это уж был целый город. У фактории стоят люди. Мы их приветствуем гудками. За медленно идущим ледоколом вдоль берега спешит фигурка человека. Ледокол

в этих водах — явление весьма редкое. Годами люди мечтают увидеть пароход.

У мыса выбросился в море маленький круглый островок из мелких камней. Налетаем на огромную льдину. С грохотом поднимая фонтан брызг, низвергаются в воду разбросанные в хаосе торосы. Льдина медленно переворачивается, показывает голубую подошву и к небу вздымается тончайшей работы ледяной веер.

Вдали, в бинокль, виден мыс Онман. Вдоль берега бесшумно скользят две байдары, демонстрируя резкий контраст грязных парусов на фоне кристально-чистого льда. Обе байдары сделаны из прозрачно-желтой моржовой кожи. Они легки, непромокаемы, портативны и обладают большой грузоподъемностью.

— Товарищи, парусники-то нас обгоняют,— говорит матрос,— вишь, как ловко лавируют среди льдов, пользуясь малейшей лазейкой, в то время как мы это делаем неуклюже.

Навстречу с мыса Онмана показалась еще одна байдара, сильно груженная, осев по самые края бортов в воду. Поровнявшись друг с другом, гребцы схватились руками за борта и начали разговаривать, ну, точь-в-точь, как в городе на шумной улице встретились бы два приятеля.

В. И. Воронин в хорошем благодушном настроении. Правда, льды очень тяжелые, но мы все же продвигаемся, хотя и медленно, вперед, уверенно форсируя ледяные поля.

На багровом закате солнца «Сибиряков» прошел старые выветренные, поросшие рыжими лишайниками горы мыса Онмана. Огромный, весь в глубоких морщинах и трещинах — отвес ниспадал в море. Ледокол шел по ровному зеркалу большой полыньи, с кокетничающими в ней пушистыми облаками. Солнце — даже к вечеру — слегка пригревало: ведь как-никак, но мы все же спускались несколько к югу.

Жизнь на ледоколе шла обычным будничным темпом. Ничто не предвещало беды. Даже вечер был обычным серым, как десятки уже бывших вечеров. Внизу, в общей кают-компании — столовой и клубе ледокола очередной пианист играл что-то бравурное, громкое. Люди сражались в шахматы, или, лежа на койках в узких клетках кают, перечитывали давно читанное. Писатель Семенов с группой научных работников предпочитали домино, и их звонкий смех и

остроты весело неслись на корму, где начальник экспедиции, задумчиво уставив глаза в темную пропасть ночи, наблюдал фосфоресценцию волн.

На душе было спокойно. Правда, лед очень тяжелый, но мы на дороге к чистой воде, до которой едва оставалось миль 300. «Сибиряков» подходил к о. Колючину, получившему впоследствии нехорошую кличку — Колючего.

И вдруг оглушительный треск, отчаянный грохот. Ледокол рванулся и задрожал, словно от боли. Машина, почувствовав облегчение, затараторила быстро-быстро, как швейная, но обычной вибрации, получавшейся от расшатанного вала и поломанных лопастей винта, уже не было. Это — первое, что в то время бросилось в глаза даже нам, сидящим внизу. Сверху настойчиво звякнул звонок телеграфа, и машина немедленно была остановлена.

Рояль оборвался на полузвуке. Растерянные, все вскочили со своих мест и опрометью бросились через твиндек на палубу.

— Что случилось? Уж не авария ли? — этот жуткий по существу вопрос был написан на всех напрягшихся лицах.

Сквозь тьму я вижу побледневшего Шмидта, нервно застегивающего меховую куртку, суетливо мечущегося капитана, нахмуренного проф. Визе, старшего механика-толстяка Матвеева и дежурного штурмана Хлебникова, в окружении палубных матросов.

— Быстро — шторм-трап!— каким-то неестественным выкриком скомандовал капитан,— и люстру...

Прикрепив шторм-трап к реллингам, вниз под корму полез Хлебников. Наступило гробовое молчание — все перегнулись за борт, стараясь хоть тщетно разглядеть в темноте, что творится внизу. Ночь была мрачная. Лишь мигающие точки мириад звезд усыпали темный небосклон.

Повиснув на нижней ступеньке раскачиваемого ветром шторм-трапа, вытянув ноги над самой водой, напряг Хлебников все свое великолепное зрение, которое там, наверху, на капитанском мостике так хорошо разбирается в широких разливах тумана, в зеленую муть Восточно-Сибирского моря, стараясь хоть что-нибудь да разглядеть.

— Так люстру держать, правее,— слышен его тонкий крик откуда-то снизу, дающий указания белокурому матросу Сизых.

— Ну, как, Юрий Константинович, что-нибудь видно?— раздается нетерпеливо-нервный голос капитана.

— Да ничего не видно, Владимир Иванович,— вода мутная, да и льды мешают, надвигаясь на судно, закрывают лопасти винта.

— Принести новые люстры, да живее...

Снова тяжелое гнетущее молчание, ожидание чего-то ужасного. Люстры дают слабый желтоватый свет, ибо блестящие рефлекторы покрыты густым слоем ржавчины.

— Ну, а теперь что-нибудь видно?— не унимается капитан.

— Да,— несется снизу жестокий приговор,— лопасть вкось сломана...

Шмидт и Воронин переглядываются долгим встревоженным взглядом. В голове — тысяча мыслей: зимовка во льдах; полярная ночь, трудности, риск. Все прекрасно осведомлены о том, что двух лопастей винта у нас уже нет.

— Матвей Матвеич,— обращается капитан к старшему механику,— надо сделать малый поворот винта...

— Есть, сделать малый поворот,— еле шевеля губами, с обезумевшими дикими глазами, отвечает Матвеев — прекрасный знаток, хорошая няня своего любимого детища — машины ледокола.

Вздрогнуло судно, медленно ворочаясь, зашевелились остатки лопастей.

— Ну эта ушла,— доносится глухой голос снизу.— А вот идет как будто б побольше...

— Может быть целая?— вырывается у кого-то.

— Э-э-э-эх, сломана наполовину...

— Ну, а теперь?

— Сломана на одну треть...

— А четвертая?

Длинная до бесконечности пауза...

— Вовсе нету...

В один момент посерел капитан, и я с ужасом подумал, что этот морской волк — широкоплечий гигант, вот-вот разрыдается.

— Владимир Иванович, может быть нам сменить лопасти?—пытается выручить Шмидт, ни в одну из своих блестящих полярных экспедиций не попадавший в такое несчастье.

— Да нет, нет, ничего здесь не поделаешь,—отмахиваясь безнадежно рукой, с трудом выдавливает из себя близко все принимающий к сердцу Воронин, у которого от тысячи мыслей в голове полный сумбур, сотни мелькающих идей и проблем спасения ледокола от зимовки, ставшей неожиданно такой близкой и возможной, тысячи проектов, которые бы обеспечили выполнение задания партии и правительства пройти Северо-Восточный Проход в один навигационный период.

О. Ю. Шмидт резким движением руки надвинул глубоко на лоб пушистую меховую шапку, нахмурился, и его серые глаза сделались стальными, бесцветными. Проф. В. Ю. Визе низко опустил голову и, не говоря ни слова, не желая слушать никаких подробностей, тихо поплелся вдоль палубы. Да и что спрашивать, какие подробности? Дело ясное. Мы стали безвольны, идем туда, куда нас влекут дрейфующие льды, куда повернут, направят капризные течения и неуемный ветер.

Положение было отчаянным. При таком состоянии винты мы, рассуждая теоретически, могли бы двигаться с максимальной скоростью в 1½—2 узла в час. Но при условии абсолютно чистой воды. А кругом нас были страшные льды и торосы. Против них ледокол был беспомощен.

— Попытаю итти,— сурово бросил капитан, поднимаясь на мостик.

Но «Сибиряков» едва шел меньше малого хода. Целый час бился Воронин—и тщетно. Ледокол, как подраненный зверь, еле плелся. Натянутые до предела нервы капитана не выдержали. С сердцем сплюнув за борт, с глазами, полными горьких беспомощных слез, согнувшись, пошел он в каюту. Ход прекратили. Замолкли в нетерпеливом ритме работавшие машины. Опять наступила гробовая тишина.

В каюте капитана идет совещание — люди ждут выхода из создавшегося тяжелого положения.

— Хорошо бы пройти в бухту,— говорит Хлебников,— и там, на отливе — обсохнуть...

— Чепуха! — отрезает Воронин,—теперь уже это поздно. — И, словно вспомнив, подхватывает мысль, высказанную О. Ю. Шмидтом.—Надо менять лопасти здесь, в море...

Немедленно приступили к точному вычислению, что может дать перегрузка, каким весом груза мы обладаем и что

в первую очередь перегружать. Шмидт предложил объявить аврал и использовать для работ весь экспедиционный состав. Решили, что команда займется переноской угля из кормового трюма — во второй, а членов экспедиции, к работе которых комсостав ледокола относился весьма скептически,— использовать на выгрузке продовольственных грузов из трюма для загрузки бака и полубака.

— Как, Владимир Иванович, теперь начать или утром?— спрашивает Шмидт.

— Нет, уж давайте теперь, время не терпит, как бы не поднялся ветер...

Смолкли веселые голоса в нижней кают-компании, группами шепотом все обсуждают создавшееся тяжелое положение, с нетерпением ожидая окончания заседания штаба.

— Ну, вот, Володя,— обращается Семенов к режиссеру Шнейдерову,—твои надежды, кажется, сбылись. Сейчас, как никогда раньше, у тебя солидный шанс зимовать.

Шнейдеров неопределенно пожимает плечами, видимо, не зная, принять ли это за шутку.

— Ну что ж,—невозмутимо отвечает он,—как решили, так и сделаем. Прозимуем вместе со всеми.

Только художник Федя Решетников пытается рассеять тяжелую атмосферу.

— Кому до мыса Дежнева,—кричит он,— вылезай — ледокол идет в док...

10 сентября в синенькой книжке судового журнала — дневника испытаний «Сибирякова» — сухим канцелярским языком штурмана Маркова был зафиксирован исторический момент трагедии ледокола.

«Около зюйд-ост-ост-зюйд-ост-20 услышал удар гребным винтом об лед. Машина сразу же была остановлена телеграфом. При следующей подаче хода машиной обнаружено отсутствие обычного колебания корпуса. Из машины заявляют, что после одного удара гребным винтом машина на много увеличила количество оборотов, при том же открытии пара. Машина остановлена. Приступили к осмотру гребного винта при помощи электрической люстры, направленной под подзором на поверхность воды против гребного винта. Машину проворачивают вручную. 22 часа: осмотр гребного винта старшим помощником закончен. Результат осмотра: одна лопасть совершенно отсутствует и три ос-

тальные поломаны больше, чем на половину каждая. Вода, недостаточно прозрачная — не дала возможности детально осмотреть требной винт. 22 ч. 10 мин.: возобновили работу машиной, хода — очень малые, несмотря на большое количество оборотов, при чем открытия пара, со слов старшего механика, дается меньше, чем для малого хода. 22 ч. 45 мин.: машина остановлена, так как работать таким ходом в тяжелом льду—бесполезно. Глубина 10,5 саж. Дрейфа нет».

— Соберите весь состав экспедиции,— входя в кают-компанию, глухим мрачным голосом бросил Шмидт.— Мне нужно сказать пару слов...

— Положение, товарищи, чрезвычайно серьезное,— начал он тихим, низким голосом. Его лицо было бледное, глаза непроницаемо твердые, властные, уголок губ нервно подергивался.

— Обследование винта показало, что у нас одна полулопасть, две — по одной трети, а одной—совсем нет. Но, — возвышая голос, продолжал он,— положение еще не безнадежно. Все зависит от нас самих и ни от кого больше, ибо помощь в этих районах немыслима. Мы должны сейчас же, не медля ни одной минуты, вместе с командой начать перегрузку угля и 2-годичного запаса продуктов из кормового трюма в носовой, для того, чтобы изменить дифферент судна, чтобы поднять лопасти винта к поверхности воды, для замены новыми. Запасные — у нас есть на ледоколе. Работать будут все и... я — тоже,— словно смутившись, продолжал он,— побригадно, через 6 часов, круглые сутки. Время не ждет — впереди — близкая зима и полярная ночь. Я объявляю аврал!

— Ну как,— сделаем?— Его острый пронизывающий взгляд испытующе окинул собрание.

— Есть, сделаем,— рявкнули 70 глоток.

— Немедленно организуйте две бригады, выбирайте бригадиров. Одним бригадиром я рекомендую избрать д-ра Лимчера. Кто будет вторым?

— Громов, Громов, Борис,— перебивая друг друга, посыпались голоса.

— Ну, ладно, делите людей и быстро за работу! Кто начнет в 12 час. ночи, т. е. через пять минут, аврал?

Обе бригады с готовностью изъявляют согласие присту-

пить первыми. Почетное право начать аврал выпало на мою бригаду, хотя время у нас было самое неудобное — с 12 ч. ночи до 6 ч. утра и с 12 ч. дня до 6 ч. вечера, т. е. не спать ночью и не видать дня.

— Есть, сделаем,— звенело в ушах.

И сделали. Через пять минут моя бригада уже приступила к авралу. Быстро сорганизовав людей, предварительно обдумав расстановку сил, бросились разгружать трюм от продовольствия.

Сняв огромные полотнища брезента, закрывающего трюм, бригада разобрала доски, сняла при помощи лебедки стоявшую наверху моторную лодку и, разделившись на три группы, приступила к выгрузке. Часть людей работала внизу по нагрузке мешков с мукой, крупой, сахаром, ящиков мыла, колбасы, гигантских кругов сыра и т. д., другая часть — наверху — по приемке груза, а третья в это время — на баке из досок сколачивала заграждение, чтобы ящики не скатились в воду.

«11 сентября,— записано в судовом журнале,— приступили к перегрузке угля для посадки судна на нос до 10 футов. Тогда будет возможность смены поломанных лопастей. Бригада Громова Б. В. перегружает продовольствие.

На лебедке быстро освоился гидробиолог Ретовский, остававшийся в этой необычайной для него должности до самого конца аврала. Бригада, оказавшаяся на редкость дисциплинированной, работала дружно и хорошо. Особенно старались Марат и Чачба — огромные здоровенные парни.

Вскоре на баке выросла гора извлеченных из трюма ящиков и бочек.

На спардеке, в каюте О. Ю. Шмидта всю ночь горит свет. Пригнувшись к столу, сидит начальник, обложенный судовыми документами, чертежами отдельных частей, учебниками теории корабля, пытаясь в самый кратчайший срок овладеть совершенно ему незнакомым предметом и математически-точно рассчитать, сколько надо перегрузить угля и продовольствия, чтобы поднять винт до поверхности воды и чтобы корабль от этого не перевернулся.

В 6 часов утра, быстро поев специально-приготовленный ранний завтрак, легли спать, чтобы в 12 часов дня снова броситься в аврал.

Заспанные, не успев еще отдохнуть, приступили к работе.

Бригада Л. Ф. Лимчера, работавшая вторую вахту, сумела в это время закончить перегрузку продовольственных запасов и начать переноску угля из третьего трюма на нос ледокола. 126 подъемов на лебедке по 4 мешка каждый они сделали и перенесли все это огромное количество в носовой трюм.

— Неужели наша бригада эту норму не выполнит?

— Даешь встречный — 150 подъемов,— решительно заявил Чачба.

Началось соцсоревнование. Здесь, в бескрайных ледяных просторах, оторванный тысячами длинных километров от республики, маленький плавучий островок Советов в момент наибольшего напряжения сил и энергии не забыл об одном из шести исторических условий вождя.

Правильная расстановка сил — решающий момент на авралe. Короткие технические совещания со штурманом Марковым, работавшим в нашей бригаде, дали возможность наиболее рационально распределить людей — сильнейших, выносливых бросить на переноску мешков, остальных — в бездонную пасть трюма для насыпки угля. Там жара, духота, облака едкой угольной пыли.

6 круглых суток до изнеможения работал весь персонал экспедиции — от научного работника до матроса. Здесь потеряли различие в специальностях — геолог, гидрохимик и метеоролог был так же черен от угольной пыли, как любой кочегар. Он так же упорно и настойчиво таскал огромные 5-пудовые мешки с углем. Беспримерный энтузиазм, огромная воля победы овладели всем экипажем.

— Все зависит от нас самих и ни от кого больше,— эти слова Шмидта не выходили из головы.

И научный работник, совершенно непривычный к физическому труду, а тем более — тяжелому, гнул свою спину под тяжестью мешка. Люди падали от усталости, подгибались ноги, болезненно ныла красная, натертая кусками угля — спина. Едва окончив работу, бросались к столу — перекусить чем-нибудь наспех и скорее спать, спать, чтобы через 6 часов снова, с возросшей энергией и упорством броситься в аврал.

Время не ждет. Зима уже на носу. Молодой ледок, затягивающий темные полыньи, огромные стаи гусей и уток, собирающихся в отлет на юг — верные предвестники близких

холодов и буранов. А потому — кто в течение 6 часов больше перегрузит угля — бригада Лимчера или Громова?

Огромные 5-пудовые мешки пришлось таскать вдоль палубы, спускаясь по узеньким, ступенчатым, пляшущим под ногами доскам. Работа тяжелая, изнурительная, требующая большой выдержки и выносливости. Через несколько минут после начала работ вся бригада похожа на негров — с черными измазанными углем лицами, по которым обильно струится грязный липкий пот, со сверкающими белками глаз и ярко-красными губами. На ребят — страшно смотреть, а многих — вообще узнать трудно.

Установили строгую очередь по подноске угля: каждый следил за тем, чтобы не выполнить меньшую работу. Это было бы ужасным позором. Я вижу, как географ Гаккель, осунувшийся, бледный как полотно, согнувшись в три погибели, тащит на спине плотно наполненный углем мешок, в котором безусловно больше пяти пудов. Всем известно, что у Гаккеля склероз сердца, что в любую минуту с ним может случиться несчастье.

— Яков Яковлевич, я как бригадир прошу вас, наконец, предлагаю бросить мешок и отдохнуть хотя бы 15 минут. Пожалейте немножко себя...

Гаккель возбужден до предела. С горящими от ненависти глазами, он подходит ко мне вплотную и злобно шипит:

— Вы не имеете никакого права заставлять меня не работать. Я не хочу, понимаете, не х-хочу отставать от ребят на один мешок...

Так настойчиво и упорно работали обе бригады. Здесь труд был подлинным делом славы, доблести и геройства. Правда, нашлись и такие, что под различными предлогами старались увиливать от тяжелых работ. Но, к счастью — это были единицы. Рассказывать, а тем более подробно писать об этом не стоит, ибо весь ударный коллектив уже однажды сказал им свое слово, свое мнение о них, как о товарищах.

Самое замечательное в этом необычайном аврале во льдах было то, что за все тяжелые дни аварии не было паники. «Сибиряков» на своем борту не имел маловеров. Все до одного были твердо уверены в силах дружного, спаянного коллектива, в высокую квалификацию команды, которые выручат из беды даже в таких отчаянных условиях.

Капитан переживал сильнее всех. Для него авария с ле-

доколом у самого финиша всей экспедиции, в каких-нибудь 300 километрах от чистой воды — была страшнейшим ударом. Весь организм коренного помора, старого опытного моряка бурно восставал против этого. Самолюбие капитана не допускало возможности такого несчастья. В эти дни Воронина трудно было узнать. Он осунулся, сгорбился и замкнулся в самом себе.

— Эх, ребята, вот у кого сердце-то ноет,— указывал черным от угольной пыли пальцем кочегар на спардек, где медленным шагом, вымеряя квадрат, низко опустив голову и заложив руки за спину, задумчиво расхаживал В. И. Воронин.

Какое жуткое совпадение: наша авария произошла неподалеку от места зимовки Норденшельда — первого человека, прошедшего Северо-Восточный Проход. В 1878 г. он застрял на восточной стороне Колючинской губы, в 222 клм. от чистой воды, не зная о том, что рядом у мыса Сердце-Камень промышляют американские зверобойные шхуны, которые могли бы оказать помощь.

— Сколько дней я бесполезно потерял на зимовке,—вспоминал Норденшельд,— когда рядом была помощь...

Ровно в 6 ч. вечера работавший на лебедке Ретовский, мелом вычерчивавший на подножьи мачты палочки — количество сделанных подъемов и перенесенных мешков, вывел цифру 152. Рекорд бригады Лимчера — 126 подъемов— с трудом, с большим напряжением всего состава — все же побит.

Вышедшая на палубу с шумным пением «Кто на смену вашей смене» вторая бригада сразу же затихла. 152 подъема — это большое достижение и его трудно побить.

— Ну, ребята,—издевается пропитанный с ног до головы угольной пылью Марат,—попробуйте, побейте, если сил у вас хватит...

Строгое расписание еды полетело вверх дном. Судовым кокам пришлось срочно приспосабливаться к создавшейся обстановке и изменить сроки питания судового состава. Люди стали обедать в 5 ч. 30 м. утра, ужинать в 6 ч. 30 мин. вечера, а чай пить в 11.30 ночи.

В напряженные дни аварии, когда ледокол в тяжелых льдах потерял все лопасти винта, и его, как жалкую игрушку в руках разъяренной стихи беспомощно носило, болтало,

крутило во все стороны по воле капризных ветров, течений и дрейфующих льдов, когда «Сибиряков», по выражению наших острословов, представлял собою «баржу ледокольного типа с паровым отоплением», когда весь состав экспедиции под угрозой срыва ответственнейшего задания правительства, в общем аврале гнул свои спины под тяжестью мешков, перетаскивая уголь и продовольствие на нос судна, чтобы сменить лопасти,— в это время единственными людьми, не бросившими ни на минуту научных наблюдений, были проф. В. Ю. Визе и метеоролог И. Л. Русинова. Они взяли на себя все научные вахты, чтобы освободить участников для аврала.

А проф. Визе — довольный, потирая руки, расхаживая вдоль палубы, говорил:

— Авария — замечательно! Ведь она нам даст возможность изучить неизвестные науке течения Восточно-Сибирского моря. Люди годами добивались попасть в дрейфующий лед и быть несомыми по воле течений. Здесь, в этом море неутомимый Амундсен пытался это проделать, и неудачно. А нам — нам, право, везет. Теперь наука пополнится новыми данными...

Он говорил это прямо и совершенно искренно. Человеку, всецело преданному науке, ему просто некогда было думать об опасности, которая была буквально на носу.

С утра пошел мелкий дождь, смешанный со снегом, отчего льды заметно подтаивают.

Нам эта погода на руку, ибо позволяет в спокойной обстановке ликвидировать страшную, не имевшую прецедента в истории катастрофу.

В кают-компании О. Ю. Шмидт сообщил, что осадка кормы «Сибирякова» с 20 с четвертью футов уменьшилась до 16 фут. Но этого нам недостаточно. Для того, чтобы можно было менять лопасти винта на поверхности воды, надо поднять корму еще на 6 фут.

Днем Воронин пешком отправился по льдам на восток. В 7 милях от судна он видел чистую воду, которая простиралась до самого горизонта.

— Что творится,— сокрушенно покачивал он головой,— только 7 миль не дотянул «Сибиряков», а ведь там, возможно, и конец ледяным полям...

Вечерняя вахта Лимчера устанавливает сногсшибательный рекорд — 178 подъемов.

— Нет, ребята,— сдавая нам вахту, убежденно говорили они,—вам нас не перекрыть, ибо мы вложили в аврал все, что могли — все свои силы...

— Как это не побить, — озверел широкоплечий Марат.— Даешь встречный—200 подъемов, а чтобы успеть выполнить — не ходить, а бегать с мешками...

— Есть, бегать...

И работа закипела с бешеной быстротой, в сумасшедшем темпе. Перекурка допускалась лишь через каждые 100 мешков — строго экономили каждую минуту. Люди выбивались из сил, но никто не бросил работу, никто не присел отдохнуть. Ребята бегали с тяжелыми мешками по палубе, к полубаку и стрелой неслись обратно, чтобы дать пустые мешки под насыпку.

Исключительный энтузиазм охватил всю бригаду. Мы удивлялись на научных работников, наблюдая, как они без устали бегали с огромными тяжестями, ни разу не пропустив своей очереди. От огромных мешков — болезненно ныла красная натертая спина, пыль забивала поры кожи, отчаянно щипала. Мелкие куски угля залезали в сапоги, натирали ноги. Вскоре же на руках образовались волдыри, водяные мозоли от веревок, петель мешков. А внизу, в глубине темного трюма — адская жара, духота, едкая угольная пыль, лезущая в глаза, уши и рот. Пробежав вдоль палубы с огромным мешком, ребята возвращаются обратно, жадно хватая кружку воды, чтобы промочить ненасытное горло. Тех, кто совершенно измучился, временно снимаем с работы и даем отдых, тщательно следя за слабыми местами и пробками. Все делали одно общее дело. Одна общая мысль спаяла матросов и научного работника — выполнить во что бы то ни стало задание правительства — пройти Северо-Восточный Проход без зимовки.

Вот под этим-то лозунгом и работала бригада, вот под этим-то лозунгом мы и добились победы, сделав 200 подъемов по 4 мешка в каждом. Мы подняли 6 и больше, но пришлось добирать уголь в узких отсеках трюма, отчего работа сильно тормозилась. За несколько минут до окончания вахты ребята буквально рвали друг у друга мешки, чтобы скорее взвалить себе на спину, отнести на полубак, передать

Чачбе, работавшему за двоих, и снова бежать за углем. Такого колоссального напряжения, такой неизмеримой воли победы мне никогда не приходилось видеть. Люди потом и кровью, отчаянным напряжением нервов — добывали себе свободу, потеряв всякую надежду на помощь извне.

Под громкое раскатистое «ура», с силой отброшенное прибрежными скалами, был сделан рекордный 200-й подъем. Кругом нас в оцепенении стояла бригада д-ра Лимчера, не понимая, как можно было сделать такую титаническую работу.

Когда тянули двухсотый мешок — я не выдержал и радостно возвестил наблюдавшему за работой Воронину:

— Владимир Иванович, поднимаем последний...

— У моряков не говорят последний, — не смог не пошутить уже пришедший в хорошее расположение духа капитан. — Последняя была жена у попа, а у нас говорят — остальную...

Совершенно разбитые, едва волоча ноги, мы кое-как доплелись до коек и, не имея сил, чтобы вымыться, отмыть въевшуюся в тело пыль, забыв про обед, завалились на койки, чтобы через 6 часов с возросшей энергией и упорством снова броситься в аврал.

Утром порядочно утомившаяся вторая бригада дала 75 подъемов и наконец наша—118.

К вечеру выяснилось, что до поверхности воды осталось поднять корму всего лишь на 2 фута. В темноте при свете люстр механики лазили осматривать раненый винт. Медленно выползала корма. Драные, истерзанные льдами, жалкие остатки лопастей приблизились к поверхности воды. Но вытащить наружу их так и не удалось — груза нехватило.

Географ Гаккель, матрос Сизых, геолог Ширшов, химик Брунс, машинист Макаров, геолог Влодавец, матрос Пузанков, художник Кантарович, радист Кренкель, кочегар Московский — сколько их, всех не перечтешь, этих лучших, подлинных ударников во всем прекрасном смысле этого слова. Все работали, как один, настойчиво и упорно шел к победе дружный спаянный коллектив. Около 1 200 пудов за время аврала каждому пришлось перенести на своей спине или около 50 пуд. в час.

Капитан словно очнулся от страшного сна — повеселел, глаза заблестели.

— За это бы время профессиональные грузчики, — заявил он О. Ю. Шмидту,—не выполнили бы такой гигантской работы...

Ночью при свете желто-мандариновой луны, подернутой тонкими лентами темных облаков, под корму подставили леса, закрепив их на соседних льдинках. Механики приступили к съемке остатков лопастей винта.

Работать приходилось в невероятно тяжелых условиях, ибо муфта винта находилась в полутора футах под водой. Водолазных скафандров, которые значительно облегчили бы работу, на судне не было. Пришлось работать в непродуваемых, но сильно промокаемых костюмах.

Новые трудности?

Нет таких трудностей, которых не могли бы преодолеть большевики. И по пояс в ледяной воде при температуре —1 град. (соленая вода замерзает при более низких температурах) сменяли механики лопасти, стоя на движущихся, постоянно ломаемых напирающим льдом подмостках. Огромные тяжелые гайки отвинчивали длинным ключом совсем необычным способом. Один держал ключ, а другой — при помощи веревки — тянул его в сторону. После долгой и непрерывной работы в ледяной воде, у машиниста Ивана Макарова руки опухли. Пришлось его напоить спиртом и освободить на несколько вахт от работы. На наше счастье гайки оказались довоенного образца — медными, так что их было нетрудно снять. Теперь в виду экономии металла обычно ставят железные гайки, которые быстро ржавеют, и их приходится срезать, что отнимает много сил и времени.

Внизу, под кормой — консилиум над больным ледоколом: Шмидт, Воронин, старший механик Матвеев, его помощник Корытов и Хлебников, лежа на животах у руля над самой водой, вглядываются в зеленую муть. Тяжелые ледяные громады беспрерывно надвигаются, мешают работать. Начался дрейф. Он тащит огромные торосистые поля, толкает подмостки и рябит воду.

Лебедкой на палубу втащили жалкие, истерзанные льдами остатки лопастей. Что с ними стало! Полуторатонные

огромные лопасти, высотой с человеческий рост, диаметром в 6 фунт. каждая, почти до основания изгрызаны льдом.

На стреле лебедки медленно и осторожно подтаскивают новую лопасть, тихо спускают за борт и тащат к винту, чтобы поставить на шпильки. В машинном отделении на четверть оборота проворачивают винт, и лопасть тяжело садится на место. Приступили к привертке огромных гаек и закреплению их стопорами, вращающимися в обратную гайкам сторону, чтобы все хозяйство во время хода судна не разбалтывалось.

Низко осев носом в воду, задрав корму к небу, тихо дрейфует вместе со льдами раненый «Сибиряков». Общий дифферент сейчас на 16,5 фут., при чем корма сидит на 11 с третью фут., а нос—на 22,5 фут.

Вечером отдохнувшие ребята веселились. В нижней кают-компании импровизированный джаз-банд гремел новую только что сочиненную подрывником Малером песню:

— Дело было на аврале,
Дело славное, друзья,
Уголь мы на нос таскали,
Чтоб поднялася корма.

Боря Громов знаменитый,
В бригадира роль войдя,
Матом кроет всех сердито,
Покраснела аж вода.

Гидра, шевелись быстрее,
И Макаров упорхнул.
Сизых — хлоп мешок на шею,
В быстром темпе за ним гнул.

Чачба в трюм мешки ссыпает,
Подгоняя: «Эй, скорей».
Малер с трапа тут слетает,
А мешок летит левей.

Тут вдруг песня ворвалася,
«Вашей смене — смена мы».
Это Лимчера бригада,
Радист Кренкель впереди.

Дмитриев тут стал к лебедке,
А Новицкий — высыпать,
Снова вира, снова майна
И пошла опять качать.

Федя Хлебникову всыпал
Уголечка за ворот
«Это — малая полундра
Дальше — крупная идет».

Так, работая под шутки,
В напряжении всех сил,
Раньше срока на три сутки
Снова винт наш закрутил.

Всем было весело — на душе было спокойно. Самое трудное уже выполнено — винт доведен до поверхности воды и сняты старые лопасти. Через несколько дней мы снова двинемся в путь к Берингову проливу, туда, где свобода, где чистая вода.

Развалившись на койке, приятно вытянув уставшие ноги, абхазец Чачба рассказывает свой вчерашний сон уставшего человека, впервые после тяжелого изнурительного труда получившего отдых.

— Иду я по Гагры, солнце, тепло. Смотрю — с гор спускается табун лошадей, крепких, откормленных. Выбрал я один, круглый, вскочил на него и давай джигитовать. Сделал круг, другой и проснулся — Марат меня в бок толкает: «Вставай, леший, на аврал». Такая меня тут досада взяла, что накататься не успел, даже сказать трудно.

— А мне снилось, — вступает Канторович, — представляю я гостей-сибиряковцев моей жене и говорю: вот познакомься — это хорошие ребята, свои в доску — ударники, а вот эти — эти неважные, отвиливали от аврала...

К утру первая лопасть винта была установлена на место и тщательно закреплена. Принялись за обивку цемента второй лопасти, после чего спустили ее к корме и поставили на шпильки. К вечеру приступили к работе над третьей лопастью. Теперь «Сибиряков» мог уже самостоятельно двигаться. Шансов на зимовку стало значительно меньше.

На следующий день весь мир впервые узнал о нашем несчастьи. По распоряжению начальника экспедиции, не желавшего создавать панику на материке и напрасно волновать близких нам людей, три дня мы не посылали ни одной радиограммы. В то время как у нас было жуткое несчастье, когда весь состав экспедиции из последних сил гнулся в тяжелом аврале, там далеко и не предполагали о катастрофе, с нетерпением ожидая уже близкого момента выхода

«Сибирякова» в чистую воду Берингова моря. Теперь же, когда авария — позади, в Москву полетели правительственные и корреспондентские информации, заставившие переоценить многих легкость освоения Северо-Восточного Прохода.

Бессменный наблюдатель — метеоролог И. Л. Русинова сообщила о том, что надвинувшийся на район пребывания судна антициклон уже прошел. Завтра надо ожидать циклона и норд-вестовых ветров, которые сделают небо безоблачным и вместе с тем принесут холода. Последнее обстоятельство для нас — очень неприятное, ибо «Сибирякову» придется выбираться из крепких, скованных друг с другом льдов.

В 12 часов ночи в нижнюю кают-компанию пулей влетел матрос Сизых.

— Скорее наверх, человек пять, посильнее!..

Бросив чай, в чем были, взметнулись на палубу. Оказывается, быстро дрейфующие льды налетели на наши плавучие островки, подняли их, грозя переломать и обрушить леса. В воздухе — шорох, отчаянный скрип и скрежет двигающихся, мнущих друг друга гигантских льдин. Немедленно мы подтянули стропила вверх, туго закрепили за релинги, и работа по смене лопастей возобновилась. Этот пример чрезвычайно характерен и показателен, в каких невероятно тяжелых условиях и тревожной обстановке приходилось вести работу.

В 3 ч. дня третья и последняя лопасть была установлена, леса, инструменты подняты на палубу. В качестве четвертой лопасти мы оставили отбитую льдом поллопасть, ибо запасной у нас не нашлось. Правда, в трюме обнаружили неизвестно как попавшие к нам на судно лопасти с ледокола «Русанова», но они по своим размерам не подходили к муфте нашего винта.

В 6 час. вечера бригада Лимчера приступила к авральным работам по переноске продовольствия обратно с бака на заднюю часть палубы. Это было необходимо в связи с тем, что капитан решил с раннего утра начать продвижение вперед, а в этом случае при первом же ударе об лед все наши запасы полетят вниз.

Стоит пасмурная промозглая погода с мелким дождем, смешанным с колючим снегом. Неутомимый фотограф Новицкий, решивший для истории запечатлеть лица участни-

ков экспедиции, начудил. Когда Русинова перед авралом, решив отдохнуть, легла спать, в ее каюту раздался сильнейший стук:

— Бегите скорее в лабораторию, полундра!

Вскочив, как угорелая, вылетела она в коридор и видит густые облака дыма.

— Пожар, — промелькнуло в голове,—новое несчастье...

Вбегает в лабораторию и видит, как Новицкий при помощи магния снимает химика Брунса.

— Садитесь, пожалуйста, — вежливо предложил энтузиаст фото-репортер, — сейчас и вас снимать буду...

Возмущению Русиновой не было предела. Так и не удалось огорчившемуся Новицкому запечатлеть на фото единственную женщину, участвовавшую в экспедиции на «Сибирякове».

Всю ночь моя бригада перегружала уголь обратно из носового трюма в кормовой. Всю ночь шел липкий снег, покрывший палубу белым покрывалом. Переносить 5-пудовые мешки было трудно и опасно, в любой момент можно было полететь вниз и сломать себе шею. Поскользнувшись, географ Гаккель, принимая мешки, едва не свалился в темную пасть трюма, случайно зацепившись руками за доски.

Ровно в 1 час дня «Сибиряков» поднял пары и двинулся вперед, возвестив об этом событии троекратным гудком. Ответом ему было громкое, раскатистое «ура».

Это был незабываемый праздник победы. Люди целовались друг с другом, кричали от радости, без дела, от переполненных чувств носились по палубе.

Медленным темпом, тщательно оберегая лопасти винта, которые были закреплены в авральной обстановке, а не в судоремонтном заводе — в доке, начал ледокол форсировать многолетние торосистые поля. Ход очень тяжелый, а потому сам капитан — бессменно на мостике.

Густой непроницаемый туман скрыл злосчастный обрубок скалистого острова Колючина, с которым связано теперь столько воспоминаний, переживаний и трудных дней беспрерывной борьбы. За сутки прошли пустяки, ибо оберегали новые лопасти. Впереди, насколько хватал глаз — бесконечная ледяная пустыня. Непрерывно продолжались работы по перегрузке угля. Носить очень трудно. Приходится быть акробатами, балансируя с мешками по шатающейся, креня-

щейся под ногами от резких ударов об лед ледокола, палубе. Во время подъема корзины с углем они, ударившись о люковины, с грохотом полетели вниз, ударив по ногам находившихся в трюме геолога Ширшова и художника Канторовича. Это происшествие едва не стоило им жизни.

В 4 ч. 30 мин., форсируя столетней давности полярный пак, раздался сильнейший удар лопасти винта об осколок льдины. Есть все основания предполагать, что сломали новую лопасть. Во всяком случае — таково единодушное мнение специалистов.

Эта история сильно отразилась на настроении участников экспедиции. В головы снова полезли мрачные мысли. Ведь каждый из нас твердо отдавал себе отчет в том, что новых лопастей винта мы не имеем.

Вечером, когда встали на обычный ночлег, проф. В. Ю. Визе выяснил, что «Сибиряков» уже вовлечен в Берингово течение и нас дрейфует со скоростью 2 миль в час.

О. Ю. Шмидт получил замечательно опоздавшую телеграмму от председателя арктической комиссии при Совнаркоме СССР—т. С. С. Каменева, сообщавшего о том, что по его мнению не стоит проводить речные суда, т. е. «велосипеды», в устье р. Колымы, ибо необходимо выполнить свою основную задачу — прохождение Северо-Восточным Путем.

Маленькое опозданьице! Мы не только провели речников, но уже потерпели серьезную аварию и вот-вот сами готовы принять любезное предложение подтащить нас к чистой воде.

ВТОРАЯ АВАРИЯ

18 сентября случилась вторая авария. Я проснулся в 4 ч. 30 м. утра от стука нервно-работающих машин. В круглое стекло иллюминаторов заглядывал предрассветный сумрак. Мимо судна медленно плыли ледяные нагромождения торосов. «Сибиряков» дрожал, содрогался от мощных ударов лопастей винта, барабанящих глыбы.

В голове мелькнула мысль: Воронин не вытерпел и спозаранку двинулся вперед.

Спать больше не было сил. Усевшись на койке, подобрав ноги под себя, возбужденный до крайности, прислушиваюсь к ужасному стуку. Изредка тускло звенит телеграф, ле-

докол на момент останавливается и медленно пятится назад: лед, видимо, очень тяжелый.

Полчаса продолжалась такая картина. Полчаса участники экспедиции с ужасом наблюдали неравный бой.

— Хоть бы остановился, — мелькала мысль, — ведь не может же все это происходить долго и безнаказанно...

В 5 ч. 30 мин. утра весь ледокол потряс доселе еще невиданной силы удар, сопровождавшийся оглушительным треском. Потом все стихло, и вдруг поршни машин с огромной быстротой завертелись в бешеном танце.

— Неужели снова авария? — во всей своей жуткой действительности всплыл вопрос.

— Конечно, да! Уже раз нам пришлось слышать отчаянный грохот и треск, точно такой, что сейчас.

Как безумный, срываюсь с койки, шлепаю босыми ногами об пол и быстро накидываю на себя пальто. За тонким простенком, в соседней каюте такие же звуки и вымученная ругань исстрадавшегося, измученного, близко принимающего к сердцу все наши неудачи гидрографа В. Н. Дмитриева. Выбегаю в кают-компанию. Из приоткрытой двери в машинное отделение показывается толстая фигура старшего механика М. М. Матвеева, поднимающегося наверх.

— Господи, да что же это делается, — раздается его плачущий голос. — Опять, видно, лопасти разбили...

На корму, застегиваясь на ходу, быстро бегут Шмидт, Воронин, Визе и Хлебников. У всех на лицах немой и жуткий вопрос:

— Неужели снова авария?

Спустили шторм-трап, на котором повис Хлебников, пытающийся при помощи длинного весла нащупать лопасти винта. Наступила тишина — все перегнулись за борт.

— Ну, как, отвечайте скорее, — не выдерживает напряг-шийся до предела Воронин.

— Все пропало, — раздается снизу безнадежный голос старшего штурмана, — у нас нет не только лопастей, но и муфты и куска вала — все полетело на дно...

Положение снова было отчаянным. Что делать как быть—на эти вопросы не мог никто ответить. Мы стали безвольны, принуждены итти туда, куда нас потащат дрейфующие льды, куда повернут и направят течение и ветер.

Только немного и совсем незначительно мы еще можем корригировать наш путь, благодаря тому, что руль уцелел.

«В 4 ч. 10 мин., — зарегистрировал судовой журнал, — начали продвигаться переменными ходами, пользуясь разводьями, курсами около ост-зюйд-ост. В 5 ч. 20 мин. при переднем ходе и положении руля, на борту был слышен сильный удар винтом об лед. В 5 ч. 50 мин. при осмотре обнаружено, что гребной вал сломался в нескольких дюймах от трубы, и ступица с обломком вала — отсутствует. Дано распоряжение приготовить малый котел. Заметен сильный дрейф в направлении мыса Сердце-Камень. Хлебников».

В маленькой судовой радиорубке бледный, осунувшийся Шмидт по радиотелеграфу переговаривается с капитаном парохода «Совет»—Дублицким.

— Доброе утро, т. Дублицкий, доброе утро. У нас произошла большая перемена. Сегодня в 5 ч. утра сломался вал и гребной винт ушел на дно. Мы дрейфуем и надеемся, что дрейф нас вынесет в сторону Берингова пролива. Я сообщаю вам первому об этом несчастьи, ибо, находясь в таком тяжелом положении, я хочу вас просить не уходить пока-что от района мыса Дежнева. Вряд ли дрейф нас пронесет через самый пролив. Вероятнее всего мы пройдем мимо него, и вот тогда-то, в этот момент была бы крайне существенной помощь «Совета», чтобы пробуксировать нас до безопасной стоянки в бухту Лаврентия или в бухту Провидения. Туда же мы сможем вызвать судно для дальнейшей отправки нас или же в крайнем случае зазимовать в безопасности для «Сибирякова».

— Я прошу вас также сообщить, каково ваше мнение о направлении дрейфа, ибо вы являетесь большим знатоком этих морей.

Закрыв глаза, Шмидт устало опустил трубку радиотелефона и сел на диван. В каком-то оцепенении все стояли вокруг, ожидая ответа, от которого зависела судьба всей экспедиции, выполнение задания правительства.

— Доброго здоровья, Отто Юльевич,—захрипел громкоговоритель, — доброго здоровья! Опечален вашей неудачей. Конечно, «Совет» сделает все, что от него зависит, чтобы оказать вам помощь. Мы будем держаться в районе мыса Дежнева, а если найдется возможность, то даже пройдем к

вам навстречу. К сожалению, у нас самих вал поврежден. Но это обстоятельство не будет служить большим препятствием. Мы на чистой воде сможем дать до 40 оборотов или 5 миль в час. У нас дейдвуд разрабатывается, но, непрерывно делая запасные болты и часто их меняя, мы еще порядочно времени сможем работать.

— Вы спрашиваете меня о направлении дрейфа? Постараюсь ответить. Течение здесь весною и летом обычно на норд-вест, но осенью должно итти на зюйд-ост, к мысу Дежнева и в конце немного загибаться на норд-ост. Если вас, вопреки ожиданию, начнет отжимать на норд, то я постараюсь ссадить пассажиров на берег и выйти к вам. Не советуете ли вы, Отто Юльевич, мне немедленно начать выгрузку людей, чтобы итти к вам навстречу, или же стоять здесь наготове?

Снова трубка в руках О. Ю. Шмидта. Снова его низкий, усталый голос.

— Приношу вам нашу искреннюю благодарность за отзывчивость и обещание помощи в нашем трудном положении. Я думаю, что вам спешить и теперь же выходить навстречу — не следует. Это создало бы напрасный риск для больного «Совета». Лучше будет, если вы согласитесь ждать нас в районе мыса Дежнева. В свою очередь мы будем держать с вами постоянную радиосвязь и сообщим вам, как только направление дрейфа у нас ухудшится. На всякий случай, скажите пожалуйста, какой вам нужен срок, чтобы мобилизоваться после нашего извещения?

— Алло, Отто Юльевич, — из эфира летит низкий бас старого капитана-полярника, — чтобы высадить 70 пассажиров нам достаточно нескольких часов, но вы понимаете, надо рассчитывать на худшее и снабдить их почти годовым запасом провизии, а это работы еще на одни сутки.

— На особый случай я вам сообщаю, что где-то в этом районе находится американское военное судно «Нордланд»— ледокольного типа. Не так давно мы его позывные слышали, хотя сейчас связь потеряли. Может быть вы с ним свяжетесь? В крайнем случае я смогу мобилизовать для вас до 10 вельботов, если придется «Сибирякова» бросать. Но надеюсь, что дело до этого не дойдет.

— Благодарю вас за информацию,—насупился Шмидт,— к американцу мы, конечно, обращаться за помощью не на-

мерены, что бы ни случилось с «Сибиряковым». Бросать свое судно мы также не собираемся. Вообще надо вам сказать, у нас на судне никакой паники нет. Настроение команды и экспедиционного состава — хорошее, бодрое и деловое. Экспедиция продолжается — слышите?..

— Очень приятно, Отто Юльевич, что у вас нет паники, — появляется голос Дублицкого, — с таким людьми, как у вас — не пропадешь...

И это была сущая правда. Команда и научные сотрудники за время экспедиции, а в особенности за время аврала спаялись в одну семью, в один сплоченный коллектив.

Подбор состава экспедиции — это важнейшая организационная задача: кто знает, ведь всегда возможна зимовка во льдах. И в этом отношении основная заслуга принадлежала начальнику экспедиции.

С 1929 г. командовал О. Ю. Шмидт крупнейшими советскими арктическими экспедициями, был на Земле Франца Иосифа, Земле Северной и др. И каждый раз он особо внимательно приглядывался к людям, которых собирался брать в экспедицию.

Известный полярный исследователь, сподвижник Фритьофа Нансена — Свердруп говорил:

— Чтобы узнать хорошего человека, не нужно съесть с ним пуда соли, а достаточно провести совместно одну полярную зиму.

Здоровая товарищеская атмосфера — залог успеха. Из года в год О. Ю. Шмидт нащупывал нужного человека, подолгу беседовал с ним, оглядывал со всех сторон и тогда только решал. В результате — команда «Сибирякова», в своем большинстве, была подобрана из старых моряков, уже неоднократно плававших в Арктике, зарекомендовавших себя с наилучшей стороны, строго проверенных и испытанных людей.

Шмидт не только блестящий руководитель экспедиции и ее начальник. Отто Юльевич — большой друг, настоящий товарищ всего экипажа. Это он умел так тонко и незаметно заглядывать во все мелочи экспедиционной жизни, быть в центре радостей и тяжелых минут.

Великолепная товарищеская трудовая атмосфера, царившая во все время долгого плавания «Сибирякова» — заслуга, главным образом, проф. О. Ю. Шмидта.

А в дни испытаний, во время аварии, в момент наибольшего напряжения нервов, Шмидт становился другим. Это был властный начальник, непоколебимый в своих распоряжениях, требовавший точного и беспрекословного их выполнения.

Отто Юльевич любит свою работу. По специальности—математик, он, волею партии, сменил кафедру на большую, полную перспектив работу по освоению советской Арктики.

Во время хода экспедиции он пользовался буквально каждой минутой, чтобы сделать новый вклад в дело изучения нашей необъятной полярной границы. Это по его инициативе мы пошли к о. Свердрупа, на котором никогда не бывала нога человека, вне программы, вне задания — совершили блестящий обход с севера Северной Земли, побывав в водах, никогда не изученных наукой, и, наконец, вне программы, вне задания провели речные пароходы на Колыму, придя на помощь бурно развивающейся промышленности Чукотского края.

И непременным инициатором всех этих, удачно закончившихся мероприятий был проф. О. Ю. Шмидт.

Огромный спортсмен в самом лучшем понимании этого слова, неутомимый искатель, он готов был итти на отчаянный риск, чтобы сделать новый ценный вклад в дело освоения Арктики. В биографии Шмидта записано много случаев, когда он, не колеблясь, шел на помощь нуждающимся. Но сам Шмидт еще никогда не просил помощи. Его изобретательный, изворотливый ум, с исключительной виртуозностью мог придумать самые невероятные способы спасения экспедиции, но не допускал и мысли о просьбе оказать помощь. Поэтому-то мне так был понятен его хмурый и сердитый тон, с каким он ответил Дублицкому на предложение связаться с американским военным судном.

Мы находимся в отчаянном положении. «Сибиряков» — жалкая игрушка в руках разъяренной стихии. Маленькая скорлупка, которую крутит направо, налево, вертит, гонит назад. Но на аварийном судне 70 большевиков—70 крепких, выносливых людей, спаянных одной общей мыслью выполнить, выполнить во что бы то ни стало ответственное задание партии и правительства.

— Экспедиция продолжается...

Как только весть о второй аварии облетела матросские

кубрики и клетки кают, немедленно, словно по сигналу начались разговоры о зимовке.

— А вдруг?..

Вернее, в том, что нам придется зазимовать, были почти все убеждены. Цепляясь, как за последнюю надежду, люди перебирали в голове все суда, находящиеся поблизости, которые могли бы притти к нам на помощь. Но и здесь все восставало против нас. Ледорез «Литке», занятый своей экспедицией и выгрузкой 12,5 тыс. тонн грузов — сам не имеет шансов пройти в эту навигацию в Берингов пролив. Пароход «Совет«—с повреждениями. У него отсутствует даже задний ход. К тому же он не ледокол и, конечно, не сможет форсировать тяжелый полярный пак, в котором находится «Сибиряков», а не то, чтобы оказать нам помощь.

Вызывать из Владивостока ледокол «Добрыню Никитича» — нереально, ибо пока он погрузится полуторагодичным запасом продуктов, заберет огромное количество угля, то пройдет большое количество времени, и в Арктике наступит полярная ночь. «Сибирякова» крепко скует и, как полагает проф. В. Ю. Визе, потащит на север: таковы здесь зимние течения. Словом, как ни разбирали, ни варьировали, положение оставалось безнадежным. «Сибиряков» был обрубком — без рук и ног, слабым и жалким. Жутко подумать, что стало с повелителем ледяных просторов.

Но уже к концу дня выяснилось, что у нас появился совсем неожиданный, совсем крохотный шансик на спасение. Дело в том, что в районе о. Идлидля, где мы находились, «Сибиряков» попал в течение, которое медленно, но все же подтаскивало к Берингову проливу. Скорость дрейфа, утром в три четверти мили в час, днем упала до четверти мили. Но все же заметно, как мы продвигаемся к востоку. Мыс Сердце-Камень, который на рассвете едва был виден, к вечеру был в 28 милях от нас. Как на зло ночью пошел дождь. Ледяные поля — развело, они подтаяли и обмякли. Вот когда бы итти ледоколу, а не утром в сплоченном льду.

— Какая досада, — говорит проф. В. Ю. Визе, — застрять в 30 милях от Полярного круга. Теперь вся надежда на дрейф и погоду, только они нас смогут вывести изо льдов...

По распоряжению капитана в обоих котлах, за ненадобностью, спустили пары и перешли на запасный для отопле-

ния кают. Несмотря на тяжелое положение, настроение у всех неплохое, и даже бодрое. Ребята больше острят на тему о зимовке, чем горюют и переживают несчастье.

19 сентября встретило яркой солнечной погодой. Весь день торчим у огромного скалистого мыса Сердце-Камень. Лед все такой же крепкий и сплоченный, с редкими проре-хами полыней. В большой капитанский бинокль, сквозь легкую дымку тумана, чуть видна раскинутая чья-то бре-зентовая палатка и носящиеся по берегу ездовые собаки.

Целый день, за полным отсутствием какого-либо дела, участники экспедиции торчали на льду, охотясь и ловко плавая на небольших шатающихся льдинках. Но уже к ве-черу положение стало тревожным. Неожиданно сорвавшийся дикий ветер погнал «Сибирякова» вместе со льдом прямо на берег. Расстояние между судном и скалами сократилось до трех четвертей километра. Капитан нервно и беспомощно забегал по спардеку.

— Как бы не налететь ночью на банку, — тревожно вглядываясь в темноту, жалуется он, — тогда все погибло. Но если не налетим, то течение обязано нас пронести мимо мыса Сердце-Камень на восток. Эх, только б это удалось?!

В 2 часа ночи вплотную прошли мимо мыса — огромных черных скал, резким обрывом спадающих в море. Небо хмурое, с быстро несущимися облаками, с яркими мигаю-щими точками звезд. Тихо. Едва заметно движется ледокол. Льды его крутят, вертят во все стороны по своему усмотре-нию. Передвигаемся штопором, то носом, то кормой вперед, но все же неуклонно влекомые к востоку.

Днем подошли к мысу Икигур и вскоре же его миновали, хотя и продвинулись всего на немного. Впереди уже про-стым глазом видны мыс Уникин и даже мыс Дежнева, на-ходящийся у входа в Берингов пролив. Там, далеко — наше спасение, наша свобода — но пространство, отделяющее ле-докол от чистой воды, завалено гигантским ледяным по-гребом.

Солнца не видно — оно заходило за мыс Икигур. Но там, наверху вспыхнули алым полымем надутые ветром прозрачно-серые облака. Все небо темно-сиреневое, зло-вещее.

Делать всем нечего. Кочегары и матросы — на биче (без работы). От адской скуки они сами придумывают себе за-

нятия — начисто моют весь ледокол от палубы до стенок кают и помпой накачивают пресную воду из пришвартовавшихся к борту «Сибирякова» ледяных полей с голубыми озерками.

Ночью в пасмурную метелистую погоду поднялась тревога. Дрейф неожиданно изменил свое направление с востока на запад и быстро потащил безвольное судно в сторону, противоположную нашему стремлению. Льды не идут, а с бешенной скоростью мчатся мимо бортов «Сибирякова».

Немедленно Воронин распорядился бросить якоря, расчитывая хоть и немного, но сдержать невольное движение ледокола на запад. Его взволнованный голос все время слышен сверху, с капитанского мостика, откуда он командует Хлебникову выбирать или травить якоря, ибо громадные ледяные поля давят с ужасающей силой, грозя оборвать толстую железную цепь. Но эти мероприятия лишь временно приостановили движение судна на запад. Через пару часов бешеное течение и дрейфующий лед принесли «Сибирякова» обратно к мысу Икигур, от которого за день мы уже успели порядочно отойти.

— Если б не встречный дрейф, — покачивая головой, говорит Шмидт,—мы бы наверняка были в районе мыса Дежнева...

Вечером капитан Дублицкий сообщил по радиотелефону, что ему удалось связаться с несколькими тральщиками, работающими в районе Анадыря. Капитан траулера «Уссуриец» — С. И. Кострубов, с готовностью согласился оказать нам помощь. На запрос по радио проф. Шмидта Кострубов твердо и лаконично ответил:

— 20 утром буду в бухте Провидения.

Как-то спокойнее от сознания, что мы не одни, затерянные в бесконечной ледяной пустыне, что к раненому ледоколу идут на помощь, стало на душе. Только Воронин скептически отнесся к возможности оказания нам реальных услуг.

— Неужели вы думаете, — заявлял он, — что тральщик, не приспособленный для плавания во льдах, а тем более тяжелых, сможет пробраться в район пребывания «Сибирякова»? Нет уж, извините, но к чистой воде нам придется самим доходить. Вот там, в Беринговом проливе — он нам

пригодится, ибо даже открытой водой без посторонней помощи мы не сможем итти.

Ровно через сутки как «Сибиряков» попал в обратный дрейф, глубокой ночью нас опять подхватило попутное течение. Если вчера ледокол отнесло далеко к западу от мыса Икигур, то сегодня днем мы не только его миновали, но и прошли значительную часть пути к мысу Уникин.

Снова все повеселели, шутки и песни несутся по палубе. Лица участников экспедиции — это прекрасный барометр настроений. Не нужно выходить на спардек, не нужно интересоваться направлением дрейфа, достаточно лишь взглянуть на лица участников, чтобы понять, в каком положении «Сибиряков».

Если течение хоть и медленно, но несет нас к чистой воде — все ходят довольные, веселые, и, кажется, что все опасности уже далеко позади. Появился встречный дрейф, относящий нас к западу, и на ледоколе — могильная тишина. Мрачные, огрызаясь друг на друга, все расселись по углам своих кают с тяжелыми мыслями о том, что задание правительства сорвано, и нам не выскочить без зимовки.

Утром О. Ю. Шмидт снова разговаривал с Дублицким, который сообщил, что «Уссуриец» погрузил на борт полуторагодичный запас продовольствия, добавил в состав своей команды лучших специалистов с «Совета», ссадил всех лишних и в любой момент готов итти нам навстречу. В свою очередь Дублицкий просил разрешения «Совет» отпустить, так как, по его мнению, судно находится в аварийном состоянии. Его механики вычислили, что, благодаря дефектам в валу, «Совет» сейчас сможет дать лишь 600 индикаторных сил вместо прежних 2 500.

Евгенов сообщил, что ледорез «Литке» сегодня отправляется с транспортом «Сучан» в Чаунскую губу, произведет там разгрузку и немедленно начнет пробираться к Берингову проливу. Если все будет обстоять благополучно, то он сможет притти к нам на помощь и вытащить «Сибирякова» из ледяной петли.

Судьба играет с человеком. В устье р. Колымы спецкор «Известий» Макс Зингер передал мне письмо для жены, а теперь все перевернулось вверх дном. «Литке» — здоровый, крепкий ледорез, конечно, выберется на чистую воду,

а мы — жалкая посудина в руках разъяренной стихии. Надо было мне послать с Зингером письмо в Москву.

23 сентября с утра — яркое солнце, тепло. А на душе какое-то щемящее чувство чего-то нехорошего, ожидание чего-то дурного. И все это происходит от мучительной неизвестности, оттого, что наши дела идут не так, как мы бы хотели.

В полдень снова начался проклятый сильный дрейф на запад, вынесший нас к вечеру на траверс мыса Икигур. Жуткая обстановка. Кругом нас — бесконечные торосистые поля, без какого-либо намека на полынью или разводье. Мы попали в заколдованный круг, из которого потеряли надежду выбраться. Время от времени нас подтаскивает к выходу в чистую воду, но по ночам неизбежно возвращает обратно, изо дня в день загоняя все дальше на запад. Словом, шаг вперед, два — назад. Вот в такой-то безнадежной обстановке заканчивал свой исторический поход «Сибиряков».

Нервы напряглись до предела. Хотелось помочь, приложить свои силы и... не к чему. Без дела слонялась по палубе команда и научный состав, мучая себя грустными предположениями и догадками. Траур повис над ледоколом. Казалось, — нет ни конца ни края этому бесконечному топтанию на месте. А, между тем, по ночам начались сильные заморозки, сковавшие редкие полыньи. Дикие гуси сбирались в огромные стаи для отлета в теплые края. Зима буквально висела на носу.

— Счастливый путь на юг, — жадным взглядом провожая стаю гусей, задумчиво бормочет гидрограф В. Н. Дмитриев, — мы тоже туда торопимся, только неудачно...

В. Н. Дмитриев сильнее всех переживает возможность зимовки. Да это и понятно, почему. Большинство состава «Сибирякова» шло добровольно в эту экспедицию, твердо отдавая себе отчет в риске и шансах на тяжелую полярную ночь. А Дмитриев был человек подневольный. У него не спросили — хочет ли он итти в Арктику. Его просто командировали после долгого болтания на гидрографическом судне в Баренцовом море. Поэтому он демонстрирует совершенно безнадежные глаза и подавленный, угнетенный вид.

Ночью впервые увидели сильное северное сияние—огром-

ную светло-зеленую дугу, прорезавшую все темное небо, с чуть начинавшими краснеть рваными обрывками драпри.

— Ну, — смеются еще не потерявшие иронии ребята, — так, к декабрю месяцу мы наверняка дождемся и полного сияния...

Обратное течение вместе с сильным ветром попрежнему гонят на запад. Надежд на благополучный исход экспедиции становится все меньше. Все как-то примирились даже с мыслью о зимовке, — до такой степени она казалась неизбежной.

— Ну, чтож, — успокаивали оптимисты, — мы не первое судно, которое будет зимовать в Полярном море. Такие прецеденты не раз бывали в истории арктических плаваний.

И тут же открывалась бесконечная утомительная дискуссия о том, сможем ли мы провести благополучно полярную ночь. На судне — ребята надежные, не привыкшие пасовать перед трудностями, крепкий, спаянный коллектив. Продовольствия, обмундирования и угля нам хватит на все время зимовки. Но все дело в том, что обычно судно, застревающее во льдах, успевает уйти в тихую бухточку, где спокойно проводит полярную ночь. «Сибиряков» же не имеет самостоятельного хода. Тихая бухточка для него — недосягаемый предел мечтаний. Значит зимовать придется в Полярном море, подвергая обтрепанный, раненый ледокол гигантским сжатиям ледяных полей, которые сомнут его в щепы. Тогда — один выход: пробираться в ледяной пустыне по вздыбленным веками торосам к желанному берегу до ближайшего человеческого поселения. Ну, а если нас отнесет за несколько сот миль от побережья? Здесь обычно кончались бесплодные поиски выхода из создавшегося положения, а вчерашняя поломка динамо и сидение весь вечер при свечах ясно показало, что нас ждет на зимовке.

Вот при такой удручающей взвинченной обстановке, при беспрерывных думах о будущем и произошел крутой поворот в твердых решениях Шнейдерова, бравировавшего во время плавания «Сибирякова» в чистой воде своими заявлениями, что кинокам необходима зимовка.

Пригласив к себе в каюту несколько участников экспедиции, он вдруг неожиданно заявил:

— Мы вчера в своей группе обсуждали вопрос о зимовке и решили, что зимовать нам ни в коем случае нельзя, — ни

к чему. К тому же Москва в нас, как работниках — очень нуждается. Поэтому при первой возможности мы покинем ледокол и сойдем на берег.

Это заявление ошарашило всех своей неожиданностью.

— Володя, что ты говоришь? Ведь всю экспедицию ты уверял, что в случае зимовки ты останешься на судне и вместе со всеми будешь переносить все трудности?

— Не будем об этом говорить, — заявил Шнейдеров, — так решено. Ну, а вы как думаете?

Все как один твердо и убежденно заявили, что никто из нас не уйдет, никто не оставит в несчастьи «Сибирякова», если, конечно, не прикажет О. Ю. Шмидт, найдя нужным освободить судно от лишних ртов.

Этот случай чрезвычайно характерен для создавшихся в те трудные дни настроений. Арктика — хорошая школа, но вместе с тем и прекрасная лаборатория для испытания характера человека. Здесь нужны сильные, крепкие физически и морально люди, непоколебимые в своих решениях, не боящиеся временных трудностей.

Вот уж вторые сутки, как нас неуклонно дрейфует на запад. Ветер — штормовый, с дождем и сильным туманом, закрывшим берег, не дающим возможности ориентироваться. Происходит гадание — где мы можем сейчас находиться— у мыса Икигур или дальше — у мыса Сердце-Камень. Но никто, ни капитан, ни штурманы, ни даже проф. Визе на этот вопрос определенно не могут ответить. От неясности нашего положения, от ожидания и неизвестности нервы у всех напряглись до предела. Ребята становятся изо дня в день мрачнее. Капитан, чувствуя на себе тяжелую ответственность за аварию и зимовку, сильно страдает. А вот Отто Юльевича — разобрать не могу. Все тот же стальной, властный взгляд и совершенно невозмутимое холодное лицо. Выдержка у него, видимо, колоссальная!

Надежда на помощь становится проблематичной. Правда, получили радиограмму от наркомвода т. Янсона с распоряжением «Литке» помочь нам пройти к чистой воде, но ледорез сам в тяжелых торосистых льдах и, по заявлению Евгенова, не имеет никаких надежд выбраться без зимовки.

Быстро вступающая в свои права зима чувствуется во всем, вплоть до заморозков, покрытия молодым льдом полыней и отлетом всех птиц на юг. Кругом ледокола — зло-

вещая тишина. Не слышно обычных надоедающих криков наших вечных спутников—чаек. За отсутствием разводьев в другие края перебрались моржи и тюлени.

Продовольственный паек пришлось резко сократить. В преддверии зимовки необходимо было экономить каждый килограмм продуктов. Мясо совершенно исчезло со стола.

Пароход «Совет» уже вышел во Владивосток, а тральщик «Уссуриец» безнадежно борется в тяжелых льдах где-то в районе мыса Дежнева, т. е. у самой кромки льда. Даже радиостанция мыса Уэллен, находящаяся у входа в Беринтов пролив, на самой восточной оконечности азиатского материка, сообщает о том, что у них штормовый ветер и 9-балльный торосистый лед.

Всю ночь и весь следующий день воздух стонал от грохота — взрывов аммонала. Это взрывали многотонные ледяные поля, подошедшие вплотную к судну и грозившие сорвать якорную цепь — жалкую ниточку, при помощи которой мы безнадежно пытались задержать дрейф судна на запад. Взрывы идут у самого борта, заставляя «Сибирякова» тяжело содрогаться всем корпусом.

— Ну, полетят наши заклепки, — пророчит третий механик, П. С. Долинин.

От сильного взрыва под килем проносится гигантская волна, заставляющая пол ходить ходуном.

Утром чуть свет выскакивают в кают-компанию люди и разыскивают ведущих наблюдение за погодой — Русинову, Гаккеля или Влодавца.

— Ну, что нового?

А нового, как обычно, ничего нет и не предвидится. Нас попрежнему дрейфует не туда, куда мы стремимся, с той лишь разницей, что теперь «Сибиряков» получил направление на норд, так что побережье пропало в густом тумане. По предположению старшего штурмана Хлебникова нас уже принесло к траверсу мыса Сердце-Камень.

Писатель Семенов в панике носится с каким-то ужасным гренландским течением, из которого, якобы, ни одно судно в мире благополучно не возвращалось, пропадая без вести.

— А как же люди узнали о существовании этого течения? — ехидно расспрашивают ребята,— если ни один человек не вернулся...

26 сентября утром тральщик «Уссуриец» сделал реши-

тельную попытку выйти из Берингова пролива навстречу нам, но уже днем остановился, напоровшись на полярный пак. В 3 ч. дня направление ветра несколько изменилось. Теперь «Сибиряков» шел не на норд, а на зюйд-ост. Воспользовавшись попутным ветерком, В. И. Воронин распорядился поднять паруса.

Как известно, ледоколы под парусами не ходят, поэтому пришлось итти на «портянках», как выражался капитан — черных, пропитанных углем брезентах, служивших для прикрытия трюмов, небольших клочках белого полотна.

Страшный, нелепый вид имел красавец-ледокол. Это был какой-то пиратский фрегат с мрачными потрепанными обрывками надутых ветром парусов.

Сразу же поднялось настроение экипажа. Дрейф тащил «Сибирякова» на ост, а ветер — на зюйд — к берегу, т. е. в самом нужном нам направлении. Небольшие размытые перемычки ледокол к безумной радости экипажа стал нагло ломать.

— «Сибиряков» еще жив,— в экстазе кричал капитан со спардека,— есть еще порох в пороховницах.

Весь экипаж и научные работники снова бросились в аврал — переставляют паруса. Толстые льды пришлось обходить при помощи ледяного якоря. На лед вылезали участники экспедиции, тащили на плечах якорь, соединенный с ледоколом стальным тросом, заносили его вперед носа судна и укрепляли за большим торосом. Тогда при помощи лебедки «Сибиряков» подтягивался вперед, обходил тяжелые льды, чтобы попасть в полынью, и, пользуясь парусами, медленно итти к чистой воде. Таким образом, скорость продвижения стала доходить до $1^1/_2$ мили в час. Работа закипела в бешеном темпе. Каждый рвался внести свою лепту, чтобы помочь «Сибирякову» вылезти в чистую воду.

Капитан «Уссурийца» С. И. Кострубов сообщил, что с раннего утра он начал продвижение навстречу «Сибирякову». Добравшись до мыса Уэллена чистой водой, пошел «Уссуриец» вдоль берега и на траверсе мыса Инкана встретил крупно-битый лед. По мнению В. И. Воронина, «Уссуриец» должен быть в 45—50 милях от нас, при чем в районе мыса Волнистого его застигнет темнота, и он заночует.

Весь день шел «Сибиряков» под парусами, взрывая ле-

дяные перемычки, закидывая якорь и подтягиваясь на стальном тросе.

«Фрегат-Паллада» — острили матросы,— с радостью ощущая самостоятельное движение ледокола вперед в нужном ему направлении.

Когда начали ставить паруса, на полубак вышел старший механик Матвеев, с явным неудовольствием наблюдая, как их поднимают на мачту. А когда раздалась команда — «закинуть ледяной якорь», он улыбнулся и мелкими шажками быстро побежал вниз, в машинное отделение, чтобы дать пар для лебедки.

— Нет, граждане,— разговаривая сам с собою, утешал он себя,— наша промышленность, оказывается, еще вам нужна, без нас не обойдетесь...

Вечером снова установили связь с «Уссурийцем». Оказалось, что за день он сумел проделать значительный путь. Его настоящее местоположение — мыс Уникин, где он из-за темноты бросил якоря, т.-е. всего в 18 клм. от нас.

После ужина был организован торжественный вечер и раздача почетных грамот ударникам, отличившимся на авралe. Еще накануне О. Ю. Шмидт, поймав меня на палубе, отвел в сторону и заявил:

— Я считаю, что необходимо ребят развеселить. Посмотрите, какие все ходят мрачные и понурые. Надо устроить вечер, приурочив его к награждению грамотами за аврал. Сделайте это дело, подготовьте программу, устройте музыку, а насчет угощения — я сам позабочусь...

Я удивленно взглянул на начальника.

— Вечеринку? Да кто же на нее пойдет? У всех мысли далеки от веселья! Я лично согласен принять в ней участие, но ведь никто не пойдет мне навстречу?

— Попытайтесь,— коротко бросил О. Ю. Шмидт, дав понять, что вечер нужно сорганизовать и во что бы то ни стало.

Начались бесконечные мучения, назойливые просьбы помочь или принять участие в составлении программы и разучивании репертуара.

— Отстань, сумасшедший, время ли сейчас веселиться,— неизменно получал я ответы сердитых товарищей.

К счастью, на помощь пришли писатель Семенов и ху-

дожник Канторович, при участии которых и была разработана интересная программа.

На вечер пришлось буквально каждого вытаскивать из каюты. Участники экспедиции под гнетущим впечатлением аварии судна и неизвестности наотрез отказались итти веселиться. Но в нижнюю кают-компанию явились Шмидт, Воронин и Визе, и пришлось согласиться—участвовать в празднике.

После бодрящих речей и «Интернационала», исполненного на старом разбитом пианино, был предложен подсоленный, за недостатком свежей пресной воды, чай и разнохарактерный дивертисмент: судовой джаз-банд, пляски, хоровое пение, соло на пианино проф. Визе, стихотворения и наконец — «винегрет» на злобу дня.

Расположившись у пианино, безголосыми басами выл хор специально написанные к вечеру куплеты.

Плыви, мой челн,
По воле волн,
Куда несут
Тебя ветры...
Плыви туда,
Моя баржа,
Где нету льда —
Ты без винта...

Ты взойди, взойди,
Солнце красное,
Солнце красное,
Солнце ясное.
Растопи ты льды,
Льды полярные,
Льды чукотские,
Восьмибалльные.
Мы не сами идем,
Нас теченьем несет
К Сердцу-Каменю
Иль к Архангельску.
Ты заставь его течь
К мысу Дежнева,
В море Беринга
И в Охотское.

Помнишь ли ты,
Как улыбалось нам счастье,
Думы одни
Все в Уэллене они.

Видел ли ты
Мыс Дежнева в тумане,
Помнишь ли ты,
Психуешь ли ты,
Но это был только сон
Только дивный сон...
Никто пути пройденного
От нас не отберет,
А баржа ледокольная
Вперед, назад, вперед...

Коронным же номером были мнимая радиопередача. В самый разгар вечера, заранее условившись, в кают-компанию влетел возбужденный радист Кренкель и заявил, что сейчас впервые за всю экспедицию ему удалось поймать радиопередачу Тасса.

Притащив громкоговоритель, он установил его на пианино и, предложив соблюдать тишину, стал возиться с настройкой.

Из рупора раздались хрипы, посвистывания и тихие, едва слышные слова диктора, по мере настройки становившиеся все громче. Диктором был я, сидевший наверху в радиорубке у микрофона и читавший заранее составленный текст передачи.

Чтобы ввести в заблуждение слушателей, дать им полную иллюзию настоящей радиопередачи последних новостей, в течение 15 минут я честно сообщал им мифические сведения о рекордных плавках Магнитогорских домен, новой генеральской бойне в Китае, кролиководстве в Московской области, выработке ширпотреба, происках империалистов и т. д.

В кают-компании мгновенно воцарилась гробовая тишина. Затаив дыхание, люди жадно ловили информацию о далекой и такой близкой всем республике.

— Тише, черти,— волновался капитан,— из-за вас ничего не слышно...

Все присутствующие чутко реагировали на успехи Страны Советов — одобрительно покачивали головами и перекидывались гордыми взглядами.

— А теперь, товарищи,— хрипел громкоговоритель,— послушайте последние новости с ледокола «Сибиряков», как известно, потерпевшего аварию у берегов Чукотского полуострова.

— В беседе с сотрудником Тасса известный полярный ученый проф. Х. заявил следующее:

— Мне кажется, что наша пресса подняла слишком большую шумиху вокруг аварии «Сибирякова». Что ж, аварии с судами бывают на севере, и в этом нет ничего страшного. Я полагаю, что «Сибиряков» не находится в таком тяжелом положении, как об этом пишут в газетах...

Ропот недовольства пронесся по собранию. В один момент все вспомнили рваные паруса, бесконечные мотания судна взад и вперед по воле капризных течений.

— Вот так загнул,— хихикнул, толкая капитана в бок, проф. Визе, — здорово...

В таких же оптимистических тонах продолжалось все выступление ученого Х., вызывая недоумение и горькую иронию у многочисленных слушателей.

А разоблачение «утки» было только в самом конце выступления.

— И вот, товарищи, — подводил итоги ученый Х, — как заявляли все мои великие предшественники — Фритьоф Нансен, Роальд Амундсен, Георгий Седов и полярный фотограф Новицкий...

Здесь поднялся дикий, безудержный хохот, заглушивший дальнейшую передачу. Покатываясь от приступов смеха, 70 указательных пальцев вытянулись к притаившемуся в углу, покрасневшему и смущенному нашему экспедиционному фотографу.

— О, Петя, уморил,—ты, оказывается, тоже великий предшественник...

Гром бурных аплодисментов был наградой за хорошо поданный номер, умело разрядивший напряженную атмосферу последних дней. И все вдруг забыли об аварии и тяжелых днях. На душе стало весело и спокойно. Снова гремела музыка и отплясывали «шамиля». Бодрое настроение, хоть и временно, но было удачно восстановлено.

— Очень хорошо,— радовался за ребят начальник, — я вам говорил, что так надо сделать. А завтра — с новой энергией бросимся в аврал.

28 сентября исполнилось два месяца, как мы покинули, полные радужных надежд и мечтаний — Архангельск. Два месяца полярного плавания — это целая книга событий, вертевшихся в бешеном водовороте. Блестящее начало и

печальная концовка — так по крайней мере казалось будет, ибо шансов на выход из ледяных полей с каждым днем становилось все меньше. Достигшего мыса Уникина — «Уссурийца» за ночь отдрейфовало обратно за мыс Инцова.

— Лед восьмибалльный,— сообщил капитан Кострубов,— нам неподходящий, но надеюсь, Отто Юльевич, сегодня же вам лично пожать руку...

До самых сумерек мы его тщетно искали на горизонте, а капитан залезал даже в бочку, но нашего спасителя не было видно. Маленький кораблик затерялся в громадных, вздыбленных ветрами торосах.

В 10 ч. вечера, сговорившись заранее с «Уссурийцем», на мачту залезли оператор М. Трояновский и художник Ф. Решетников. По сигналу радиста Кренкеля наверху ярким пламенем вспыхнули факелы, по свету которых в течение трех минут определял свое местоположение «Уссуриец». Это было незабываемое зрелище. Абсолютную темноту полярной ночи прорезал искрящийся сильный огонь, осветив вершину мачты, перепутанную паутиной снастей.

Внизу на палубе, с затаенным дыханием люди ждали ответных сигналов.

— Увидит ли «Уссуриец» зажженный огонь?

И вдруг где-то вдали черный занавес ночи внезапно разорвали красные сигналы ракет. Пестрым дождем посыпались искры, сообщая, что «Уссуриец» нас видит, что спешит к нам на помощь.

С палубы грянуло радостное, гулкое «ура». Казалось, что лишения уже все позади. В 13 милях стоит «Уссуриец», готовый оказать нам посильную помощь. И думалось, что стоит лишь протянуть руку, и мы будем выведены на чистую воду.

— Ур-р-р-а капитану Кострубову! — несется с полубака.

— Ура славной команде «Уссурийца»!—отвечала палуба.

Узнав реллинги траулера, мы легко смогли установить и свои. Оказалось, что «Сибиряков» находится на траверсе мыса Инцова, на меридиане Берингова пролива в 8 милях от него и в 10 милях от мыса Дежнева.

Какие-то жалкие километры отделяют нас от чистой воды, от выполнения нашего основного задания. Неужели же и отсюда нас опять погонят течения и ветры обратно на запад?

Всю ночь продолжался норд-вестовый ветер, с силой гнавший ледокол к Берингову проливу. Но «Уссурийца», вставшего на якорь, дрейф отогнал обратно к мысу Дежнева, разорвав между нами расстояние до 32 миль, вместо вчерашних 13. Это какая-то бесконечная скачка с препятствиями, при чем, чем ближе мы к чистой воде, тем препятствий становится больше.

Днем, воспользовавшись истинным нордовым ветром, снова подняли паруса и пошли к меридиану мыса Дежнева. Если так будет продолжаться и дальше, то «Сибиряков» может быть вовлеченным в Берингово течение и тогда — радость свободы. Во всяком случае, в 7 ч. вечера ледокол под парусами продолжал итти в больших черных разводьях, с редко попадавшимся навстречу сплоченным льдом, неуклонно на зюйд.

Поздно вечером Коструб ов сообщил, что мы уже прошли то место, откуда он нам вчера сигнализировал ракетами. Следовательно, если ветер, льды и течения останутся прежними, то у нас появляется определенная надежда быть вынесенными, как вчера «Уссуриец», в воды Берингова пролива.

Проф. В. Ю. Визе познакомил меня с интересным наблюдением. Он выяснил, что в районе, где мы находились, существует два течения: одно — вдоль побережья, о котором науке давно было известно, а другое — на северо-запад. Оба течения разветвляются у мыса Сердце-Камень. По законам течений между двумя ветвями должен быть круговорот (кругообразное течение). У о. Идлидль, где мы потеряли лопасти и кусок вала, нас понесло вначале береговым течением на восток. У мыса Икигур юго-восточными ветрами нас потянуло на северо-запад, где «Сибиряков» и попал в северо-западное течение, откуда норд-вестом нас бросило в круговорот между двумя основными ветвями, где мы бесконечно и кружились. Кружиться мы могли до тех пор, пока ветрами нас не выкинуло бы в северо-западное течение или же на путь к Берингову проливу. Оказывается, если б «Сибиряков» попал в северо-западное течение, то наш маршрут был бы к о. Врангеля и дальше — неизвестно куда, мимо полюса, вплоть до Гренландии. Сейчас же у нас все обстоит благополучно,—конечно, если не изменятся навигационные условия.

— Вы знаете,— улыбаясь заявил В. Ю. Визе,— аврал-то оказался «делом вредительским». Да, да, я вам сейчас объясню. Вы помните, в первую аварию у «Сибирякова» остались две по одной трети лопасти. При таком хозяйстве мы могли бы со скоростью полторы мили в час двигаться вперед. Идя тихим ходом, попав, как это и случилось, в береговое течение, дрейфуя во льдах, мы смогли бы дойти до мыса Икигур и противодействовать встречному дрейфу своим ходом, ибо этот дрейф гнал нас не более полуторы мили в час, а этим ходом мы как-раз и обладали. После этого, как помните, наступил попутный дрейф, который даже при слабой помощи винта нас должен был протащить к Берингову проливу. Следовательно мы были бы уж давно «дома». Таким образом, наш аврал, на который было положено столько сил и трудов, был не только лишним, но и вредным.

— Но, успокойтесь, — увидев мое пораженное неожиданными выводами лицо, улыбнулся проф. Визе,— так можно рассуждать после того, как мы выпутались уже из тяжелой истории, когда мы медленно, но все же идем по пути к чистой воде. Тогда же было другое положение. Тогда нужно было срочно принимать энергичные меры, конечно, не надеясь на изменчивые и капризные течения. Тогда аврал был единственным средством спасения экспедиции. Я же рассуждаю как теоретик...

К вечеру «Сибиряков» был на траверсе мыса Икигур и на меридиане мыса Дежнева. Ледокол, точно впервые учащийся ходить ребенок, беспомощно тычется носом в поля, отходит назад и, медленно разворачиваясь, идет полыньями.

В 8 час. вечера в рубке радиотелефонный разговор с «Уссурийцем». Дожидаясь начала передачи, на диване сидят в нерпичьей куртке проф. Шмидт, в шерстяном кашне и фуражке Воронин и Визе в кожаной куртке.

Запустили динамо. Радист Гиршевич, поднеся трубку ко рту, начал:

— Алло, алло, «Уссуриец», «Уссуриец», говорит «Сибиряков», говорит «Сибиряков», у микрофона проф. Шмидт, ждет Кострубова. Переходим на прием.

Динамо быстро выключается, и в рубке становится тихо. Все притаились и почему-то упорно уставились в укрепленный в стене громкоговоритель. Вдруг послышалось густое

шипение, хрипы и неожиданно — совсем ясный, совсем близкий голос.

— Алло, алло, говорит «Уссуриец», «Сибиряков», слушайте, у микрофона капитан Кострубов.

Несколько секунд перерыва, и вдруг — мягкий густой бас, медленный, но спешащий голос, с достоинством:

— Добрый вечер, Отто Юльевич. Прежде всего я поздравляю с таким быстрым продвижением вперед к намеченной цели. «Уссуриец» попал в тяжелые льды, в 6 милях от мыса Дежнева. Но сейчас лед разрежается, и мы рассчитываем снова пойти к вам навстречу. До скорого свидания, Отто Юльевич, до скорого свидания.

Рупор в руках начальника экспедиции.

— Привет, Степан Иванович, от экспедиционного состава «Сибирякова». Мы идем в сильно разреженном льду под парусами, уверенно продвигаясь вперед. Сейчас вам все подробности расскажет Владимир Иванович.

Рупор берет капитан и, спотыкаясь, выжимая из себя слова, говорит:

— Что ж вам сказать, Степан Иванович? Ну, мы идем, плывем, ну, словом двигаемся. Вот поднавесили разные там «портянки», ну и стараемся как-нибудь до вас добраться. Ваше местонахождение приняли, приняли хорошо. Ну, вот и все, пожалуй. Больше говорить не о чем. Пока до свиданья.

Всю долгую ночь Муханов и Решетников торчали на палубе, задавшись целью первыми увидеть мыс Дежнева, за что их утром подняли на-смех, как первых людей, увидавших «обетованную землю».

В мелкой измороси и туманной погоде пробирался «Сибиряков» под парусами весь следующий день в сильно разреженном льду. К полудню мыс Инцова уже был далеко позади. На траверсе — туманный обрывистый мыс Дежнева.

— Мы у ворот в Тихий океан — у предела наших мечтаний. Сильным дрейфом нас тянет к западным берегам Америки.

В рулевой рубке научный работник Ретовский с важным видом крутит колесо штурвала, направляя тихо плетущегося «Сибирякова» в темные прорехи полыней. Ледокол идет

неуклюже, натыкаясь на льдины, мгновенно теряя скорость и затормаживая ход.

— Лево руля,— кричит ему капитан,— да поживее, пошевеливайся. Вот пожалуйста, новый матрос у меня появился.

Настроение у него резко переменилось. Хмурый, задумчивый, с невыразимой печалью в глазах, Воронин снова стал бодрым, веселым и жизнерадостным капитаном, таким, как привыкли мы его видеть всю экспедицию.

«Уссуриец», так близко подходивший к нам, беспомощно застрял в тяжелых льдах у Диомидовых островов, дрейфуя на зюйд, т.-е. в противоположную нам сторону.

— Говорил, что нечего на него надеяться,— гордо заявляет Воронин.— Никто нам не сможет помочь. Только сами, своими силами мы выберемся в чистую воду.

Огромная запорошенная свежим снегом скала мыса Дежнева — сбоку, всего только в 13 милях от нас, а подойти к ней вплотную нет сил. К вечеру «Сибирякова» со всех сторон сжало ледяными полями. Пришлось сбросить паруса и положиться на волю течений, правда, весьма благоприятных, несущих с минимальной скоростью судно на зюйд-ост.

По мнению В. Ю. Визе, это произошло из-за того, что огромное количество льда, несомого течением в Берингов пролив, создало там пробку, которая и задерживает дрейф.

В ЧИСТОЙ ВОДЕ

1 октября — день, который войдет блестящей страницей в историю советского полярного мореплавания. Хмурые скалы, с серебром выпавшего снега, мыса Дежнева были от нас на расстоянии каких-либо 8—10 миль. С 7 часов утра до 4 часов дня ледокол тщетно пытался пройти на восток, к чуть видной вдали синей полоске воды, расчертившей туманный горизонт. У кромки льда — белые, завитые барашки, широкая волнистая линия: видимо там — мертвая зыбь. Но предстоящий нам шторм ничуть не пугает. Уж очень всем надоела мертвая тишина, бесконечный нудный дрейф, которому, казалось, нет ни конца, ни края.

— Качнет, ребята, и здорово,— наблюдая вздымающи-

еся вдали водяные горы, загородившись от солнца черной от угольной пыли ладонью, говорит кочегар Буров,—ну, да это хорошо. Маленько вас всех порастрясет и поставит на ноги...

Несколько разрозненных, зализанных прибоем ледяных полей отделяют «Сибирякова» от чистой воды, от свободы. На краю горизонта появилась длинная качающаяся мачта, вскоре превратившаяся в маленький бот, а затем — в рыболовное судно.

— Тральщик «Уссуриец» идет к нам на помощь,—во все горло кто-то заорал на полубаке, — видимо льды Диомидовых островов сжалились и выпустили его в чистую воду.

Капитан заволновался, занервничал.

— Саша,— суетливо бегая по капитанскому мостику, громом голоса отдавая распоряжения, ласково шептал он своему любимому детищу «Александру Сибирякову», — Саша, не подкачай, ну, давай, ну, давай же скорее, вылезай за кромку без его помощи...

Его мечтой, его безумным желанием было выйти самостоятельно, без чьей-либо посторонней помощи и таким образом блестяще закончить тяжелый полярный рейс.

1 октября у нас было 4 исторических события. «Сибиряков» дошел до Берингова пролива, а в 4 часа дня под громкое раскатистое «ура» и приветственные залпы винтовок раненый ледокол без винта и вала, на драных брезентовых парусах блестяще вышел из тяжелых льдов на чистую воду.

Последнюю глыбу набравший скорость «Сибиряков» раздавил и смял своей тяжестью.

— Фу,— прислонившись о реллинги, облегченно вздохнул капитан, — если б знали, как я устал...

Тихим задумчивым взглядом человека, который отдал все свои силы, всю неисчерпаемую энергию и богатейший практический опыт — огромному делу выполнения ответственнейшего задания партии и правительства, следил он за приближением так запоздавшей помощи.

Он снова был невозмутим и спокоен, как прежде. «Сибиряков» стоял на стыке двух миров — Америки и Азии, в Беринговом проливе, у ворот в Тихий океан.

Северо-Восточный Морской Путь впервые в истории завоевания Арктики пройден без зимовки, в одну навигацию советской арктической экспедицией.

Затормозив ход, медленно пришвартовывался к нашему борту «Уссуриец». Три хриплых простуженных баса гудка победно вырвались в воздух. Траулер расцветился пестрой гирляндой флажков. С обоих бортов билось и клокотало радостное от безмерного счастья «ура». На верхнем мостике, в синей английской робе, с шеей, закутанной в бежевый шерстяной шарф, стоял стройный, загорелый брюнет, с небольшой черной бородкой — капитан С. И. Кострубов — неоценимый герой, единственный человек, рискнувший с явно негодными средствами на совершенно неприспособленном для плавания в Арктике траулере проникнуть в ледяную пустыню, в неизмеримый хаос и нагромождения гигантских торосов, чтобы оказать помощь, спасти от зимовки блестящий поход «Сибирякова».

Встреча с рыболовным траулером под берегами далекой Аляски была третьим историческим моментом.

— На нашу долю, Владимир Иванович,— крепко сжав руку Воронина, произнес Кострубов,— выпало счастье поздравить вас первыми с таким блестящим и трудным переходом. От имени команды «Уссурийца» я приветствую сибиряковцев с огромным успехом разрешения мировой задачи — сквозного плавания из Белого моря в Тихий океан.

Густой непроницаемой ночью «Уссуриец» взял на буксир ледокол и свободным от льда Беринговым проливом потащил на ремонт в Иокогаму. Это было четвертое историческое событие этого дня.

«Сибиряков» оказался на положении «велосипеда», а ведь совсем не так давно мы играли совсем обратную роль.

Вечером, понукаемая твердой рукой радиста Е. Н. Гиршевича, в туманную даль понеслась радиограмма:

«Молния Москва ЦК ВКП(б) Сталину. Совнарком Молотову. Наркомвоенмор Ворошилову, Каменеву. Наркомвод Янсону, ЦИК Ученому комитету, «Правда», «Известия», «Роста», «Комправда».

Экспедиция Арктического института на ледоколе «Сибиряков» целиком выполнила задание правительства, прошла вдоль северных берегов Союза из Белого моря в Тихий океан. Это — третий в истории проход и первый, совершенный в одно лето без зимовки. Выйдя из Архангельска 28 июля, экспедиция совершила первый обход Се-

верной Земли, достигла устьев рек Лены и Колымы, с запада, что открывает новые большие возможности хозяйственного развития Якутской республики выходом на запад. Собраны научные наблюдения, освещающие новые морские пути.

Потеряв 10 сентября в тяжелом льду лопасти винта, ударной пятидневной работой сменили их среди льдов, не заходя в порт. Когда же 18 сентября сломался вал и потеряли винт, экспедиция не прекратила работы, а двигалась дальше, к цели, пользуясь всеми средствами: морским течением, взрыванием ледовых препятствий, подтягиванием от льдины к льдине на тросах и поднятием самодельных парусов. Во время дрейфа собран научный материал, освещающий неясную раньше картину морских течений.

В результате упорной борьбы со стихией 1 октября на парусах вышли в чистую воду, достигли цели — Берингова пролива.

Выполнив задание, отсюда на буксире вызванного нами тральщика «Уссуриец» пойдем в порт на ремонт ледокола.

Успех достигнут и трудности преодолены благодаря организованности и энтузиазму всего экипажа ледокола и всех научных работников, благодаря развитию соцсоревнования смен и бригад, давшему рекордные темпы погрузочных работ, и почти поголовному охвату ударничеством.

Во время пути 8 матросов и кочегаров вступили в партию. Подано несколько заявлений от научных сотрудников.

Свою работу открытия и исследования новых морских путей считаем частью великого плана социалистического строительства и под этим знаменем преодолели преграды.

Начальник экспедиции — **О. Шмидт.**
Капитан ледокола — **В. Воронин.**
Заведующий научной частью **В. Визе.**
Председатель судкома машинист **К. Крючков.**
Секретарь ячейки ВКП(б) матрос **Н. Адаев.**

Через несколько дней, во время штормов у Земли Кораков как из рога изобилия посыпались пачки поздравительных телеграмм. Страна Советов узнала о блестящем походе «Сибирякова».

На стенке кают-компании радист Е. Гиршевич едва успевал вывешивать новые, только что полученные радиограммы.

«Бесконечно рад, что упорной борьбой, с большевистской настойчивостью участники экспедиции и экипаж ледокола «Сибиряков» самостоятельно добились выхода в Тихий океан, на деле доказав возможность завершения Северо-Восточного Прохода в одну навигацию, несмотря на чудовищно-тяжелую аварию. Сердечно приветствую всех. С нетерпением жду встречи.

Замнаркомвоенмор **С. Каменев».**

«Поздравляю с выходом из льдов и окончанием Северо-Восточного Прохода. Ждем информации. Привет всем. «Русанов» вернулся 24.

Р. Л. Самойлович».

«Горячо поздравляем героический экипаж, руководство и персонал ледокола с блестящим завершением исторического рейса. Вместе с вами радуемся новому успеху советской науки и техники. Шлем лучшие пожелания.

«Известия ЦИКС».

«Советская общественность следит за движением ледокола «Сибиряков», выполняющего под руководством Шмидта задачу Северо-Восточного Прохода. Поздравляем с успешным разрешением задачи. Шлем привет всему экипажу, героически боровшемуся с трудностями похода.

Северный Крайисполком.

«Горячо, сердечно поздравляю. Несказанно рад благополучному выходу вас из тяжелого положения. Крайне угнетала невозможность, оказать вам скорую немедленную помощь. Желаю дальнейшего благополучия.

Евгенов.

«Горячо приветствуем ваш героический подвиг. Только с большевистской настойчивостью можно добиться успеха. Искренне рады. Шлем рукопожатия и пожелания дальнейших успехов.

Треугольник ледореза **«Литке».**

«От имени работников водного транспорта Петропавловского порта шлем горячий пролетарский привет. Ваши достижения являются гордостью для нас, моряков-большевиков. Привет всему коллективу экспедиции «Сибиряко-

ва», доказавшему всему миру, что для энтузиастов-моряков нет преград. Молнируйте, чем можем быть полезны.

Начальник порта **Майсурадзе».**

А под конец прибыла запоздалая радиограмма жены художника Канторовича, измучившейся, видимо, постоянными сообщениями газет о бесконечном дрейфе «Сибирякова».

«Левка, зимовать воспрещается — дрейфуй домой.

Капа».

15 октября 1932 г. поздно вечером, когда «Сибиряков», вырвавшись из тяжелых объятий гигантских ледяных полей, беспомощно тащился на буксире рыболовного тральщика «Уссуриец», в течение полумесяца штормуясь в Тихом океане, дежуривший у аппарата радист Э. Кренкель неожиданно поймал вызовы радиостанции Петропавловска-на-Камчатке.

— Алло, Кренкель,—четко выговаривали точки и тире,— здорово, друже, для тебя есть радость. Немедленно лезь в чемодан, вынимай воротничок, китель с золотыми пуговицами, сегодня у вас будет праздник... ура...

15 минут спустя в кают-компанию влетел бледный, запыхавшийся радист, с блестящими глазами и давно небритым лицом.

— Отто Юльевич, невероятно, прочтите... — смущенно сунул он телеграфный бланк в руку начальнику.

А на маленьком клочке бумажки корявым почерком, спешащей рукой были выведены исторические слова приветствия вождей.

«Москва № 702. Подано 13 октября в 15 часов 00 мин. Принята 15 октября в 16 ч. 15 мин. по гринвичскому времени.

Ледокол «Сибиряков». Начальнику экспедиции Шмидту, Капитану ледокола Воронину.

Горячий привет и поздравления участникам экспедиции, успешно разрешившим историческую задачу сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию. Успехи вашей экспедиции, преодолевшей неимоверные трудности, лиш-

ний раз доказывают, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость, организованность. Мы входим в ЦИК Союза ССР с ходатайством о награждении орденами Ленина и Трудового знамени участников экспедиции.

Сталин, Молотов, Ворошилов, Янсон.

В тот вечер на «Сибирякове» был подлинный праздник. Участники экспедиции чувствовали огромную радость, были горды, получив столь высокую оценку правительства за тяжелые, полные испытаний дни неравной борьбы.

НАЧАЛЬНИК ЭКСПЕДИЦИИ ПРОФ. О. Ю. ШМИДТ О ПОХОДЕ «СИБИРЯКОВА» 1932 г.

Экспедиция закончена. Нам удалось выполнить задание правительства — пройти Ледовитый океан сплошным плаванием из Белого моря в Тихий океан, без зимовки, в одну навигацию.

Из телеграмм мы знаем, что советская общественность внимательно следила за нашим походом. Этот интерес — понятен, ибо наша экспедиция увенчивает целую полосу советской работы в Арктике — полосу, так сказать, первоначального освоения и вместе с тем открывает новый этап хозяйственного использования Арктики в интересах всего Союза в целом.

Что отличает советскую арктическую работу от работы других стран?

Мы не довольствуемся отдельными экспедициями, как бы случайными вылазками или спортивными рекордами, как достижение полюса. Для нас Арктика — поле человеческой деятельности. Наш Арктический институт начал с продвижения далеко на Север опорных пунктов, в виде полярных научных станций: в 1929 г. на Земле Франца Иосифа, в 1930 г. — на Земле Северной, в 1932 г.—мысе Челюскина и т. д.

Устраивая, снабжая эти станции, сменяя зимовщиков, наши ледокольные экспедиции одновременно избороздили западную часть Полярного моря и своими исследованиями доказали его проходимость. За нашими пионерскими рейсами, основываясь на их результатах, в следующие годы идут

зверобойные промысловые суда. Так, проведено первоначальное освоение западной части Советской Арктики.

В этом году мы пошли в восточную часть. Основная проблема Арктики — проблема транспорта. Овладение транспортом в Ледовитом океане не только необходимо для снабжения станций, поселений, но имеет громадное самостоятельное значение: Ледовитый океан омывает весь Север нашего Союза. Это — естественный путь к северу Сибири. Это — кратчайший морской путь из европейской части СССР — в дальневосточную.

Норденшельд еще в 1879 г. доказал осуществимость Северо-Восточного Прохода. Амундсен — рейс повторил. Но на пути — они зимовали, при чем Амундсен — даже две зимы.

Мы поставили основной вопрос — является ли Северо-Восточный Проход настоящим путем транспорта, т. е. осуществим ли он в одно лето без зимовки. На этот вопрос нам удалось ответить утвердительно, доказав проходимость на деле. Также на деле мы доказали, что в устье Лены, в Якутию, с запада плавать можно, притом легче, чем с востока, по крайней мере, в иные годы. Перед экономикой Якутии открываются новые перспективы связи с европейской частью Союза.

Наш «Сибиряков» среди ледоколов не принадлежит к мощным, к тому же он сильно изношен, что сказалось на поломке винта. Это обстоятельство еще больше подчеркивает ценность добытых результатов и подтверждает существование пути. У нас не было спешки, безоглядки. Наоборот, мы по пути совершили крайне важный в географическом смысле первый обход вокруг Северной Земли с севера. Мы перевели на буксире речные суда из устья р. Лены в устье р. Колымы, участвовали в снабжении станций на Новосибирских островах, в устье Лены и т. д. По пути были произведены разнообразные научные работы, наблюдения, разработка которых происходит сейчас.

Вначале плавание шло исключительно легко. Льды Карского моря мы без труда форсировали. Но потом Арктика себя показала. У Северной Земли, а в особенности восточнее р. Колымы — ледокол боролся с очень трудным льдом, приведшим к ряду аварий,— последствия которых мы напряженной работой тут же во льдах исправляли.

Когда же винт ледокола сломался окончательно, то мы продолжали двигаться всеми способами, вкладывая в решение задачи всю энергию и настойчивость. Иногда удавалось пользоваться морскими течениями, в другие дни — они нас относили обратно. Тогда мы подтягивались от льдины к льдине тросами, взрывали преграды и, наконец, под самодельными парусами — достигли цели, вышли из льдов на чистую воду Берингова пролива и Тихий океан.

Еще очень много работы впереди, чтобы детальнее исследовать путь, обставить его сетью научных станций, радиостанций. Но путь пройден советской экспедицией, и «никто пути пройденного от нас не отберет».

Чему приписать нашу победу?

Основным фактором являются люди, но не техника. Вследствие изношенности ледокола, запоздания самолета, так и не участвовавшего в экспедиции, слабой радиосети на северо-востоке, как раз техника-то у нас и не блистала.

Зато люди подобрались на редкость хорошие. Мы втроем с проф. Визе и капитаном Ворониным дружно сработались еще за предыдущие экспедиции. Это позволило нам подобрать опытный состав команды и научных работников с прибавлением наиболее выносливых и способных из молодежи.

У нас была крепкая ячейка ВКП(б). Уже с начала экспедиции мы наладили общественную работу, соцсоревнование, ударничество. Научные работники и команда крепко спаялись в один коллектив — дисциплинированный, воодушевленный волей к победе.

При первых же трудностях наши работники показали, что труд для них есть «дело чести, славы, доблести и геройства». Научные работники, когда надо было для быстрой смены винта, несколько дней таскали уголь на плечах, превысив обычные нормы грузчиков.

Одним словом, мы победили тем же, чем трудящиеся всего Советского Союза, под руководством партии, побеждают на всех участках — организованностью, сознательностью и крепким убеждением, что мы не заброшенная на север горсточка людей, но часть великого коллектива строителей социализма.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ НА «СИБИРЯКОВЕ»

В советской правительственной арктической экспедиции Северо-Восточного Прохода на ледоколе «Сибиряков» в 1932 г. участвовали:

Проф. О. Ю. Шмидт — начальник экспедиции.

В. И. Воронин — капитан ледокола «Александр Сибиряков».

Проф. В. Ю. Визе — заведующий научной частью экспедиции.

Агафонов А. Н. — кочегар первого класса.

Адаев Н. И. — матрос второго класса.

Александров П. П. — повар-выдвиженец.

Бармин В. Ф. — старший машинист.

Баранов Г. С. — дневальный.

Белопольский Л. О. — охотовед.

Брунс Б. П. — химик.

Буров В. И. — кочегар первого класса.

Бутаков Н. С. — кочегар первого класса.

Влодавец В. И. — геолог.

Гаккель Я. Я. — географ.

Гиршевич Е. Н. — радист.

Голубин Г. В. — матрос второго класса.

Громов Б. В. — специальный корреспондент «Известий ЦИК СССР и ВЦИК».

Громов В. И. — кочегар первого класса.

Данилкин М. М. — производственник и общественный работник.

Дмитриев В. Н. — гидрограф.

Долинин П. С. — третий механик.

Дурасов Г. И. — матрос первого класса.

Загорский А. А. — боцман.

Игнатьев Н. Г. — авиамеханик.

Канторович Л. В. — художник.

Колтаков А. В. — машинист второго класса.

Корытов Г. С. — второй механик.

Копусов И. А. — зам. начальника по административно-организационной части.

Кренкель Э. Т. — радист.

Крючков К. И. — машинист первого класса.

Кукушкин Б. А. — помощник повара.

Купер Я. Д. — киноассистент.

Лактионов А. Ф. — гидролог.

Лесков А. Е. — буфетчик.

Лимчер Л. Ф. — врач.

Макаров И. Ф. — машинист второго класса.

Малашенко П. Г. — завхоз.

Малер Б. Ю. — подрывник.

Московский Г. М. — кочегар первого класса.

Марков М. Н. — третий штурман.

Марков Е. Л. — кочегар второго класса.

Матвеев М. М. — старший механик.

Муханов Л. Ф. — секретарь.

Новицкий П. К. — фотограф.

Оводов В. Ф. — кочегар первого класса.

Пономарев С. А. — кочегар второго класса.

Пузанков В. Н. — матрос второго класса.

Ретовский Л. О. — гидробиолог.

Решетников Ф. П. — художник.

Русинова И. Л. — геофизик.
Сакс А. Е.— второй штурман.
Семенов С. А.— писатель.
Сергеев Я. В.— матрос первого класса.
Сизых П. К. — матрос первого класса.
Трояновский М. А.— кинооператор.
Хлебников Ю. К.— старший штурман.
Чачба Н. И.— охотник.
Ширшов П. П.— гидробиолог и ботаник.
Шишкин А. Г.— штурманский электрик.
Шнейдеров В. А. — кинорежиссер.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СОДЕРЖАНИЕ

Советская Арктика 5
Северо-Восточный Морской Путь 15
Первые экспедиции русских на север 24
Открытие Северо-Восточного прохода 31
Большевики отправились в Арктику 44
Белое море 56
У ворот Великого сибирского пути 68
Маточкин Шар 78
Первые льды 85
На острове Диксон 106
Земля Северная 127
В ледяной петле 149
В бухте Тикси 164
Радиостанция на Ляховских островах 173
Встреча с „Великой Армадой“ 177
На последнем этапе пути 185
Мыс Рыркапий 190
Дни испытаний 200
Вторая авария 219
В чистой воде 242
Начальник экспедиции проф. О. Ю. Шмидт о походе „Сибирякова“ 1932 г. 248
Список участников экспедиции на „Сибирякове“ 251

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство обращается ко всем читателям с просьбой о присылке отзывов на эту книгу. Просьба к библиотечным работникам сообщить издательству данные, характеризующие спрос читателей, высказываемые мнения (если производится коллективное обсуждение — желательно получить протоколы, резолюции и т. п.), а также сведения о профессиональном и возрастном составе читателей этой книги.

Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, Тверской бульвар, 25, издательство „Советская литература"

Супер обложка и переплет работы худ. Георга Фишера. Фото С. Струнникова.

Ответственный редактор Г. Цыпин.
Уполномоченный Главлита В-68380.
Технический редактор А. Макеев.
Сдана в производство 3 декабря 1933 г.
Подписана в печать 19 марта 1934 г.
Бумага 82 × 110/32, Печатных листов — 16. Тираж 10 000 экземпляров.
С. Л. №54. 17-я фабрика нацкниги треста „Полиграфкнига" Москва, Шлюзовая наб. д. №10.

Цена 2 р. 40 к.

Переплет 60 к.